

ПРАВОВАЯ ЗАЩИТА ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ:

ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

Сборник материалов международной научно-практической конференции
(Новополоцк, 24 мая 2024 г.)

Министерство образования Республики Беларусь
Учреждение образования
«Полоцкий государственный университет
имени Евфросинии Полоцкой»

Региональный учебно-научно-практический Юридический центр

**ПРАВОВАЯ ЗАЩИТА
ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ:
ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ**

Электронный сборник материалов
международной научно-практической конференции
(Новополоцк, 24 мая 2024 г.)

Текстовое электронное издание

Новополоцк
Полоцкий государственный университет
имени Евфросинии Полоцкой
2024

УДК 347.77/.88(082)

Рекомендован к изданию
методической комиссией юридического факультета
Полоцкого государственного университета имени Евфросинии Полоцкой
(выписка из протокола № 7 от 30.08.2024 г.)

Редакционная коллегия:

В. А. БОГОНЕНКО, кандидат юридических наук, доцент (отв. редактор);

Е. Н. КУДРЯШОВА, кандидат юридических наук;

А. И. МИХАЙЛОВА, кандидат юридических наук

Рецензенты:

А. Ю. КОРОЧКИН, кандидат юридических наук, доцент, заведующий Минской областной специализированной юридической консультацией по правовому сопровождению бизнеса, Председатель Международного арбитражного (третейского) суда «Палата арбитров при Союзе юристов»;

С. С. ЛОСЕВ, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры международного права Белорусского государственного университета

Правовая защита интеллектуальной собственности: проблемы теории и практики [Электронный ресурс] : электрон. сб. материалов междунар. науч.-практ. конф., Новополоцк, 24 мая 2024 г. / Полоц. гос. ун-т им. Евфросинии Полоцкой, Регион. учеб.-науч.-практ. Юрид. центр ; редкол.: В. А. Богоненко (отв. ред.) [и др.]. – Новополоцк : Полоц. гос. ун-т им. Евфросинии Полоцкой, 2024.

ISBN 978-985-531-895-9.

Представлены материалы отечественных и зарубежных ученых, специалистов, в которых рассматриваются вопросы использования объектов интеллектуальной собственности и их правовой охраны, в том числе способы защиты исключительных прав, а также проблемы применения законодательства об интеллектуальной собственности.

Издание может быть использовано в научной, учебной, практической деятельности и рекомендуется всем, кто интересуется правовыми вопросами интеллектуальной собственности.

211440, ул. Блохина, 29, г. Новополоцк,
Тел. 8 (0214) 59-04-08, e-mail: v.bogonenko@psu.by

№ госрегистрации 3101918415

ISBN 978-985-531-895-9

© Полоцкий государственный университет
имени Евфросинии Полоцкой, 2024

Для создания текстового электронного издания «Правовая защита интеллектуальной собственности: проблемы теории и практики» использованы текстовый процессор Microsoft Word и программа Adobe Acrobat XI Pro для создания и просмотра электронных публикаций в формате PDF.

Текст воспроизводится по: **Правовая защита интеллектуальной собственности: проблемы теории и практики** : сб. материалов междунар. науч.-практ. конф., Новополоцк, 24 мая 2024 г. / Полоц. гос. ун-т им. Евфросинии Полоцкой, Регион. учеб.-науч.-практ. Юрид. центр ; редкол.: В. А. Богоненко (отв. ред.) [и др.]. – Новополоцк : Полоц. гос. ун-т им. Евфросинии Полоцкой, 2024. – 276 с.

ISBN 978-985-531-894-2.

**ПРАВОВАЯ ЗАЩИТА
ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ:
ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ**

Электронный сборник материалов
международной научно-практической конференции
(Новополоцк, 24 мая 2024 г.)

Технический редактор Т. А. *Дарьянова*.

Компьютерная верстка Т. А. *Дарьяновой*.

Компьютерный дизайн обложки М. С. *Мухоморовой*.

Подписано к использованию 19.12.2024.

Объем издания: 2,2 Мб. Заказ 466.

Издатель и полиграфическое исполнение:
учреждение образования «Полоцкий государственный университет
имени Евфросинии Полоцкой».

Свидетельство о государственной регистрации
издателя, изготовителя, распространителя печатных изданий
№ 1/305 от 22.04.2014, перерегистрация от 24.08.2022.

ЛП № 02330/278 от 27.05.2004.

211440, ул. Блохина, 29,
г. Новополоцк,
Тел. 8 (0214) 59-95-41, 59-95-44
<http://www.psu.by>

СОДЕРЖАНИЕ

Бессарабова В.В. Регламентация отношений сторон по договору франчайзинга при включении в лицензионный комплекс «ноу-хау» франчайзи	6
Близнец И.А. Интеллектуальная собственность и ее влияние на современные экономические процессы	12
Богоненко В.А. Реализация политики в сфере управления интеллектуальной собственностью (на примере Полоцкого государственного университета имени Евфросинии Полоцкой)	24
Бондаренко М.С., Мешкова Н.А. К вопросу об инновационном праве как подотрасли инвестиционного права	28
Бурханова Л.М. Особенности аккаунтов в социальных сетях как объекта интеллектуальной собственности	33
Василевич Е.Д., Карчевская А.В. Интеллектуальная собственность как инструмент развития «зеленой» экономики	42
Величко А.Г., Низовец Д.В. Интеллектуальная собственность как экономическая категория	49
Ворошкевич С.А. Применение технологий искусственного интеллекта на стадии планирования нормотворческой деятельности: возможности и вызовы	55
Глеб В.В. Творчество как фактор охраноспособности фотографического произведения	63
Грунтов В.П., Семёнова Н.Н., Федчук О.А. Инновационная деятельность в сфере здравоохранения	69
Доменикан А.А. Недобросовестная конкуренция: от Парижской конвенции по охране промышленной собственности до национального законодательства	75
Иванкович А.Д., Семёнова Т.В. Определение признаков патентоспособности объектов биопринтинга на основе использования индуцированных плюрипотентных стволовых клеток (iPS-клеток)	83
Иванова Д.В. Презумпция авторства в авторском праве	92
Иванцова Ю.Г. Актуализация правовых норм в сфере образования в условиях цифровых технологий: меры противодействия плагиату	97
Ивашкевич А.С. Интеллектуальная собственность в эпоху цифровой трансформации: современный подход	102
Кишкевич Е.А. Отдельные аспекты охраны объектов интеллектуальной собственности в области биотехнологий	110
Козловская В.В. Передача права на администрирование домена как способ защиты исключительных прав	116
Короленко Р.А. Принудительное лицензирование в Республике Беларусь и на международном уровне: анализ проблематики	122
Куршук Д.А. К вопросу об искусственном интеллекте в авторском праве	127
Ландо Д.Д. Государственные секреты и интеллектуальная собственность: значение разграничения	132

Леанович Е.Б. К вопросу о современных трендах международной нормативно-институциональной основы охраны и управления интеллектуальной собственностью	137
Максуров А.А. Отдельные проблемы адаптации обеспечительных мер по делам о нарушении субъективных прав в сети Интернет.....	144
Мехмонов К.М. Объекты промышленной собственности в современной реальности.....	150
Минько Н.С. Государственное регулирование отношений в области искусственного интеллекта (в порядке модельного законотворчества государств-участников СНГ)	160
Перепелица Е.В. Проблемы машинной алгоритмизации нормотворческой деятельности.....	174
Рубинова О.Н. Охрана способа лечения как объекта патентного права: национальная и зарубежная практика	180
Савицкая К.Д. Защита прав авторов онлайн-курсов	189
Семёнова Т.В. Соотношение доменного имени с охраняемыми средствами индивидуализации	193
Смотрикова А.С. Аккаунт в цифровой среде: возможности и проблемы признания его как объекта интеллектуальной собственности.....	203
Старченко Т.А. К вопросу о наделении искусственного интеллекта авторскими правами	211
Топилдиев Б.Р. Современные тенденции развития интеллектуальной собственности в Республике Узбекистан	217
Ходжиев Ю.М. Особенности правовой защиты интеллектуальной собственности в бизнесе: национальное регулирование на примере законодательства Республики Узбекистан.....	224
Чупракова П.А. Анализ трехступенчатого теста и концепции добросовестного использования произведений: теоретический аспект.....	233
Шакель Н.В. Юридические риски использования искусственного интеллекта в деятельности субъектов хозяйствования	241
Шарахметова У.Ш. Объекты искусственного интеллекта как новый институт гражданского права Республики Узбекистан: понятие и их правовой статус	246
Шевандо А.И. Правовая охрана произведений, созданных с использованием искусственного интеллекта	259
Щепочкина Ю.А. О причинах снижения изобретательской активности на постсоветском пространстве	270
Юлдашев Ж.И. Возможности и перспективы применения искусственного интеллекта в корпоративном управлении	277
Ядревский О.О. К вопросу нарушения авторских прав при использовании технологий искусственного интеллекта	282
Яковлев В.И. Специфика международно-правовой охраны товарных знаков	288

**РЕГЛАМЕНТАЦИЯ ОТНОШЕНИЙ СТОРОН
ПО ДОГОВОРУ ФРАНЧАЙЗИНГА ПРИ ВКЛЮЧЕНИИ
В ЛИЦЕНЗИОННЫЙ КОМПЛЕКС «НОУ-ХАУ» ФРАНЧАЙЗИ**

В.В. Бессарабова

*соискатель ученой степени кандидата юридических наук,
victorychka@mail.ru*

Аннотация. *Статья посвящена исследованию особенностей правоотношений, складывающихся между правообладателем и пользователем при исполнении договора франчайзинга в случаях, когда существует потребность в распространении «ноу-хау» франчайзи во всей сети франчайзера.*

Ключевые слова: *франчайзинг; франчайзер; франчайзи; франшиза; «ноу-хау»; лицензионный комплекс.*

Abstract. *the article is devoted to the study of the peculiarities of legal relations between the copyright holder and the user in the execution of the franchise agreement in cases where there is a need to distribute the «know-how» of the franchisee throughout the franchisor's network.*

Keywords: *franchising; franchisor; franchisees; franchise; «know-how»; licensed complex.*

В мировой практике еще в 1970-х гг. возникла потребность регламентации правоотношений между правообладателем и пользователем по договору франчайзинга при распространении «ноу-хау» франчайзи во всей сети франчайзера [1].

Франчайзинговая деятельность является предметом нормативно-правового регулирования преимущественно в Соединенных Штатах Америки (далее – США), а также в странах Восточной и Западной Европы. Отсутствие специального регулирования франчайзинговых правоотношений в правовых системах отдельных стран не мешает широкому использованию договора франчайзинга в гражданском обороте при условии, что законодательство не содержит ограничений, влияющих на возможность заключения рассматриваемого договора. В странах, где широко распространены различные виды франчайзинговых отношений, законодательство США, в большей степени, направлено на всестороннюю регламентацию условий осуществления франчайзинговой деятельности посредством договора. Договор франчайзинга является традиционным для англо-саксонской системы

права и до настоящего времени не получил детальной регламентации в международных соглашениях.

Впервые законодательная регламентация договорных отношений по франчайзингу в нашей стране была осуществлена в Гражданском кодексе Республики Беларусь от 7 декабря 1998 г. № 218-З (далее – ГК РБ), где франчайзингу, как самостоятельному типу договора, была посвящена гл. 53, представленная ст. 910, в п. 1 которой содержалось законодательное определение договора, а в п. 2 – законодательное ограничение на заключение договора франчайзинга, которое выражалось в возможности его заключения только в случаях, предусмотренных законодательством. Поскольку такие случаи в действующем тогда законодательстве Республики Беларусь отсутствовали, данная правовая норма фактически представляла собой запрет на заключение рассматриваемого договора.

Только спустя 6 лет в связи с вступлением в силу редакции ГК РБ от 18 августа 2004 г. были сняты законодательные ограничения на заключение договора франчайзинга, и правовое регулирование рассматриваемых договорных отношений стало общедозволительным. Это позволило заключать договора комплексной предпринимательской лицензии между резидентами и нерезидентами Республики Беларусь, между субъектами хозяйствования Республики Беларусь внутри страны, и франчайзинг постепенно приобрел в Беларуси универсальный характер ввиду предоставляемых франчайзером хозяйственно-экономических преимуществ для франчайзи, поскольку передаваемый по договору лицензионный комплекс в соответствии с п. 1 ст. 910 ГК РБ (в ред. от 5 января 2013 г.) включает право использования фирменного наименования правообладателя, как субъекта хозяйствования, и нераскрытой информации – обязательных элементов указанного комплекса.

Первый договор комплексной предпринимательской лицензии был зарегистрирован в патентном ведомстве Республики Беларусь в 2006 г. Всего по итогам 2023 г. по данным, содержащимся в Годовом отчете Национального центра интеллектуальной собственности, в Республике Беларусь зарегистрирован 1051 договор франчайзинга [2]. Практика заключения договоров комплексной предпринимательской лицензии в Республике Беларусь за период с 2006 по 2023 гг. свидетельствует о том, что франчайзерами, как правило, являются коммерческие юридические лица Республики Беларусь. Но число иностранных франчайзеров, предоставляющих франшизы белорусским франчайзи, постоянно увеличивается, что свидетельствует

о потенциальных возможностях развития франчайзинговых и субфранчайзинговых отношений с иностранным элементом в Республике Беларусь. Из всех заключенных на территории Республики Беларусь договоров большинство иностранных франчайзеров являются субъектами хозяйствования Российской Федерации.

Анализ правовых норм, содержащихся в ГК РБ (в ред. от 22 апреля 2024 г.), с учетом изменений, вступающих в силу с 6 января 2025 г., и иных норм национального законодательства свидетельствует об отсутствии в Республике Беларусь законодательной регламентации возможности использования (при возникновении потребности) «ноу-хау» франчайзи непосредственно самим франчайзером при осуществлении предпринимательской деятельности и всеми пользователями в сети франчайзинга, поскольку изначально «ноу-хау» не было включено в лицензионный комплекс.

В соответствии со ст. 980 ГК РБ секреты производства («ноу-хау») являются объектами интеллектуальной собственности. Их защита от не-санкционированного использования третьими лицами без разрешения правообладателя на практике, как правило, осуществляется путем установления режима коммерческой тайны, не требующего получения патента или иных специальных документов, что позволяет сохранить охраняемую информацию в тайне («проприетарное ноу-хау» [3, с. 55]).

В соответствии с п. 2 ст. 1010 ГК РБ и п. 2 ст. 140 ГК РБ обязательным для правообладателя таких сведений является принятие конкретных мер, направленных на сохранение тайны информации, составляющей секрет производства. Например, охрана рецептуры (что характерно для франчайзинговой сети) в качестве секрета производства в режиме «ноу-хау» позволяет в течение длительного времени сохранять ее в тайне, позволяя тем самым поддерживать фактическую монополию на рынке [4].

Нераскрытая информация, как объект гражданских прав (ст. 128 ГК РБ), составляющая вместе с фирменным наименованием правообладателя обязательные элементы предмета договора комплексной предпринимательской лицензии, может включать технические, организационные, коммерческие секрета производства, такие как:

- особенности организации и осуществления предпринимательской деятельности каждого франчайзингового объекта (точки), в т.ч. стандарты оформления, конкретные требования по использованию фирменного наименования, как средства индивидуализации участников гражданского оборота (товаров, работ, услуг) — на товарах, их упаковке, в рекламе, вывесках,

проспектах, печатных изданиях, в документации, связанной с франчайзинговой деятельностью, а также при демонстрации товаров на выставках и ярмарках (п. 1 ст. 1013 ГК РБ); такой способ индивидуализации должен быть присущ и всем франчайзи;

- непосредственно сама рецептура, как секрет производства («ноу-хау»), при ее использовании, если это необходимо для работы франшизы;
- процессы организации осуществления учета и контроля деятельности франчайзи (пользователя);
- иные экономические сведения, составляющие секрет производства.

Данный перечень является не исчерпывающим, так как франчайзер сам изначально определяет, какую информацию следует охранять в режиме «ноу-хау», а в процессе осуществления франчайзинговой деятельности сведения, составляющие действительную или потенциальную коммерческую ценность для франчайзера могут меняться и, следовательно, в отношении них требуется установление режима коммерческой тайны, как правило, путем заключения дополнительного соглашения к договору франчайзинга, поскольку действующее законодательство Республики Беларусь, регулирующее комплексную предпринимательскую лицензию, не содержит специальных норм, регламентирующих передачу прав на использование «ноу-хау» от пользователя к правообладателю с целью распространения во всех субъектах франчайзинговой сети.

Франчайзи не только по договору комплексной предпринимательской лицензии, но и в силу норм действующего гражданского законодательства, включая нормы ГК РБ и Закона Республики Беларусь «О коммерческой тайне» от 5 января 2013 г. № 16-З (ред. от 17 июля 2018 г. № 132-З), принимают на себя обязательство по сохранению конфиденциальности сведений, составляющих коммерческую тайну франчайзера. Им запрещается передавать третьим лицам информацию, имеющую действительную или потенциальную коммерческую ценность, связанную с производством, управлением технологическими процессами, финансами и другой деятельностью франчайзера, перечень которой определен заключенными договорами франчайзинга.

Франчайзер, являясь правообладателем такой информации, принимает активные меры, направленные на сохранение ее конфиденциальности, а ее разглашение, в том числе путем передачи, способно нанести существенный ущерб интересам правообладателя. При этом пользователь, как наниматель, обязан (в соответствии с договором франчайзинга) включать в трудовые контракты со своими работниками требования о неразглашении

сведений, составляющих коммерческую ценность, а также ответственность за их нарушение.

Если в процессе осуществления франчайзинговой деятельности «ноу-хау» создается непосредственно франчайзи, и у франчайзера возникает потребность в его использовании во всей франчайзинговой сети, то возникает вопрос регламентации данных правоотношений с целью бесспорного определения принадлежности прав на созданный объект интеллектуальной собственности и правомерности его использования франчайзером и его франчайзи на основании заключенных договоров франчайзинга при осуществлении предпринимательской деятельности.

Так как законодательство Республики Беларусь, регулирующее комплексную предпринимательскую лицензию, не содержит соответствующих правовых норм, но при этом не запрещает такое использование, то возможно заключение дополнительного соглашения к договору между франчайзером и его франчайзи (при условии согласия пользователя) передать на возмездной или безвозмездной основе правообладателю созданное «ноу-хау».

В ситуации, когда создание «ноу-хау» является результатом исполнения заключенного договора франчайзинга, вопрос о возмездности передачи прав на его использование может быть решен правообладателем и пользователем самостоятельно на основе норм действующего законодательства с целью распространения секрета производства во всей франчайзинговой сети. Специальные нормы гражданского законодательства Республики Беларусь, регулирующие вопросы передачи прав от франчайзи к франчайзеру с целью включения в лицензионный комплекс при осуществлении предпринимательской деятельности и использования в сети франчайзера всеми франчайзи, отсутствуют. Пробелом в праве является и отсутствие законодательной регламентации передачи прав на использование секретов производства в составе лицензионного комплекса по договору франчайзинга, созданных несколькими франчайзи, в том числе с участием франчайзера.

Рассматриваемые практические ситуации создания и использования «ноу-хау» в процессе осуществления франчайзинговой деятельности повлекут изменение всех договоров франчайзинга, заключенных правообладателем с остальными пользователями в его франчайзинговой сети, что потребует уплаты патентной пошлины в соответствии с п. 8.5. Приложения 23 к Особенной части Налогового кодекса Республики Беларусь от 29 декабря 2009 г. № 71-3 (ред. от 22 апреля 2024 г.).

Таким образом, в процессе исследования особенностей регламентации отношений сторон по договору франчайзинга, который рассматриваем как самостоятельный гражданско-правовой институт, отметим, что франчайзингу присущ комплексный характер правоотношений сторон, а «ноу-хау», как элемент франчайзинговой деятельности, входящий в лицензионный комплекс (комплекс исключительных прав, передаваемый франчайзи по договору), может рассматриваться как системы, методы и знания не только франчайзера, но и франчайзи, являясь самостоятельным объектом интеллектуальной собственности, а именно – объектом права промышленной собственности согласно ст. 998 ГК РБ. «Ноу-хау» всегда включает именно нераскрытую информацию, в том числе и секреты производства.

Законодательная регламентация отношений правообладателя и пользователя при включении в лицензионный комплекс «ноу-хау» франчайзи возможна путем дополнения гл. 53 ГК РБ нормами, определяющими:

- принадлежность прав на секреты производства, созданные отдельным франчайзи, несколькими франчайзи и указанными лицами с участием франчайзера в процессе исполнения заключенного договора франчайзинга;
- порядок и условия передачи прав на «ноу-хау» от франчайзи к франчайзеру непосредственно при осуществлении франчайзинговой деятельности;
- специальный механизм распространения «ноу-хау», созданного одним или несколькими франчайзи (в том числе с участием франчайзера) и не включенного в лицензионный комплекс, передаваемый по договору комплексной предпринимательской лицензии при его заключении.

Список использованных источников

1. The secret history of McDonald's Filet-O-Fish Sandwich // Business Insider. – URL: <https://www.businessinsider.com/history-of-mcdonalds-filet-o-fish-2018-1> (date of access: 01.05.2024).
2. Годовой отчет 2023 // Национальный центр интеллектуальной собственности: [сайт] – Минск, 2024. – URL: <https://www.ncip.by/izdaniya-i-publikatsii/godovoy-otchet/> (дата обращения: 01.05.2024).
3. Руководство по франшизе. – Женева, 1995. – 82 с.
4. Ответы на частые вопросы. Вопрос 14 // Национальный центр интеллектуальной собственности: [сайт]. – Минск, 2024. – URL: https://www.ncip.by/otvety-na-chastye-voprosy/organizatsiya-khochet-prodat-retsepturu-no-kak-nma-ona-po-uchetu-nikogda-ne-chislilas-yavlyaetsya-li/?special_version=Y (дата обращения: 13.05.2024).

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА СОВРЕМЕННЫЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ

И.А. Близнец

доктор юридических наук, профессор, действительный государственный советник
3 класса, декан юридического факультета Московского университета имени
А.С. Грибоедова, академический директор Научно-образовательного центра
интеллектуальной собственности и цифровой экономики Digital IP
bliznets@mail.ru

Аннотация. Автор статьи раскрывают особенности интеллектуальной собственности в современных условиях, порядок создания РИД и распоряжения правами на интеллектуальную собственность. Приведены примеры развития рынка интеллектуальной собственности в условиях конкуренции, показана роль инновационных разработок в развитии ведущих компаний. Даны примеры правового регулирования российским законодательством промышленной собственности.

Ключевые слова: Гражданский кодекс РФ, РИД, НИОКР, распоряжение правами, сделки, патент, управление интеллектуальной собственностью, инновационное развитие, результаты творческой деятельности, конкуренция.

Abstract. The author of the article reveals the features of intellectual property in modern conditions, the procedure for creating RIA and disposing of intellectual property rights. Examples of the development of the intellectual property market in a competitive environment are given, the role of innovative developments in the development of leading companies is shown. Examples of legal regulation by Russian legislation of industrial property are given.

Keywords: Civil Code of the Russian Federation, result of intellectual activity, research and technological development, disposal of rights, lex loci actus, patent, intellectual property management, innovative development, results of creative activity, competition, disposal of rights, transactions, patent, intellectual property management, innovative development, results of creative activity, competition.

21 век – век глобализации и цифровых технологий отличается наличием общемировой конкуренции в области интеллектуальной собственности, переходом от «закрытых» к «открытым»¹ инновациям и созданием

¹ Переход от «закрытых» к «открытым» инновациям характеризует новый подход к инновациям, который позволяет получать максимальную прибыль от совместного создания и коммерциализации инновационных проектов. Согласно принципам открытых инноваций компании используют внешние источники знаний для того, чтобы эффективно реализовывать свои проекты. И, наоборот, открывают доступ к своим знаниям, чтобы получить максимальную прибыль от их реализации.

возможностей их быстрого распространения. Инновации, новые технологии становятся определяющим фактором развития и трансформации экономики, выступая в роли катализатора при адаптации экономик отдельных стран к стремительно меняющимся условиям общемирового функционирования. Мы все больше и больше убеждаемся, что основным инструментом инновационных преобразований в последнее время становится интеллектуальная собственность. Именно новейшие разработки, защищенные сильными патентами, образующими патентные семьи, могут способствовать эффективному инновационному развитию. Знания и технологии, получившие охрану в виде результатов интеллектуальной деятельности и обладающие монопольными правами, закрепленными государством, становятся ключевым стратегическим ресурсом. Промышленно развитые страны – мировые технологические лидеры, формируют высокую долю добавленной стоимости за счет использования результатов интеллектуальной деятельности, при этом международное разделение труда происходит не под действием естественных различий в сырьевых ресурсах, а на базе использования интеллектуального потенциала, человеческого капитала и высокого технологического уровня производства. Доля нематериальных активов в уставных капиталах ведущих корпораций мира неуклонно растет.

Управление интеллектуальной собственностью становится важнейшей частью общего управления инновационными процессами. Поэтому эффективность механизмов управления интеллектуальной собственностью в значительной мере определяет эффективность всей инновационной системы, в итоге существенно влияя на темпы роста ВВП. В связи с этим появляется потребность решения вопросов, связанных с управлением интеллектуальной собственностью, как на государственном уровне, так и на уровне крупных корпораций, предприятий, в университетах и научных учреждениях.

Сегодня как ученые, так и государственные деятели, представители бизнеса отмечают, что развитие экономики, основанной на знаниях, возможно при условии повышенного внимания к сфере НИОКР со стороны государства и общества. По моему глубокому убеждению, именно государству принадлежит ведущая роль в сохранении и развитии научного потенциала страны. Что необходимо сделать, и какие основные направления работы должны стать ключевыми? Считаем, что это должно быть:

- ресурсное обеспечение инновационного процесса;
- производство научных знаний (в государственном и частном секторе науки);
- широкое использование результатов интеллектуальной деятельности (РИД);
- создание благоприятных, со стороны государства, условий для научной деятельности;
- координация элементов национальной инновационной политики на правительственном уровне.

Сегодня мы с огорчением отмечаем недостаточную конкурентоспособность российского сектора НИОКР и низкий уровень коммерциализации РИД. Эта не разовая, а комплексная проблема. В свою очередь, эти проблемы можно условно разбить на экономические, правовые и организационные, научно-технические.

Комплексной проблемой функционирования сферы НИОКР, и я бы сказал ключевой, является низкий уровень коммерциализации РИД. Среди причин низкого уровня коммерциализации можно отметить неразвитость высокотехнологичного рынка, высокие инновационные риски, проблемы сферы охраны и защиты интеллектуальной собственности и др.

Конкуренция между товаропроизводителями начинается задолго до того, как продукт поступит на рынок. Она начинается на стадии исследования и опытно-конструкторских разработок нового продукта или технологии его изготовления. При этом имеют место две характерные задачи развития продукта:

- прямая задача развития, направленная на создание продукции для удовлетворения назревших или прогнозируемых потребностей общества. Данная задача решается следующим образом. Первым этапом является изучение (прогнозирование) потребностей (обоснование требований к параметрам качества продукта) потребителей. После этого проходят научно-исследовательские и опытно-конструкторские разработки вариантов новой продукции, осуществляется технологическая подготовка производства. Вслед за подготовкой происходит уже непосредственно изготовление конкурентоспособных вариантов новой продукции.

- обратная задача развития, направленная на разработку принципиально новой технологии производства новой продукции, потребность в которой лишь прогнозируется. Эта задача решается иначе. В начале проводятся исследования и опытно-конструкторские разработки новой техноло-

гии. После разработки технологии проводят исследования и опытно-конструкторские разработки вариантов новой продукции, после чего выявляют возможных потребителей новой продукции. Завершающим этапом является изготовление опытных партий продукции. При этом производителю необходимо привить будущему покупателю потребности в новой продукции. Данная задача свойственна компаниям, характеризующимся высоким уровнем удовлетворения потребностей (насыщением спроса) и наличием возможностей создания принципиально новых технологий, позволяющих производить принципиально новую продукцию, возобновить (или сформировать заново) спрос и занять лидирующее положение на рынке.

Результаты решения той или иной задачи развития являются решающим фактором успеха в конкуренции на рынке.

Особенность конкуренции на стадии исследования и опытно-конструкторских разработок заключается в том, что разработчик новшества может руководствоваться различными мотивами успеха, такими как:

1. Равенство с конкурентом в достижении выгоды.
2. Максимизация собственного выигрыша.
3. Максимизация относительного выигрыша.

При создании сложных систем разработчик может варьировать этими мотивами применительно к разработке отдельных элементов системы. Многие зарубежные фирмы при создании такой продукции отдают предпочтение мотивам кооперации.

Все эти виды мотивов относятся к области добросовестной конкуренции. Приоритетность того или иного мотива для каждой из состоящих сторон определяется, как правило, соотношением их научно-технических потенциалов. Недобросовестная конкуренция разработчиков имеет место, когда одна или обе стороны придерживаются мотива агрессии, преследующего цель минимизации выигрыша соперника.

Преимущества компаний, реализующих инновационную деятельность, производящих РИД с точки зрения конкурентоспособности организации имеет три составляющие:

- 1) повышение конкурентоспособности товара, создающее конкурентные преимущества на ближайшую и среднесрочную перспективу;
- 2) привитие новых потребностей, создающее конкурентные преимущества на отдаленную перспективу;
- 3) повышение эффективности производства, трансформирующее конкурентоспособность товарной массы в конкурентоспособность предприятия.

Сегодня с уверенностью можно сказать, что техническое совершенство товаров и, следовательно, их конкурентоспособность определяются степенью использования в производимой продукции передовых научно-технических решений – результатов интеллектуальной деятельности разработчиков новой техники. Зачастую, а на внешнем рынке в преобладающей степени, в качестве конкурентоспособного российского товара выступает непосредственно результат интеллектуальной деятельности, то есть нематериальный продукт. Если же речь идет о воплощенных в образец результатах, то определяющим в оценке конкурентоспособности является степень использования в изделии новых прогрессивных научно-технических решений.

В аспекте инновационной деятельности можно выделить две категории производителей:

1. Производители интеллектуального продукта, в частности вузы, НИИ, КБ, индивидуальные изобретатели, авторы.
2. Производители овеществленной продукции (заводы, опытные производства, внедренческие фирмы).

Инновационная активность первой группы товаропроизводителей характеризуется в основном количеством и качеством созданных РИД, а также количеством и качеством использованных чужих научно-технических результатов. Как показывает анализ практики зарубежного патентования отечественных научно-технических результатов, преобладающая их часть обеспечивается патентной охраной с целью эффективной продажи лицензий, а не защиты экспорта отечественной материализованной продукции в силу отсутствия возможности освоить результат в собственном производстве. В этих условиях плоды интеллектуальной деятельности НИИ, КБ, отдельных ученых, исследователей и разработчиков становятся товаром.

Для второй группы товаропроизводителей определяющим в оценке их инновационной активности является не столько создание, сколько использование в овеществленной ориентированной на рынок продукции новых и передовых научно-технических результатов. Одной из наиболее активных легальных возможностей повышения конкурентоспособности отечественной продукции становится освоение конкурентоспособных результатов НИОКР на основе заключения лицензионных соглашений и соглашений об отчуждении прав на РИД.

Хочу напомнить нашим читателям, что п.1 ст.1225 ГК РФ дает исчерпывающий перечень охраняемых результатов интеллектуальной деятельности и средств индивидуализации юридических лиц, товаров, работ, услуг и предприятий (интеллектуальной собственности): произведения науки, литературы и искусства; программы для электронных вычислительных машин (программы для ЭВМ); базы данных; исполнения; фонограммы; сообщение в эфир или по кабелю радио- или телепередач (вещание организаций эфирного или кабельного вещания); изобретения; полезные модели; промышленные образцы; селекционные достижения; топологии интегральных микросхем; секреты производства (ноу-хау); фирменные наименования; товарные знаки и знаки обслуживания; наименования мест происхождения товаров; коммерческие обозначения.

На все перечисленные выше объекты действующим законодательством закрепляются интеллектуальные права (ст.1226 ГК РФ).

Интеллектуальные права включают 3 группы прав:

1) исключительное право (имущественное право, которое предоставляет правообладателю 3 правомочия в отношении результата интеллектуальной деятельности или средства индивидуализации: использование, распоряжение и запрещение использования другим лицам);

2) личные неимущественные права (права, которые тесно связаны с личностью автора результата интеллектуальной деятельности, неотделимы от личности, неотчуждаемы и непередаваемы. К ним относятся: право авторства, право на имя, право на неприкосновенность произведения и ряд других прав. ГК РФ предусмотрено, что личные неимущественные права возникают в отношении не всех объектов интеллектуальной собственности;

3) иные права, специально предусмотренные ГК РФ (право следования, право доступа и др.).

Согласно ст. 1345 ГК РФ с учетом ст. 1226 ГК РФ патентными правами являются интеллектуальные права на изобретения, полезные модели и промышленные образцы, включающие исключительное право, являющееся имущественным правом, а в случаях, предусмотренных ГК РФ, также личные неимущественные права и иные права. К личным неимущественным правам относятся право авторства и право на имя, а к другим правам относятся право на получение патента, право на вознаграждение за использование служебного изобретения, полезной модели или промышленного образца².

² Близнec И.А. Право интеллектуальной собственности. Учебник. М: Проспект, 2020 г.- 949 с.

К объектам патентных прав согласно ГК РФ, п. 1 ст. 1349 относятся результаты интеллектуальной деятельности в научно-технической сфере, отвечающие установленным ГК РФ требованиям к изобретениям и полезным моделям, и результаты интеллектуальной деятельности в сфере дизайна, отвечающие установленным ГК РФ требованиям к промышленным образцам.

Согласно ГК РФ «в качестве изобретения охраняется техническое решение в любой области, относящееся к продукту (в частности, устройству, веществу, штамму микроорганизмов, культуре клеток растений или животных) или способу (процессу осуществления действий над материальным объектом с помощью материальных средств), в том числе к применению продукта или способа по определенному назначению» (п. 1 ст. 1350 ГК РФ).

Таким образом, основания для возникновения и охраны интеллектуальных прав различны в зависимости от объекта.

Исключительные права на результаты интеллектуальной деятельности и на средства индивидуализации, как правило, имеют определенный срок действия. Он варьируется в зависимости от объекта интеллектуальной собственности. Хотя ГК РФ допускается возможность установления бессрочной охраны исключительных прав (в отношении наименования места происхождения товара; фирменного наименования; коммерческого обозначения; общеизвестного в Российской Федерации товарного знака, секрета производства (ноу-хау))³.

Срок действия исключительного права на изобретение, полезную модель, промышленный образец и удостоверяющего это право патента исчисляется в соответствии со статьей 1363 ГК РФ с даты подачи заявки на выдачу патента в Роспатент, составляет:

двадцать лет – для изобретений;

десять лет – для полезных моделей;

пять лет – для промышленных образцов.

Эти сроки могут быть продлены, в объеме, установленном законодательством.

В целом, срок действия исключительных прав на охраняемые результаты интеллектуальной деятельности и на средства индивидуализации играет ключевую роль при решении вопроса о коммерциализации такого результата,

³ Близнec И.А. Право интеллектуальной собственности: Учебник М.: Проспект, 2020г.- 949 с.

а точнее, о коммерциализации исключительных прав на такой результат. Существенным аспектом эффективного управления интеллектуальной собственностью компании является показатели востребованности принадлежащей ей интеллектуальной собственности на рынке. От этого, зачастую, и зависит принятие положительного решения о продлении срока действия исключительных прав или об уплате пошлины за поддержание патентов в силе.

Процессы коммерциализации и включения объектов интеллектуальной собственности в хозяйственный оборот напрямую связаны с конкурентной способностью продукции (услуги) на мировых и национальных рынках. Стоимость отдельных объектов интеллектуальной собственности на мировых рынках научно-технической, технологической продукции достигает сотен миллионов долларов США. Объекты интеллектуальной собственности стали не просто товаром в коммерческих сделках купли-продажи или предметом лицензионных сделок, но активно сдаются в лизинг, залог, вносятся в качестве пая, с помощью них создаются патентные пулы и т.д. Другими словами, спектр их коммерциализации достаточно широк.

В имуществе (на балансе) предприятий и организаций появились и все более широко используются нематериальные активы (НМА), в этой связи развивается оценочная деятельность. Права интеллектуальной собственности вносятся в уставный капитал предприятий и используются как часть имущества предприятий и организаций. Формируются и развиваются новые формы договорного оформления передачи прав на использование объектов исключительного права по договорам коммерческой концессии и доверительного управления.

Современные процессы и практика в сфере интеллектуальной собственности определяет коммерциализацию посредством следующих основных механизмов (или другими словами, механизмы трансфера продуктов и технологий в реальный сектор экономики):

- использование в собственном производстве правообладателя;
- предоставление или передача права на использование РИД по лицензионным договорам;
- использование РИД в период временной правовой охраны;
- внесение ИС в качестве вклада в уставный капитал;
- внесение ИС в качестве залога;
- передача ИС по договору коммерческой концессии;
- использование ИС в собственном производстве до момента предоставления правовой охраны и использование ИС при досрочном пре-

кращении действия правовой охраны (право преждепользования и право послепользования);

- распределение исключительных прав при выполнении работ по научно-исследовательским, опытно-конструкторским и технологическим договорам;

- использование ИС в рамках государственно-частного партнерства.

Использование ИС в собственном производстве работодателей-правообладателей является одним из основных способов повышения конкурентоспособности товаров и услуг компаний, повышения эффективности предпринимательской деятельности. Этот механизм используется в работе транснациональных корпораций, вертикально-интегрированных промышленных компаний, крупных, средних и даже небольших предприятий, для которых собственные разработки имеют профилирующее значение и во многом определяют их конкурентоспособность. Использование в собственном производстве начинается с передачи ИС подразделением-разработчиком подразделению-пользователю, этот механизм приобретает самостоятельный коммерческий характер.

Трудности коммерческого, рыночного подхода к трансферу ИС и их использованию внутри корпоративных структур в мировой экономике и в России связаны, прежде всего, с управленческой и финансовой учетно-отчетной инерцией хозяйственных отношений, отставанием их гражданско-правового, административно-правового и налогового регулирования от требований ускорения материализации научно-технического прогресса в стране.

При правильной организации работ, коммерциализация внутрикорпоративного трансфера и использования ОИС и технологий должна исключать «бесплатное» их использование. Принципиально важным является требование исходить из альтернативной стоимости всех привлекаемых ресурсов на рынке, их предельной и общей доходности на предприятии.

Примером реализации подобного подхода к внутрикорпоративному трансферу ИС является система управления интеллектуальной собственностью Государственной корпорации «Росатом», «Роскосмос». Отдельные предприятия, входящие в корпорацию, являются заказчиками и потребителями создаваемых РИД, осуществляя трансфер на возмездной основе.

Лидером по объединению стран в целях дальнейшего развития, бесспорно является ВОИС. Хочу здесь привести слова нынешнего генерального директора г-на Дарена Тана, которые были озвучены в Резюме Глобального

инновационного индекса 2023: «Несмотря на всю неопределенность, с которой мы сталкиваемся в настоящее время, уже видны очертания будущих достижений в области искусственного интеллекта, энергетики, медицины и транспорта. ВОИС будет продолжать оказывать поддержку всем государствам-членам в деле развития на основе инновационной деятельности, результатом которого должны стать революционные научные открытия и инновации, доступные каждому и приносящие пользу всем нам.

В резюме даются следующие рекомендации:

- Обеспечить внедрение инновационной деятельности в качестве одного из ключевых приоритетов в программу национального развития и прогресса страны, возможно, посредством разработки четкой политики в области инноваций.

- Создать межведомственную целевую группу для решения вопросов политики в области инноваций на основе общегосударственного подхода, причем наиболее предпочтительным видится ее подчинение высшему эшелону власти, например, аппарату премьер-министра.

- Обеспечить проведение консультаций с участниками инновационной деятельности из частного и государственного секторов, включая стартапы, исследовательские университеты и инновационные кластеры. В частности, ключевая роль отводится частному сектору, а также широкому кругу представителей производства, сферы услуг и традиционных отраслей, равно как и различных направлений предпринимательской деятельности.

- Обеспечить согласованность или даже интеграцию любой национальной политики в сфере интеллектуальной собственности (ИС) в политику в области инноваций.

- Обеспечить возможность количественного измерения и оценки целей или мероприятий, являющихся частью политики в области инноваций.

Приведу несколько цифр из мировых тенденции:

В 2022 году в области инвестиций в инновации наблюдалась неоднозначная динамика в условиях многочисленных проблем и спада финансирования инновационной деятельности. На период 2023 и 2024 годов прогноз неопределенный. После бурного роста в 2021 году инвестиции в инновации в 2022 году продемонстрировали неоднозначную динамику. В отношении научных публикаций, НИОКР, сделок с венчурным капиталом и патентов по-прежнему отмечается рост показателей, которые достигли небывалого уровня. Однако темпы роста были не такими исключительно высо-

кими, как в 2021 году. Кроме того, в 2022 году было отмечено снижение стоимостного объема венчурных инвестиций и стагнация в сфере подачи международных патентных заявок. – В 2022 году прирост числа научных публикаций был умеренным: на 1,5%, до уровня приблизительно 2 млн статей на фоне замедления темпов исследовательской деятельности в области здравоохранения и борьбы с COVID-19, которая вызвала резкий скачок показателей в 2021 году. – В 2021 году темпы развития глобальной деятельности в области НИОКР составили 5,2%, что близко к показателям роста до пандемии в 2019 году; темпы развития деятельности в области НИОКР в бизнес-среде составили 7%, чего не наблюдалось с 2014 года. Данные за 2022 год пока отсутствуют. – Ожидается, что в 2022 году мировые государственные ассигнования на НИОКР в реальном выражении вырастут. В 2022 году значительное увеличение бюджета на НИОКР в реальном исчислении было запланировано в Японии и Республике Корея, в меньшей степени в Германии, что компенсирует сокращение бюджетов на НИОКР в 2022 году в других странах, лидирующих по расходам на НИОКР, таких как США. – В 2022 году мировые расходы на НИОКР корпораций с наибольшими затратами на НИОКР достигли исторического максимума – 1,1 трлн долларов США. Компании-лидеры с точки зрения бюджета на НИОКР в 2022 году номинально увеличили соответствующие расходы примерно на 7,4% (тогда как в 2021 году был отмечен 15-процентный прирост). Однако трудно оценить, насколько данный номинальный рост компенсировал растущую инфляцию. Положительным моментом является то, что соотношение расходов на НИОКР и доходов остается неизменным по сравнению с 2021 годом и сохраняется на уровне, предшествующем пандемии, а это означает, что корпорации продолжают интенсивно вести НИОКР. – Отражением ухудшения условий для финансирования рисков стало резкое снижение стоимостного объема венчурных инвестиций в 2022 году по сравнению с исключительно высоким уровнем 2021 года. Тем не менее в 2022 году число венчурных сделок выросло почти на 17,6%, что отражает активность, сохранявшуюся на серьезном уровне в первой половине года. Азиатско-Тихоокеанский регион впервые сравнялся с Северной Америкой по активности заключения сделок. Однако в 2022 году общий стоимостный объем венчурных инвестиций резко снизился – практически на 40%. Единственным регионом, в котором не наблюдалось снижения объема инвестиций в долларах, была Африка, хотя и ее показатели были на низком уровне. В целом

перспективы венчурного финансирования на 2023 и 2024 годы остаются неопределенными, поскольку ужесточение денежно-кредитной политики, вероятнее всего, продолжит оказывать влияние на финансирование инновационной деятельности. – В 2022 году была отмечена стагнация в отношении числа международных патентных заявок (прирост составил 0,3%); были зафиксированы самые низкие темпы роста с 2009 года, хотя все же был достигнут новый рекорд – около 280 тыс. заявок.

Список использованных источников

1. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть четвертая : принят Гос. Думой 24 нояб. 2006 г. : Одобр. Советом Федерации 8 дек. 2006 г. // КонсультантПлюс. Россия : справ. правовая система (дата обращения: 23.01.2024).
2. О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017-2030 годы : Указ Президента РФ от 9 мая 2017 г. N 203 // Гарант. - URL: <https://base.garant.ru/71670570/> (дата обращения: 23.01.2024).
3. Резюме Глобального инновационного индекса 2023 // WIPO. - URL: <https://www.wipo.int/edocs/pubdocs/ru/wipo-pub-2000-2023-exec-ru-global-innovation-index-2023.pdf> (дата обращения: 23.01.2024).
4. Блинец, И. А. Право интеллектуальной собственности: учебник / И. А. Блинец. - М. : Проспект, 2020. - 949 с.
5. Об утверждении методики определения размера компенсации, выплачиваемой патентообладателю при принятии решения об использовании изобретения, полезной модели или промышленного образца без его согласия, и порядка ее выплаты : Постановление Правительства РФ от 18.10.2021 №1767 // КонсультантПлюс. Россия: справ. правовая система (дата обращения: 23.01.2024).

**РЕАЛИЗАЦИЯ ПОЛИТИКИ В СФЕРЕ УПРАВЛЕНИЯ
ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТЬЮ
(НА ПРИМЕРЕ ПОЛОЦКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ИМЕНИ ЕВФРОСИНИИ ПОЛОЦКОЙ)**

В.А. Богоненко

*кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского права
учреждения образования «Полоцкий государственный университет
имени Евфросинии Полоцкой»
v.bogonenko@psu.by*

Аннотация. Рассматриваются направления работы, связанные с разработкой и реализацией институциональной политики в сфере интеллектуальной собственности. Внимание уделяется системе, обеспечивающей создание и использование объектов интеллектуальной собственности применительно к высшим учебным заведениям, в том числе, связанные с использованием цифрового образовательного пространства.

Ключевые слова: авторское право, интеллектуальная собственность, политика в сфере интеллектуальной собственности, локальные акты; управление интеллектуальной собственностью, учебные материалы.

Abstract. The key areas of work on developing institutional policy in the field of intellectual property are considered. The main attention is paid to the system that ensures the creation and use of intellectual property. Attention is drawn to the features associated with the use of tools in the digital educational space.

Keywords: intellectual property policy; intellectual property; local acts; higher education institutions; intellectual property management.

Приказом Государственного комитета по науке и технологиям Республики Беларусь от 23.09.2019 г. № 272 была создана Рабочая группа по разработке Политики в сфере интеллектуальной собственности для учреждений высшего образования и научных организаций Республики Беларусь. Модельная политика утверждена 10 декабря 2020 г., согласована с Министерством образования Республики Беларусь, НАН Беларуси, ВОИС и размещена на официальном сайте ВОИС, а также Национального центра интеллектуальной собственности.

Учреждениями высшего образования и научными организациями, подведомственными Министерству образования Республики Беларусь и НАН Беларуси, разрабатывались и принимались собственные институциональные политики в области интеллектуальной собственности. Деятельность по раз-

работке и утверждению политик в области интеллектуальной собственности УВО и НИО, подчиненными (входящими в систему, состав) Министерства образования Республики Беларусь и НАН Беларуси, была предусмотрена Планом мероприятий на 2021-2023 годы Стратегии Республики Беларусь в сфере интеллектуальной собственности до 2030 года со сроком исполнения в 2022 – 2023 годах.

Работы курировались Национальным центром интеллектуальной собственности при участии экспертов-координаторов, координировавших работы и оказывавших методическую помощь учреждениям высшего образования.

В целом, работы велись по нескольким направлениям, в том числе готовились проекты локальных актов, осуществлялось согласование проектов документов, проводились обсуждения с экспертами и сотрудниками учреждений высшего образования и научных организаций. Проводились встречи с участием представителей университетов, а также специалистов в сфере интеллектуальной собственности, в том числе патентных поверенных.

Реализация проекта способствовала решению проблем, связанных с управлением интеллектуальной собственностью в университетах и научных организациях Республики Беларусь:

- создана более эффективная система управления интеллектуальной собственностью в университетах и научных организациях;
- созданы и внедрены механизмы, обеспечивающие высокий уровень коммерциализации результатов интеллектуальной деятельности;
- разработаны и внедрены необходимые элементы цифрового образовательного пространства;
- актуализирована работа по защите авторского права;
- обеспечена система мониторинга в сфере управления интеллектуальной собственностью.

Полоцкий государственный университет имени Евфросинии Полоцкой был включен в базовую группу университетов и научных организаций. Деятельность по разработке институциональной политики в области интеллектуальной собственности осуществлялась в строгом соответствии с планом работ и на основе уже имеющейся системы, позволяющей обеспечить управление интеллектуальной собственностью. Еще задолго до начала работ были сформированы ресурсы университета, содержащие информацию об интеллектуальной собственности. На сайте университета

уже длительное время функционирует ресурс, содержащий информацию, относящуюся к интеллектуальной собственности: законодательство Республики Беларусь; международные акты; события в сфере интеллектуальной собственности (прежде всего информация о научно-практических мероприятиях); библиотека, включающая литературу по интеллектуальной собственности и др.

В этом же разделе размещен документ «Политика Полоцкого государственного университета в области интеллектуальной собственности».

Важным фактором, который способствовал успешной реализации проекта по разработке институциональной политики в области интеллектуальной собственности, стало проведение в университете с 2017 года ежегодных научно-практических мероприятий, посвященных теоретическим и практическим аспектам интеллектуальной собственности. По результатам проведенных мероприятий, прежде всего, международных научно-практических конференций, издается сборник научных статей.

Проведенная работа позволила, провести комплексный аудит деятельности служб и подразделений университета в области управления интеллектуальной собственностью, определить ключевые направления работы, которые нуждаются в повышенном внимании. Кроме того, проводились научные исследования и анкетирование по вопросам интеллектуальной собственности сотрудников и преподавателей университета. Актуализировался вопрос о системе управления интеллектуальной собственностью с учетом существующей системы отделов и подразделений университета.

Разработка Политики в сфере интеллектуальной собственности анонсировала вопросы и проблемы, которые появляются в процессе создания и использования объектов авторского права в образовательном пространстве, в том числе на уровне автономного образовательного ресурса университета.

Необходимо отметить, что реализация проекта ни в коей мере не завершается только лишь разработкой самого локального акта университета. В каждом учреждении высшего образования должен осуществляться постоянный мониторинг системы управления интеллектуальной собственностью, с апробацией новых механизмов и элементов такой системы.

Важна диссеминация полученного опыта, информации о проекте среди университетов и научных организаций Республики Беларусь. Во многом

этому способствуют и научно-практические мероприятия, проводимые в Полоцком государственном университете имени Евфросинии Полоцкой. Проведение международных научно-практических конференций по правовой защите интеллектуальной собственности позволяет участникам обсудить важнейшие аспекты, касающиеся реализации Политики в сфере интеллектуальной собственности, в том числе анонсировать проблемы, требующие своего решения.

Разработка Политики в сфере интеллектуальной собственности осуществлялась в сложных условиях, так как следовало учитывать новации, свойственные современному праву интеллектуальной собственности [1], а также особенностям правоприменения, когда речь идет о правах на объекты интеллектуальной собственности [2] или об использовании объектов авторского права в цифровом образовательном пространстве [3].

Список использованных источников

1. Энтин, В.Л. Авторское право в виртуальной реальности (новые возможности и вызовы цифровой эпохи) / В.Л. Энтин. - М.: Статут, 2017. – 216 с.
2. Ландо, Д.Д. Права на объекты интеллектуальной собственности в системе объектов гражданских прав / Д.Д. Ландо // Законодательство и правоприменение в контексте приоритетов социально-экономического развития: материалы Междунар. науч.-практ. конф. Минск, 12-13 сент. 2019 г. / ИППК судей, работников прокуратуры, судов и учреждений юстиции БГУ; редколл. С.К. Лещенко (отв.ред.) [и др.]. – Минск: РИВШ, 2019. – 492 с.
3. Богоненко, В.А. Правовые основы использования объектов интеллектуальной собственности в цифровом образовательном пространстве / В.А. Богоненко // Интеллектуальная собственность в Беларуси. - 2023. - № 4. - С. 6–10.

К ВОПРОСУ ОБ ИННОВАЦИОННОМ ПРАВЕ КАК ПОДОТРАСЛИ ИНВЕСТИЦИОННОГО ПРАВА⁴

М.С. Бондаренко

*аспирант кафедры хозяйственного права
Белорусского государственного университета,*

Н.А. Мешкова

*аспирант кафедры хозяйственного права
Белорусского государственного университета,*

Аннотация. Новшества и инновации находятся в основе научно-технического прогресса, однако, несмотря на это, до сих пор не определен круг отношений, являющихся инновационными, что не позволяет определить место инновационного права в системе права. Создание благ, являющихся принципиально новыми, входит в сферу регулирования инвестиционного права, что позволяет выдвинуть предположение о том, что инновационные правоотношения – это специфическая разновидность инвестиционных правоотношений.

Ключевые слова: новшества, инновации, инновационные правоотношения, инновационное право, инвестиционное право, система права.

Abstract. Novations and innovations are at the heart of scientific and technological progress, but despite this, the range of such relations has not yet been defined, which does not allow to determine the place of innovation law in the system of law. Creation of benefits that are fundamentally new is included in the sphere of regulation of investment law, which allows us to put forward the proposal that innovation legal relations are a specific type of investment legal relations.

Keywords: innovations, innovation legal relations, innovation law, investment law, system of law.

Инновационные отношения являются широко распространенными, ведь новшества и инновации находятся в основе научно-технического прогресса. Однако ученые-юристы не дают ответа на вопрос по поводу отраслевой принадлежности таких отношений. Более того, представители всех без исключения гуманитарных и естественных наук не только признают, но даже настаивают на факте существования инновационных правоотношений, однако ни одна из областей научного знания так и не смогла воплотить са-

⁴ Статья подготовлена представителями научной школы хозяйственного права Белорусского государственного университета в рамках научного проекта «Инновационное право как подотрасль инвестиционного права и сфера хозяйственно-правового регулирования» БРФФИ.

моинституционализировавшуюся группу общественных отношений в понятную и осязаемую внешнюю форму. Как следствие, в некоторых случаях под инновациями и инновационными правоотношениями понимается то, что таковым фактически не является. В качестве одной из причин такого положения дел можно назвать то, что круг отношений, являющихся инновационными, законодателем четко не определен, несмотря на наличие Закона Республики Беларусь от 12 июля 2012 г. № 425-З «О государственной инновационной политике и инновационной деятельности» (далее – Закон об инновационной деятельности). Так, например, сам по себе институт инноваций если не целиком, то в большей части обусловлен научными разработками, ввиду чего национальное право должно четко определить соотношение научного в инновационном и инновационного в научном именно для того, чтобы исключить возможность такой подмены [1].

Представители научной школы хозяйственного права Белорусского государственного университета Н.Л. Бондаренко и Ю.Г. Конаневич, справедливо указывают на имеющую место в научной литературе «подмену понятий, когда терминами «новшества», «инновации» и «инновационная деятельность» именуется некое общественное отношение, некий объект гражданских или иных прав, некая деятельность, которая выглядит несколько иначе внешне, не изменив практически никак свою сущность и содержательные характеристики» [2].

На наш взгляд, понимание природы инновационного права и инновационных правоотношений находится в плоскости понимания природы инвестиционного права. Такой вывод обусловлен анализом Закона об инновационной деятельности и Закона Республики Беларусь от 12 июля 2013. Г. № 53-З «Об инвестициях», позволяющих констатировать полное совпадение «матрицы» инвестиционных и инновационных правоотношений ввиду совпадения объекта и цели таких правоотношений, что выражается в создании объекта гражданских и политических прав с целью получения прибыли или иного дохода и (или) достижения иного социально-экономического результата [2; 3]. Инвестиционное право призвано регулировать процесс формирования государственной инвестиционной политики, соответственно, инвестиционные правоотношения можно охарактеризовать как отношения, складывающиеся по поводу формирования и реализации государственной (то есть макроэкономической) и микро-

экономической инвестиционной политики, а инвестиционное право – как совокупность правовых норм, регулирующих общественные отношения, складывающиеся по поводу формирования и реализации государственной (макроэкономической) и микроэкономической инвестиционной политики [4].

Сущностные характеристики инвестиционных правоотношений состоят в том, что они складываются по поводу использования различных объектов гражданских прав и политических прав государства, как имущественного, так и неимущественного характера, для создания материальных и нематериальных благ, основной характеристикой которых является их не существование ранее. В свою очередь, такие блага можно подразделить на блага:

1) которые не просто являются новыми, но содержат элемент чего-то принципиально нового, а их характеристики позволяют существенным образом изменить содержание правоотношений, содержание объектов прав, природных и социальных явлений, характер и содержание прав и обязанностей субъектов;

2) являются новыми, но не содержат элемента чего-то принципиально нового.

Отношения, складывающиеся же по поводу создания благ, являющихся принципиально новыми, являются инновационными, одной из особенностей которых является их способность выступать как в качестве общественных отношений, не урегулированных нормами права, так и в качестве инновационных правоотношений – инновационных общественных отношений, урегулированных нормами права. В свою очередь, не существовавшие ранее блага создаются посредством осуществления инвестором реальных, финансовых, интеллектуальных инвестиций, инвестиций в человеческий капитал [5], с фрагментарным использованием в качестве факультативной методологии финансирования. Все это позволяет выдвинуть следующий тезис: инновационное право является подотраслью инвестиционного права, а инновационные правоотношения представляют собой специфическую разновидность инвестиционных правоотношений.

Инновационное право обладает самостоятельными предметом, методологией и принципами. При этом отдельные элементы предмета, методологии и принципов инновационного права конструктивно совпадают с таковыми в инвестиционном праве. Таким образом, инновационное право – это:

1) самостоятельная отрасль права, входящая в инвестиционный цикл отраслей права;

2) публичная отрасль права (однако отношения, регулируемые инновационным правом, являются не только публичными, но и частными, а также частно-публичными);

3) основная специальная отрасль права.

Основополагающей функцией инновационного права является регулирование общественных отношений, складывающихся по поводу создания и производства для использования в гражданском обороте и на товарных рынках, функционирующих вне гражданского оборота, принципиально новых по своей природе и характеристикам материальных и нематериальных благ, обеспечивающих непрерывное развитие государства и общества и обеспечивающих национальную экономическую и национальную научно-технологическую безопасность. Данный тезис обусловлен анализом Концепции национальной безопасности, утвержденной Решением Всебелорусского Народного Собрания от 25 апреля 2024 г. № 5, в которой определена конструкция национальной безопасности. Соответственно, инновационное право воздействует на инновационные отношения и на инновационные отношения, отягощенные элементом национальной безопасности. Также необходимо отметить, что инновационные правоотношения всегда являются элементом не только инвестиционных отношений, но и элементом профессиональной и институциональной хозяйственной деятельности, а в отдельных случаях – хозяйственно-трудовой [6, с. 43-44; 7].

Таким образом, инновационное право – это подотрасль инвестиционного права, представляющая собою совокупность принципов и правовых норм, регулирующих общественные отношения, входящие в предмет инновационного права. Инновационные общественные отношения имеют же место тогда, когда создаются принципиально новые блага.

Список использованных источников

1. Бондаренко, М. С. Инновационная и научная инфраструктуры как правовые категории: понятие и содержание / М. С. Бондаренко // Актуальные проблемы гражданского права : сборник научных трудов. – Минск : МИТСО, 2023. – № 1. – С. 197-206.
2. Бондаренко, Н. Л., Конаневич, Ю.Г. О природе новшеств, инноваций и инновационной деятельности (предложения по совершенствованию норм Закона Республи-

- ки Беларусь «О государственной инновационной политике и инновационной деятельности в Республике Беларусь») / Н. Л. Бондаренко, Ю. Г. Конаневич // Интеллектуальная собственность в современном мире: вызовы времени и перспективы развития: Междунар. науч.-практ. конф. (Минск, 20 октября 2021 г.) : в 2 ч. / под ред. В. А. Рябоволова. — Минск : Альфа-книга, 2021. — Ч. 1. — С. 59-67.
3. Мешкова, Н. А. Правовая природа инновационных правоотношений / Н. А. Мешкова // Сацыяльна-эканамічныя і прававыя даследаванні. — 2023. — № 3. — С. 74-80.
 4. Бондаренко, Н. Л. Маркетинговое право и его место в системе хозяйственно-правовой науки / Н. Л. Бондаренко, Ю. Г. Конаневич // Коммерческое право. — 2023. — Т. 51, № 4. — С. 53-69.
 5. Бондаренко, М. С. Правовой режим инвестиций в человеческий капитал в механизме обеспечения национальной экономической безопасности / М. С. Бондаренко // Проблемы гражданского права и процесса : сборник научных статей / гл. ред. И. Э. Мартыненко ; редкол.: А. М. Вартанян [и др.]. — Гродно : ГрГУ им. Янки Купалы, 2023. — Вып. 8. — С. 46–55.
 6. Бондаренко, Н. Л. Правовая природа инноваций в контексте необходимости совершенствования терминологического аппарата Закона «О государственной инновационной политике и инновационной деятельности в Республике Беларусь» / Н. Л. Бондаренко, Ю. Г. Конаневич // Интеллектуальная собственность в Беларуси. — 2022. — № 1. — С. 21-28.
 7. Конаневич, Ю. Г. Хозяйственная деятельность в системе общественных отношений / Ю. Г. Конаневич // Труд. Профсоюзы. Общество. — 2021. — № 1. — С. 68–72.

ОСОБЕННОСТИ АККАУНТОВ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ КАК ОБЪЕКТА ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

Л.М. Бурханова

*профессор, кандидат юридических наук, профессор кафедры гражданского права
Ташкентского государственного юридического университета
burkhanova.leyla@mail.ru*

Аннотация. В статье на основе анализа законодательства Республики Узбекистан рассмотрены признаки аккаунта в социальной сети как объекта авторского права. Рассмотрены характеристики аккаунтов в социальных сетях как объектов интеллектуальной собственности. Так же определен статус аккаунтов как составного произведения, а также как базы данных.

Ключевые слова: аккаунт; социальные сети; базы данных; интеллектуальная собственность.

Abstract. Based on an analysis of the legislation of the Republic of Uzbekistan, the article examines the characteristics of an account on a social network as an object of copyright. The characteristics of accounts on social networks are considered as objects of intellectual property. The status of accounts as a composite work, as well as a database, is also defined.

Keywords: account; social media; Database; intellectual property.

Попытки многих исследователей-цивилистов определить правовой статус аккаунтов в социальной сети и найти основания возможности признания их объектом гражданского права сводится к тому, что они приравнивают аккаунты в социальной сети к объектам интеллектуальной собственности. Для того чтобы понять, насколько верно данное заключение, проанализируем, что представляют собой объекты интеллектуальной собственности согласно законодательству Республики Узбекистан, какие характеристики они имеют и подходят ли под данные характеристики аккаунты в социальных сетях. Также рассмотрим юридическую доктрину относительно объектов интеллектуальной собственности и их видов.

Итак, согласно статье 1031 Гражданского кодекса Республики Узбекистан, к объектам интеллектуальной собственности относятся результаты интеллектуальной деятельности, а именно, произведения науки, литературы и искусства, исполнения, фонограммы, передачи организаций эфирного или кабельного вещания; программы для ЭВМ и базы данных, изобретения, полезные модели, промышленные образцы, селекционные достижения, не-

раскрытая информация, в том числе секреты производства (ноу-хау); средства индивидуализации участников гражданского оборота, товаров, работ и услуг, то есть, фирменные наименования, товарные знаки (знаки обслуживания), наименования мест происхождения товаров; а также другие результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации участников гражданского оборота, товаров, работ и услуг, установленных законом [1, ст.1031]. Из содержания данной статьи следует, что аккаунт в социальной сети прямо не упоминается в перечне объектов интеллектуальной собственности. Однако, можно предположить, что аккаунты в социальных сетях можно отнести к третьей категории, а именно, к другим результатам интеллектуальной деятельности, установленных законом, так как в данном случае нет закрытого перечня конкретных объектов. Точнее, аккаунты в социальных сетях можно рассматривать как объекты авторского права.

Рассмотрим также, какие именно объекты относятся к объектам авторского права. В статье 5 Закона Республики Узбекистан «Об авторском праве и смежных правах» говорится, что авторское право распространяется на произведения науки, литературы и искусства, являющиеся результатом творческой деятельности, независимо от назначения и достоинства произведения, а также от способа его выражения. В статье также приводятся возможные объективные формы, в которых могут выражаться объекты авторского права: письменная (рукопись, машинопись, нотная запись и т. д.), устная (публичное произнесение, публичное исполнение и т. д.), звуко- или видео, записи (механической, магнитной, цифровой, оптической и т. д.), изображения (рисунок, эскиз, картина, план, чертеж, кино-, теле-, видео- или фотокадр и т. д.), объемно-пространственная (скульптура, модель, макет, сооружение и т. д.) и другие формы [2, ст.5]. Как мы видим, статья включает в себя широкий спектр объектов, по отношению к которым возникают правоотношения и главными признаками данных объектов являются присутствие творческой деятельности и объективная форма выражения.

Аккаунт в социальной сети как объект авторского права имеет свои особенности. С развитием цифровой технологии и расширением сети Интернет интеллектуальная собственность подвергалась массивной трансформации [3, с.56]. В частности, К.Д. Савицкая в своей статье «Правовой режим аккаунта в социальной сети» предлагает, что аккаунт можно рас-

смаатривать с точки зрения авторско-правовой охраны, если он будет соответствовать критериям охраноспособности объектов авторского права: будет являться результатом творческой деятельности и иметь объективную форму выражения[4, с.98]. Кроме того, даже если в законодательстве прямо не указано, что аккаунты в социальных сетях являются объектами интеллектуальной собственности, Г. М. Данченко считает, что аккаунт в социальной сети все же обладает некоторыми признаками результата интеллектуальной деятельности, под которым понимают закрытый перечень продуктов творческого труда и приравненные к ним иные нематериальные объекты, на которые их обладатели имеют определенные права [5, с.34]. Таким образом, предполагается, что аккаунты в социальных сетях можно рассматривать как объект интеллектуальной собственности, а именно, как объект авторского права.

Что касается характеристики объектов интеллектуальной собственности, то, по мнению Е. И. Суханова в гражданском праве установлены следующие признаки объектов интеллектуальной собственности: нематериальный характер; действительная или потенциальная коммерческая ценность; возможность многократного использования (неисчерпаемость при потреблении); эстетическое или информационное содержание; способность к сохранению, накоплению, интегрированию информации; обособленность от смежных объектов[6, с.102].

Е. И. Суханов также отмечает, что для объектов авторского права приоритетным является форма выражения, так как они охраняются в силу самого факта создания и выражения в объективной форме [6, с.90].

Далее разберем аккаунты в социальных сетях через вышеизложенную призму характеристик объектов интеллектуальной собственности. Первым признаком таковых объектов является нематериальный характер, что присуще аккаунтам в социальных сетях. Они не имеют материальной формы, и выражаются только в цифровом формате. Далее говорится о действительной или потенциальной коммерческой ценности. В данном случае необходимо разбирать каждый отдельный аккаунт, так как коммерческую ценность имеют не все аккаунты в социальных сетях. Однако, по нашему мнению, необходимость наличия коммерческой ценности считается спорным утверждением, по причине того, что коммерческой ценностью обладают не все результаты интеллектуальной деятельности.

Следующим признаком является возможность многократного использования объекта, который также присущ аккаунту социальной сети, ведь он

считается непотребляемым благом и не может быть исчерпан. Что касается эстетического и информационного содержания, то без сомнений, на сегодняшний день почти все аккаунты в социальных сетях, как персональные, так и бизнес-аккаунты содержат контент эстетического и информационного характера. К примеру, лицо, имеющее персональный аккаунт, выкладывает фотографии или видеозаписи различного смыслового содержания, оформляет посты и текстовые сообщения эстетическим образом, так как данная страница считается его «лицом» в сети. Что касается бизнес-аккаунтов, то их владельцы оформляют свои страницы таким образом, чтобы они привлекали больше клиентов. Кроме того, способность к сохранению, накоплению и интегрированию информации также считается признаком аккаунтов в социальных сетях. Таким образом, анализ характеристик объектов интеллектуальной собственности показывает, что аккаунты в социальных сетях могут быть охарактеризованы как объект интеллектуальной собственности. К какому именно виду объектов интеллектуальной собственности их можно отнести, разберем далее.

Многие исследователи предполагают, что аккаунты в социальных сетях относятся к объектам авторского права. Как отмечается в законодательстве и юридической доктрине, самым главным критерием охраноспособности объектов авторского права является наличие результата творческой деятельности и объективная форма выражения [7, с.28].

По данному вопросу К. Д. Савицкая придерживается следующего мнения: объективной формой выражения аккаунта является цифровая. Творческий характер труда автора (владельца) аккаунта следует доказывать в каждом конкретном случае. Поскольку аккаунты делятся на различные виды и могут, как содержать творческий характер труда: оформление страницы, подбор оригинальных текстов, создание видео, название и пр., так и представлять собой исключительно информационный аккаунт с официальными данными об организации или содержать исключительно новостной материал [4, с.100].

Идентичное мнение выражает О. В. Костина в своей работе «Наследование аккаунтов в социальных сетях как средство обеспечения баланса интересов граждан и предпринимателей»: для того чтобы социальный аккаунт можно было отнести к результату интеллектуальной деятельности, он должен соответствовать критериям охраноспособности объектов авторских прав: во-первых, являться результатам творческой деятельности лица

(авторское оформление профиля, особое расположение материалов аккаунта: фото, видеозаписи, тексты), во-вторых, результат объективно выражен. В социальной сети он имеет цифровую форму [8, с.103].

Исходя из этого можно заключить, что аккаунты в социальных сетях можно отнести к объектам авторского права только при условии, если контент аккаунта является результатом творческой деятельности самого лица – владельца аккаунта. Так как на сегодняшний день не все владельцы аккаунтов постят в своих страницах результат своей творческой деятельности, а в большинстве случаев заимствуют у других пользователей или публикуют общеизвестные произведения, признание аккаунтов в социальных сетях объектом авторского права будет неверным решением. Автор работы считает, что правовой статус аккаунтов должен быть единым для всех аккаунтов в социальных сетях без какого-либо исключения.

Исследователи также рассматривают аккаунты в социальных сетях как составные произведения – произведение, представляющие собой по подбору или расположению материалов результат творческого труда [9, с.103].

В Гражданском кодексе Республики Узбекистан, а также в Законе Республики Узбекистан «Об авторском праве и смежных правах» говорится, что объектами авторского права являются составные произведения, отвечающие требованиям законодательства об авторском праве, сборники (энциклопедии, антологии, базы данных) и другие составные произведения, представляющие собой по подбору или расположению материалов результат творческого труда [1, ст.1043].

Кроме того, в Законе Республики Узбекистан «Об авторском праве и смежных правах» отмечается, что составные произведения охраняются авторским правом независимо от того, являются ли произведения, на которых они основаны или которые они включают, объектами авторского права. В статье 14 вышеуказанного закона излагается, что автору составного произведения (составителю) принадлежит авторское право на осуществленный им подбор или расположение материалов, представляющие результат творческого труда. Составитель пользуется авторским правом при условии соблюдения им прав авторов каждого из произведений, включенных в составное произведение. Также отмечается, что авторы произведений, включенных в составное произведение, сохраняют исключительные права на использование своих произведений независимо от составного произведения, если иное не предусмотрено авторским договором. Также, авторское право

составителя не препятствует другим лицам осуществлять самостоятельный подбор или расположение тех же материалов для создания своих составных произведений.

Анализ законодательства показывает, что составное произведение характеризуется в основном как результат творческого труда по подбору и расположению материалов. Однако не каждая подборка произведений и материалов носит творческий характер и, следовательно, приводит к созданию составного произведения, охраняемого авторским правом. Результат творческой деятельности должен характеризоваться как новый, отличный, оригинальный, уникальный [9, с.45].

Хохлов В.А. считает, что достаточно, если имеется возможность квалифицировать полученный итог как связанный с индивидуальностью автора, поэтому на практике творческий характер всех произведений, созданных лично автором (авторами), предполагается имеющимся, пока не доказано иное [10, с.65].

В.Я. Ионас отмечал, что систематизация, т.е. приведение в единство разрозненных научных, литературных или иных материалов, если она самостоятельна, представляет собой вид творчества, с которым связаны определенные правовые последствия [11, с. 56].

Таким образом, тщательный анализ природы составных произведений с законодательной и теоретической точки зрения показывает, что составные произведения в авторском праве это: результат творческого труда, имеет творческий характер; новый, отличный, оригинальный, уникальный подбор и расположение материалов; индивидуальная и самостоятельная работа автора.

В основном как составные произведения выступают различного вида сборники, в том числе энциклопедии, антологии, детские сборники рассказов и базы данных. Материалы, собранные в сборниках, могут выступать как самостоятельный объект авторского права. Автор работы считает, что мнения исследователей касательно отнесения аккаунтов в социальных сетях к составным произведениям является обоснованным. Как излагалось выше, владельцы аккаунтов публикуют на своих страницах не только результат своей творческой деятельности (фото, видеоматериалы, музыку, текстовые сообщения и т.д. самостоятельного производства), но заимствованные материалы, такие как общедоступные картинки и фотографии, цитаты и отрывки из знаменитых литературных произведений и кинофильмов

и другие. По этой причине, аккаунты в социальных сетях не могут являться самостоятельным объектом авторского права. Однако, правовая природа такого вида объектов авторского права, как составные произведения позволяют включать в себя отдельные, самостоятельные объекты авторских прав, формируя при этом новый объект. Данный признак составных произведений подходит для признания аккаунтов в социальных сетях таковым объектом и позволяет рассматривать их как объект интеллектуальной собственности.

Еще одним интересным предложением со стороны цивилистов касательно гражданско-правового значения аккаунтов в социальной сети является рассмотрение их не в качестве нового вида составных произведений, а в качестве базы данных, которая является одним из видов составного произведения. В законодательстве база данных определяется как совокупность данных (статей, расчетов и т. д.), выраженных в объективной форме и систематизированных таким образом, чтобы эти данные могли быть найдены и обработаны с помощью электронных вычислительных машин [2, ст. 3]. К.Д. Савицкая также отмечает, что аккаунт может защищаться как база данных. Творчество автора при разработке базы данных проявляется в особом способе отбора материалов из большого массива или в оригинальной систематизации и упорядочении материалов внутри базы данных. Применительно к аккаунту в социальной сети оригинальная систематизация достигается путем использования проставления в материалах страницы (постах) меток (тегов), которые позволяют выполнять поиск и сортировку материалов страницы в соответствии с содержанием меток [12, с. 104].

Как видно из определения базы данных, наряду с таким важнейшим признаком составных произведений как оригинальность и творческий характер подбора и расположения материалов, в данном случае важную роль играет возможность поиска и обработки материалов [13,14,15]. Базы данных могут содержать систематизированные статьи, расчеты, нормативно-правовые акты, решения судов и иные подобные материалы. Самым ярким примером базы данных выступает Национальная база данных законодательства Республики Узбекистан – Lex.uz. Она представляет собой систематизацию нормативно-правовых актов Республики Узбекистан и предоставляет возможность поиска необходимых нормативно-правовых актов по номеру, дате принятия, типу и по другим характеристикам. Кроме того, в Республике Узбекистан существует также онлайн база данных public.sud.uz, в котором публикуются решения судов по экономическим, административным, гражданским и уголовным делам.

Что касается аккаунтов в социальных сетях, то они также в некоторой степени схожи с базами данных, так как предоставляют возможность поиска и обработки данных. Однако это не применимо по отношению ко всем аккаунтам, по причине того, что почти во всех социальных сетях есть функция «закрытого аккаунта», доступ к которому имеют только определенные пользователи. По этой причине возможность поиска и обработки материалов в социальных сетях в некотором смысле ограничена. Кроме того, не каждый профиль в социальной сети представляет из себя совокупность систематизированных данных. Это, в основном, характерно только для бизнес-аккаунтов, где владельцы публикуют рекламу своих товаров и услуг с соответствующей характеристикой и прейскурантом для привлечения клиентов. С другой стороны, персональные аккаунты могут и не содержать систематизированную информацию, а просто представлять контент личного характера.

Таким образом, на основе всего вышеизложенного мы можем констатировать, что хотя некоторые исследователи относят аккаунты в социальных сетях к базам данных, анализ теории и законодательства показывает, что данное заключение не применимо по отношению ко всем аккаунтам в социальных сетях, следовательно, не является практичным.

Таким образом, можно заключить, что единого подхода к определению правового статуса аккаунтов в социальной сети среди цивилистов нет. Существуют некоторые предложения, что аккаунты можно рассматривать как объекты авторского права в целом, или же, как составное произведение и база данных. По нашему мнению, аккаунты в социальных сетях более практично рассматривать как составное произведение. Кроме того, в случае признания аккаунтов в социальных сетях объектом интеллектуальной собственности, существует необходимость разрешения вопроса касательно исключительных прав, так как в силу технологических причин они в некоторой степени могут быть ограничены.

Список использованных источников

1. Гражданский кодекс Республики Узбекистан // LexUz : Национальная база данных законодательства Республики Узбекистан. – URL: <https://lex.uz/ru/docs/111181> (дата обращения: 10.04.2024).
2. Об авторском праве и смежных правах : Закон Республики Узбекистан от 20.07.2006 г. № ЗРУ-42 // LexUz : Национальная база данных законодательства Республики Узбекистан. – URL: <https://lex.uz/ru/docs/1023494> (дата обращения: 10.04.2024).

3. Рустамбеков, И. Имплементация норм международных актов в сфере защиты авторского права в сети Интернет в законодательство Узбекистана / И. Рустамбеков // Вопросы современной юриспруденции. – 2016. - № 1 (52). - С. 56.
4. Савицкая, К. Д. Правовой режим аккаунта в социальной сети / К. Д. Савицкая // Правовая защита интеллектуальной собственности: проблемы теории и практики : электрон. сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф., Новополюцк, 27 мая 2022 г. / редкол.: В. А. Богоненко (отв. ред.) [и др.]. – Новополюцк : Полоц. гос. ун-т им. Евфросинии Полоцкой, 2022. – С. 105-109.
5. Данченко, Г. М. Правовое регулирование аккаунта в социальных сетях / Г. М. Данченко // Вопросы российской юстиции. - 2021. - № 16. - С. 190-197.
6. Суханов, Е. И. Гражданское право : учебник : в 4 т. / Е. И. Суханов. – М. : Статут, 2019. – Т. 2. - С. 102.
7. Абдукодирова, Ш. Объективная необходимость формирования системы защиты авторского права в сети интернет / Ш. Абдукодирова, Ш. Хужаев // Общество и инновации. - 2021. - Т. 2, №. 4/S. - С. 27-33. - DOI:10.47689/2181-1415-vol2-iss4/S-pp27-33.
8. Костина, О. В. Наследование аккаунтов в социальных сетях как средство обеспечения баланса интересов граждан и предпринимателей / О. В. Костина, А. И. Черненко, Л. А. Омарова // Юридическая наука. – 2022. - № 6. - С. 53-56. - DOI: 10.24412/2220-5500-2022-6-53-56.
9. Белькова, Е. Г. Авторские права на составное произведение / Белькова Е. Г., Белькова Л. К. // Проблемы современного законодательства России и зарубежных стран: материалы VIII Междунар. науч.-практ. конф., Иркутск, 27 сент. 2019 г. – Иркутск: Иркутский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России), 2019. – С. 109-114.
10. Хохлов, В. А. Авторское право: законодательство, теория, практика / В. А. Хохлов. - М. : Издательский Дом «Городец», 2012. – 286 с.
11. Ионас, В. Я. Произведения творчества в гражданском праве / В. Я. Ионас. - М. : Юридическая литература, 1972. – 168 с.
12. Бурханова, Л. М. Особенности конституционно-правовой защиты интеллектуальной собственности в Республике Узбекистан: национальный и международный опыт / Л. М. Бурханова // Правовая защита интеллектуальной собственности: проблемы теории и практики : электрон. сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф., Новополюцк, 26 мая 2023 г. / редкол.: В. А. Богоненко (отв. ред.) [и др.]. – Новополюцк : Полоц. гос. ун-т им. Евфросинии Полоцкой, 2023. – С. 10-16.
13. Бурханова, Л. М. Вопросы совершенствования правового регулирования нематериальных благ как особого объекта гражданского права в проекте новой редакции Гражданского кодекса Республики Узбекистан / Л. М. Бурханова // Правовая защита интеллектуальной собственности: проблемы теории и практики : сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф., Новополюцк, 28 мая 2021 г. / редкол.: В. А. Богоненко (отв. ред.) [и др.]. – Новополюцк, 2021. – С. 19-22.
14. Бурханова, Л. М. Защита средств индивидуализации в сетях Интернет посредством доменных имен / Л. М. Бурханова // Правовая защита интеллектуальной собственности: проблемы теории и практики : материалы Междунар. науч.-практ. конф., Новополюцк, 17–18 мая 2019 г. / редкол.: В. А. Богоненко (отв. ред.), Н. А. Бесецкая, И. В. Вегера. – Новополюцк, 2019. – С. 43-47.

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ КАК ИНСТРУМЕНТ РАЗВИТИЯ «ЗЕЛеноЙ» ЭКОНОМИКИ

Е.Д. Василевич

*студентка 2 курса факультета международных отношений
Белорусского государственного университета
lizvsl@yandex.ru*

А.В. Карчевская

*студентка 2 курса факультета международных отношений
Белорусского государственного университета
a.v.karchevskaya@gmail.com*

Аннотация. Экологическое состояние окружающей среды является одним из самых важных аспектов нашей жизни, учитывая множество экологически глобальных вызовов, с которыми сталкивается наша планета уже на данном этапе. Интеллектуальная собственность не должна являться препятствием для развития природоохранных технологий и методов, таких как апсайклинг, а наоборот, должна способствовать развитию и сохранению здорового состояния окружающей среды, в частности, методами, предложенными в данной работе. Предложенные методы включают в себя введение в нормативные правовые акты Республики Беларусь такого понятия, как «зеленые технологии» с целью развития критериев, позволяющих выявить общественно значимые технологии, к которым могло бы применяться принудительное лицензирование в общественных интересах, а также введения понятия принудительного лицензирования в общественных интересах на «зеленые» технологии.

Ключевые слова: зеленые технологии; зеленая экономика; интеллектуальная собственность; принудительное лицензирование; апсайклинг; ТРИПС; Парижская Конвенция.

Abstract. The ecological state of the environment is one of the most important aspects of our lives, taking into account the ecologically global challenges that our planet is already facing at this stage. Intellectual property should not be an obstacle to the development of environmental technologies and methods, such as upcycling, but on the contrary, should contribute to the development and preservation of a healthy environment, in particular, by the methods proposed in this work. The proposed methods include the introduction of such a concept as "green technologies" into laws and other regulations of the Republic of Belarus in order to develop the criteria for identifying socially significant technologies to which compulsory licensing in the public interest could be applied, as well as the introduction of the concept of compulsory licensing in the public interest for "green" technologies.

Keywords: green technologies; green economy; intellectual property; compulsory licensing; upcycling; TRIPS; Paris Convention.

Актуальность данной темы обусловлена тем, что в современном мире люди все чаще используют экологические и ресурсосберегающие технологии, которые играют ключевую роль в обеспечении устойчивого развития общества и сохранении природных ресурсов для будущих поколений. Экологическая безопасность — один из важнейших вопросов в настоящее время, и роль системы интеллектуальной собственности в ее обеспечении только возрастает. Ключевым инструментом в данном обеспечении является реализация идей «зеленой экономики».

«Зеленая» экономика — процесс активного преобразования экономики в сторону более эффективного использования ресурсов, уменьшения выбросов углерода и улучшения уровня жизни населения через внедрение новых технологий и инноваций [1]. Особенностью данного понятия является понимание экономического развития не как средства достижения максимальной выгоды любым способом, а как модели экономики, ориентированной на повышение благосостояния населения вместе со снижением негативного воздействия на окружающую среду.

Современные экологические вызовы включают изменение климата, глобальное потепление, потерю биоразнообразия, загрязнение воздуха, воды и многое другое. Несомненно, они очень серьезны и требуют совместных усилий для их предотвращения. Следует также отметить, что единого, юридически закреплённого понятия «зеленых» технологий не существует. Отсутствие конкретного определения таких технологий, а также отсутствие четких критериев к определению этого понятия в документах, имеющих юридическую силу, сильно осложняет режим их защиты. Научным сообществом предлагается, в частности, внедрение понятия зеленые технологии. Зеленым (чистым) технологиям должны быть присущи некоторые критерии, такие как экологическая безопасность и инновационный характер. Конвергенция NBIC-технологий (пересечение нанотехнологий и биотехнологий, а также информационной и когнитивной отраслей) выступает основой зеленых технологий, поскольку имеет положительный эффект для состояния окружающей среды [2].

Понятие «зеленых» технологий, а также критерии к этому определению предполагается возможным ввести в Закон Республики Беларусь «Об охране окружающей среды». Введение данного определения способствовало бы, в первую очередь, развитию «зеленой» экономики, а также развитию критериев, позволяющих выявить общественно значимые технологии, с целью применения к ним особого режима юридической защиты.

В то же время интеллектуальная собственность не должна быть препятствием для развития полезных для окружающей среды технологий. Апсайклинг как один из способов поддержания экологии представляет собой переработку вещей, отходов или ненужных материалов в новые продукты или материалы более высокого качества или ценности [3]. Однако возникает проблема в области интеллектуальной собственности: охрана прав на товарные знаки, авторское право и защищенные патентами технологии. И такой принцип, как исчерпание исключительного права, может не помочь в данном случае, поскольку исключением из такого правила является отсутствие изменения качества вещи [4]. Однако при апсайклинге это не всегда возможно. Однако это все же эффективная технология, способствующая экологической стабильности. В связи с этим учеными-юристами предлагается обеспечение защиты апсайклинга различными путями, такими как, например, лимитированное модифицирование вещей апсайклингом, чтобы не нарушать прав правообладателя, либо получение разрешения на это, изменение национальных законов о товарных знаках [5]. Существуют также иные механизмы охраны окружающей среды, связанные с интеллектуальной собственностью.

В Парижской Конвенции, участницей которой является Республика Беларусь с 1993 года, в статье 5A(2) указывается, что «Каждая страна Союза имеет право принять законодательные меры, предусматривающие выдачу принудительных лицензий, для предотвращения злоупотреблений, которые могут возникнуть в результате осуществления исключительного права, предоставляемого патентом» [6, с. 12]. В пример в Конвенции приводится неиспользование изобретения, что Республика Беларусь и переняла в Законе. Однако в доктринальном комментарии к Парижской Конвенции также указаны случаи предоставления принудительной лицензии в случаях таких злоупотреблений, как установление чрезмерно высоких цен на продукцию и когда патентообладатель отказывается в предоставлении лицензии на разумных условиях и этим тормозит развитие промышленности [7].

Здесь также следует рассмотреть Соглашение по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности (далее — ТРИПС), статью 31, в которой принудительное лицензирование сильно ограничено рядом установленных условий. Обратим внимание также на Декларацию «О соглашении ТРИПС и здравоохранении», в которой в статье 4 указывается: «Соглашение

ТРИПС не препятствует и не должно препятствовать членам принимать меры по защите здоровья населения». Здоровье населения непосредственно связано с экологическими проблемами вследствие существования определенных ограничений на использование «зеленых» технологий. Защита окружающей среды и предотвращение загрязнения играют ключевую роль в обеспечении здоровья людей, а поддержание экологического равновесия способствует улучшению качества жизни и продлению продолжительности жизни населения [8].

Статья 8 ТРИПС дополнительно предусматривает, что члены ВТО вправе принимать меры, необходимые не только для защиты здоровья населения, но и для содействия общественным интересам в жизненно важных для их социально-экономического и технического развития секторах. «Зеленые» технологии не только способствуют охране окружающей среды, но также оказывают положительное влияние на социальное развитие, экономику и технический прогресс, содействуя устойчивому развитию общества, поэтому их непосредственно можно отнести к секторам, имеющим большое значение для социально-экономического и технического развития. Однако если мы хотим, чтобы «зеленые» технологии широко применялись, без принудительного лицензирования мы не обойдемся.

Принимая во внимание мировую тенденцию все более тесной взаимосвязи между нормами экологического права и интеллектуальной собственности, в частности, патентного права, возникает следующий вопрос. Разрабатываемые в рамках «зеленой» экономики технологии и инновации могут играть значимую роль для экологии, климата, окружающей среды и всей планеты в целом. Так, можно столкнуться с серьезной проблемой чрезмерных ограничений, которые могут быть наложены патентообладателями таких ценных изобретений. Это может быть как завышение цен на экологически значимые технологии, так и полное ограничение прав пользования определенными технологиями.

Решению данной проблемы может послужить принудительное лицензирование — механизм, принятый в большинстве стран мира, и подразумевающий под собой определенное разрешение, которое выдается заинтересованному лицу компетентными государственными органами, с выплатой вознаграждения патентовладельцу. Характерной чертой данной лицензии является то, что использование чужой интеллектуальной собственности разрешается без согласия правообладателя [9].

В Республике Беларусь вопрос выдачи принудительных лицензий закреплён в статье 38 Закона «О патентах на изобретения, полезные модели, промышленные образцы» от 16 декабря 2002 года, однако предусмотрено принудительное лицензирование в Республике Беларусь исключительно на объекты промышленной собственности, и принудительная лицензия выдается при неиспользовании объекта промышленной собственности в течение определенного срока с момента выдачи патента [10, с. 20]. В этой связи стоит упомянуть статью 5(b) Декларации «О соглашении ТРИПС и здравоохранении» в которой закрепляется: «Каждый член имеет право выдавать принудительные лицензии и свободу определять основания для выдачи таких лицензий» [11]. Мировой опыт показывает такие виды принудительных лицензий, как принудительная лицензия на неиспользуемый или недостаточно используемый патент, на зависимый патент и принудительная лицензия в общественных интересах [12].

Норма о выдаче принудительных лицензий в общественных интересах в Законе отсутствует, что приводит к тому, что государство не имеет право принудить обладателя исключительного права на важные природоохранные, экологически значимые технологии передать ее на пользование во благо экологии и здоровья населения иному субъекту.

Беря в учёт все вышеизложенное, предполагается целесообразным введение в Закон Республики Беларусь «О патентах на изобретения, полезные модели, промышленные образцы» в статью 38 Закона понятия принудительного лицензирования в общественных интересах на «зеленые» технологии (экологически значимые технологии), чтобы государство могло выполнять свои природоохранные обязательства в отношении мирового сообщества, а «зеленая» экономика развивалась. Введение данной нормы могло бы помочь уменьшению или даже снятию ограничений на крайне важные технологии, имеющие большое значение для окружающей среды и всей экосистемы Республики Беларусь в целом.

Предполагается также введение такого понятия, как «зеленые технологии» с целью развития критериев, позволяющих выявить общественно значимые технологии, к которым могло бы применяться принудительное лицензирование в общественных интересах. Такими критериями могут выступать экологическая безопасность и инновационный характер. Предполагается возможным введение данного определения в Закон Республики Беларусь «О патентах на изобретения, полезные модели, промышленные

образцы» в статью 38, однако возможны и альтернативные варианты, к примеру, введение данного понятия в Закон Республики Беларусь «Об охране окружающей среды».

Экологическое состояние окружающей среды без преувеличения является одним из самых важных аспектов нашей жизни, учитывая множество экологически глобальных вызовов, с которыми сталкивается наша планета уже на данном этапе. Таким образом, интеллектуальная собственность не должна являться препятствием для развития природоохранных технологий и методов, таких как апсайклинг, а наоборот, должна способствовать развитию и сохранению здорового состояния окружающей среды, в частности, методами, предложенными в данной работе.

Список использованной литературы

1. Зомонова, Э. М. Понятие и принципы «зеленой» экономики / Э. М. Зомонова // АНИ: экономика и управление. — 2016. — Т. 5, № 1(14). — С. 13-17.
2. Барышева, Г. А. Зеленые технологии: определение понятия, этапы становления и роль в устойчивом развитии экономики / Г. А. Барышева, М. С. Сергеевна // Теория и практика общественного развития. — 2019. - № 12 (142). - С. 48-54. — DOI: 10.24158/tipor.2019.12.8.
3. Калболи, И. Апсайклинг, экологичность и ИС: что все это означает для мира моды? / И. Калболи // ВОИС Журнал. — 2023. — URL: https://www.wipo.int/wipo_magazine_digital/ru/2023/article_0022.html (дата обращения: 20.04.2024).
4. Lepesant, V. Redressing Sustainable Fashion Practices: Upcycling as a Defence To Trademark Infringement / V. Lepesant // Texas A&M University School of Law. — 2023. — № 10. — P. 335-353.
5. Красникова, А. Правовые вопросы апсайклинга в модной индустрии / А. Красникова, А. М. Давтян // Правовая защита интеллектуальной собственности: проблемы теории и практики : сборник материалов X Междунар. юрид. форума (IP Форум), Москва, 18–19 февр. 2022 г. — М. : Издательский центр Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 2022. — Т. 2. - С. 412-417.
6. Парижская конвенция об охране промышленной собственности : официальный русский текст / Всемирная Организация Интеллектуальной Собственности. — Женева : ВОИС, 1996. — № 201. — 48 с.
7. Боденхаузен, Г. Парижская конвенция по охране промышленной собственности. Комментарий / Г. Боденхаузен ; пер. с франц. Н. Л. Тумановой; под ред. проф. М. М. Богуславского. - М. : Прогресс, 1977. — 306 с.
8. Лосев, С. С. О необходимости развития института принудительных лицензий в патентном праве Беларусь / С. С. Лосев // Правовая культура в современном обществе : сб. науч. статей / редкол.: И. А. Демидова (отв. ред.) [и др.]. — Могилев : Могилев. Ин-т МВД, 2022. — С. 247–252.

9. Шебанова, Н. А. Международно-правовые основания принудительного лицензирования / Н. А. Шебанова // Журнал Суда по интеллектуальным правам. – 2023. – № 3(41). – С. 5-16. – DOI 10.58741/23134852_2023_3_1.
10. О патентах на изобретения, полезные модели, промышленные образцы: Закон Респ. Беларусь от 16 дек. 2002 г. № 160-З : с изм. и доп. от 9 яны. 2023 г. № 243-З. // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 03.05.2024).
11. Декларация о соглашении ТРИПС и общественном здравоохранении : 14 ноября 2001 г. // World Trade Organization. — URL: https://www.wto.org/english/thewto_e/minist_e/min01_e/mindecl_trips_e.htm (дата обращения: 20.04.2024).
12. Андрощук, Г. А. Патентное право: правовая охрана изобретений / Г. А. Андрощук, Л. И. Работягова. — 2-е изд., перераб. и доп. — Киев : МАУП, 2001. — 230 с.

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ КАК ЭКОНОМИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ

А.Г. Величко

*студент Барановичского государственного университета
velicangelina@gmail.com*

Д.В. Низовец

*магистр экономических наук, старший преподаватель
Барановичского государственного университета
fromdinara@mail.ru*

Аннотация. В статье рассматривается проблема интеллектуальной собственности как экономической категории в информационной экономике. Анализируются методологические подходы к исследованию этой темы, выявляются основные элементы и предлагается новая формулировка. Публикация вносит вклад в изучение интеллектуальной собственности, акцентируя внимание на её особенностях и сущности, что делает её актуальной и значимой для специалистов в области экономики и управления.

Ключевые слова: интеллектуальная собственность; инновации; экономика; авторское право; патент.

Abstract. The article deals with the problem of intellectual property as an economic category in the information economy. Methodological approaches to the study of this topic are analyzed, the main elements are identified and a new formulation is proposed. The publication contributes to the study of intellectual property, emphasizing its peculiarities and essence, which makes it relevant and significant for specialists in the field of economics and management.

Keywords: intellectual property; innovation; economy; copyright; patent.

Изучение интеллектуальной собственности как экономической категории приобрело особый характер в связи с необходимостью ускорения развития научно-производственной сферы и формирования на этой основе инновационных процессов. Для современной экономической теории интеллектуальная собственность стала объектом изучения, определяя этому понятию одно из основных мест в общественном развитии общества.

Понятие интеллектуальной собственности в научной, учебной и нормативной литературе чаще всего несет юридическую смысловую нагрузку, не всегда совпадающую с её экономическим содержанием. Распространено понимание интеллектуальной собственности как условной категории для

обозначения прав, относящихся к интеллектуальной деятельности в различных областях (производственной, научной, литературной, художественной). В Гражданском кодексе Республики Беларусь понятие интеллектуальной собственности используется для обозначения исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности. Другими словами, понятие интеллектуальной собственности ассоциируется с правоотношениями по поводу объектов интеллектуального характера.

По определению Всемирной организации интеллектуальной собственности (ВОИС) интеллектуальная собственность означает результат творческой деятельности человека, который может иметь самую разную форму, будь то произведение искусства, изобретение, компьютерная программа, товарный знак или другое коммерческое обозначение.

Интеллектуальная собственность — это понятие, которое охватывает результаты творческой деятельности в области науки, литературы, искусства, техники, дизайна и средств индивидуализации, обладающие коммерческой ценностью и защищенные законом.

Основной задачей системы защиты интеллектуальной собственности является поощрение инноваций и творчества, обеспечение справедливого вознаграждения за интеллектуальные труды, а также стимулирование экономического развития.

Исследование, проведенное Всемирной организацией интеллектуальной собственности (WIPO) и Международной конфедерацией промышленных союзов (CISAC) показывает, что страны с развитой системой защиты интеллектуальной собственности обладают более динамичной экономикой и высоким уровнем инноваций [1, с. 31]. Эффективная система защиты интеллектуальной собственности способствует привлечению инвестиций в научные исследования и разработки, поскольку инвесторы могут быть уверены в том, что их интеллектуальные результаты будут защищены и могут быть монетизированы. Это, в свою очередь, способствует росту конкурентоспособности экономики и увеличению экономического роста.

Однако, несмотря на важность интеллектуальной собственности для экономического развития, существует ряд проблем, с которыми сталкиваются бизнес-сообщества. Одной из таких проблем является баланс между защитой интеллектуальной собственности и общественными интересами, такими как доступ к знаниям и инновациям. С одной стороны, существует

необходимость обеспечения защиты прав интеллектуальной собственности для поощрения инноваций и творчества. С другой стороны, важно обеспечить доступ к знаниям и инновациям для общественного блага. Например, высокие стандарты защиты авторских прав могут ограничивать возможность использования и переработки информации в научных исследованиях, образовании и культурной сфере. Это может препятствовать распространению знаний и идей, что затрудняет инновации и создание новых продуктов и услуг.

Еще одной серьезной проблемой является уровень пиратства и нарушения авторских прав, особенно в цифровой среде. Пиратство — это незаконное копирование, распространение или использование защищенных авторским правом материалов без разрешения правообладателя. В современном мире с развитием Интернета и цифровых технологий пиратство становится все более распространенным и легко доступным.

Пиратство представляет серьезную угрозу для экономики, особенно для отраслей, связанных с развлечениями и творчеством, таких как музыка, фильмы, программное обеспечение и видеоигры. Нарушение авторских прав ведет к убыткам для правообладателей, уменьшению доходов от продаж и инвестиций в производство нового контента, а также снижению количества рабочих мест и нарушению конкурентоспособности легальных предприятий.

Для борьбы с этими проблемами необходимо разрабатывать комплексные подходы, включающие в себя не только усиление правовой защиты интеллектуальной собственности, но и образовательные программы, сотрудничество между правообладателями и потребителями, а также использование технологий защиты контента. Также важно продолжать совершенствовать международные нормы и стандарты в области интеллектуальной собственности, чтобы эффективно бороться с пиратством и защищать интересы правообладателей.

Значимость интеллектуальной собственности для развития экономики определяется рядом факторов. Ее положительная роль состоит в предоставлении науке, промышленности народнохозяйственного комплекса передовой технической информации через систему патентно-информационного обеспечения.

По имеющимся данным, мировой патентный фонд насчитывает более 35 млн. описаний изобретений, полезных моделей, промышленных образ-

цов. Ежегодно публикуется около 1 млн. новых патентных документов [2, с. 10].

Патентные ведомства большинства стран мира накапливают и систематизируют патентную информацию в базах данных с онлайн-доступом для общественности. Возможности Интернета позволяют проводить быстрый поиск нужной информации для определения уровня техники, выбора аналогов при создании новых изобретений и решения собственных проблем, обеспечения безопасной среды при инвестировании и передаче технологий, поиска деловых партнеров и выяснения условий предоставления новых объектов интеллектуальной собственности.

О высокой эффективности результатов интеллектуальной деятельности свидетельствует стремительный рост объемов лицензионной торговли объектами интеллектуальной собственности и другие научно-технические достижения. Торговля лицензиями является одной из наиболее выгодных торговых операций как для продавца (лицензиара), так и для покупателя (лицензиата). Доходы компаний от лицензионной торговли за десятилетний период возросли в 6 раз, с 20 млрд. долларов в 1992 г. до 278 млрд. долларов в 2022 г., а по экспертным оценкам к середине следующего десятилетия могут достичь 0,5 трлн. долларов в год [3].

Большой удельный вес в валовом внутреннем продукте занимает индустрия интеллектуальной собственности, охраняемая авторским правом и смежными правами. Научные произведения, произведения литературы и искусства являются важнейшими элементами культурного развития общества, что не всегда поддается стоимостной оценке, однако, они имеют общественные выгоды и обеспечивают удовлетворение потребностей и желаний людей. К этой сфере также относятся исполнения, фонограммы, вещательная деятельность, кино-, видео- и аудиопроизведения, полиграфическая деятельность, компьютерные программы и базы данных.

Коммерциализация объектов авторского права и смежных прав приносит ощутимый доход. В США, например, основные отрасли авторского права по объему вклада в валовой внутренний продукт занимают первое место, опережая химические отрасли, автомобиле- и самолетостроение, электронную промышленность.

Интеллектуальная собственность — результат специализированного труда, который в перспективе будет являться частью потребительской стои-

мости (полезности) товара. При формировании цены на информационный продукт решающее влияние оказывает потребительная, а не трудовая стоимость самого информационного продукта. Затратами интеллектуального труда определяется нижний предел стоимости объекта интеллектуальной собственности. С точки зрения экономической теории, потребительную стоимость интеллектуальной собственности товара определяют способность вызывать изменения, направленные на экономию совокупного труда, и возможность более полного удовлетворения потребностей. Стоимость интеллектуального продукта определяется не затратами на его создание, а той функциональной новизной, которую содержит интеллектуальный продукт как ранняя форма нового продукта, способного удовлетворить потребности общества или бизнеса на более высоком качественном уровне и/или с меньшими затратами, чем ранее созданные товары или услуги [4, с. 15].

На рынке интеллектуальной собственности потребительная стоимость и цена продукта определяются спросом. Спрос складывается не стихийно, а целенаправленно, формируется как производителем, так и нередко потребителем, что является важной особенностью спроса. Таким образом, уровень потребительной стоимости и цены научно-информационного продукта оказываются ситуативными, отражающими конкретные взаимоотношения на рынке между производителем и потребителем данного информационного продукта.

Анализ приведенных положений позволяет сделать вывод, что интеллектуальный продукт содержит больший потенциал прибыльности, чем традиционные продукты. Интеллектуальная собственность обеспечивает развитие высокорентабельных производств, способствующих повышению конкурентоспособности страны на международном рынке, что увеличивает потребность государства и субъектов сферы интеллектуальной собственности в ее качественной защите.

Таким образом, интеллектуальная собственность играет важную роль в современной экономике, являясь ключевым элементом инновационного развития и конкурентоспособности. Для успешного управления и использования интеллектуальной собственности необходимо продолжать развивать соответствующие правовые, технологические и образовательные инструменты, а также содействовать международному сотрудничеству и обмену опытом в этой области.

Список использованных источников

1. The economic contribution of the copyright industries // WIPO. — URL: https://www.wipo.int/export/sites/www/copyright/en/docs/performance/overview_results_2021.pdf (date of access: 26.04.2024).
2. World Intellectual Property Indicators 2023 // WIPO. — URL: <https://www.wipo.int/edocs/pubdocs/en/wipo-pub-941-2023-en-world-intellectual-property-indicators-2023.pdf> (date of access: 26.04.2024).
3. The Top Global Licensors Report 2023 // WIPO. — URL: <https://www.licenseglobal.com/rankings-lists/top-150-leading-licensors> (date of access: 27.04.2024).
4. Макрусов, В. В. Система трансграничной защиты интеллектуальной собственности : монография / В. В. Макрусов, А. А. Пауков. — М. : РИО РТА, 2005. — 15с.

ПРИМЕНЕНИЕ ТЕХНОЛОГИЙ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА
НА СТАДИИ ПЛАНИРОВАНИЯ
НОРМОТВОРЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ:
ВОЗМОЖНОСТИ И ВЫЗОВЫ

С.А. Ворошкевич

*научный сотрудник отдела научно-методического обеспечения правовой
информатизации управления правовой информатизации
Национального центра правовой информации Республики Беларусь
stas.voroshkevich.120@mail.ru*

Аннотация. В эпоху перманентного развития цифровых технологий особую актуальность приобретают вопросы внедрения искусственного интеллекта в нормотворческую деятельность. В данной статье рассмотрены перспективы применения технологий искусственного интеллекта на стадии планирования нормотворческой деятельности. Сформулированы конкретные выводы и предложения по безопасному внедрению цифровых новаций.

Ключевые слова: автономные сущности, государственная система правовой информации, государственные информационно-правовые ресурсы, искусственный интеллект, нормотворческая деятельность, цифровые каналы, цифровые технологии.

Abstract. In the era of permanent development of digital technologies, the issues of introducing artificial intelligence into rule-making activities become particularly relevant. This article discusses the prospects for the use of artificial intelligence technologies at the planning stage of rule-making activities. Specific conclusions and proposals for the safe implementation of digital innovations are formulated.

Keywords: autonomous entities, state legal information system, state information and legal resources, artificial intelligence, rule-making activities, digital channels.

Сегодня любое важное решение в государственной политике реализуется через соответствующий нормативный правовой акт. В Республике Беларусь вопросу совершенствования нормотворческой деятельности, внедрению цифровых технологий на различных стадиях нормотворческого процесса уделяется особое внимание, как со стороны науки, так и со стороны нормотворческой практики, в том числе путем динамичной трансформации законодательства в сфере нормотворчества. Исследование проблемных аспектов применения и использования современных инновационных технологий на различных стадиях нормотворческого процесса имеет принципиально важное значение, поскольку создаваемые нормативные правовые акты выступают конституционно-правовой основой построения суверенного демократического социального правового государства.

Как отмечается в Послании Конституционного Суда Республики Беларусь Президенту Республики Беларусь и Парламенту от 5 марта 2024 г. «О состоянии конституционной законности в Республике Беларусь», в современных условиях на основе принципов и норм Конституции осуществляется законодательная деятельность Парламента, а также нормотворческая деятельность других государственных органов по правовому обеспечению использования инновационных технологий, эффективной защиты персональных данных, цифровизации государственного управления и цифровой трансформации экономики, включая функционирование цифровых баз данных социального назначения, развитие робототехники, создание сложных интегрированных систем с элементами искусственного интеллекта.

Как справедливо отмечает Е. В. Перепелица, «в текущий момент особые надежды возлагаются на применение «умных» технологий в нормотворчестве. От них ожидается сокращение сроков подготовки нормативных правовых актов, оптимизация процессуальной составляющей нормотворческой деятельности, отдельных стадий и нормотворческого процесса в целом» [1, с. 123].

Прежде чем говорить о перспективах внедрения искусственного интеллекта в нормотворческую деятельность, важно обозначить результаты цифровизации нормотворческого процесса в Республике Беларусь.

Драйвером цифровизации нормотворчества выступает государственная система правовой информации. Уже сегодня существует официальное опубликование нормативных правовых актов посредством их размещения на Национальном правовом Интернет-портале Республики Беларусь, функционирует автоматизированная информационная система, обеспечивающая формирование Национального реестра правовых актов Республики Беларусь (АИС НРПА), осуществляется ведение электронного банка данных проектов законов, созданы цифровые каналы и интернет-сервисы обратной связи общества с государством по вопросам совершенствования законодательства (сайт «Правовой форум Беларуси»).

На основе имеющихся разработок в рамках реализации мероприятий Государственной программы «Цифровое развитие Беларуси» на 2021 – 2025 годы» Национальным центром правовой информации Республики Беларусь создается новая АИС «Нормотворчество». Планируется, что система на единых технологических стандартах не только охватит весь цикл создания всех видов нормативных правовых актов, но и объединит в рамках цифровой экосистемы

функционал иных самостоятельных государственных информационно-правовых ресурсов, задействованных на отдельных стадиях нормотворческого процесса: юридический словарь, ИПС «ЭТАЛОН» и «ЭТАЛОН-ONLINE» при подготовке текста нормативного правового акта, его согласовании и экспертизе; сайт «Правовой форум Беларуси» – при публичном обсуждении проектов правовых актов, сборе предложений по совершенствованию законодательства и практики его применения, правовому мониторингу; Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь – при официальном опубликовании нормативных правовых актов.

В этой связи абсолютно справедливо утверждение А. Ф. Мательского о том, что «в ответ на современные потребности важно задуматься об интеграции в нормотворческий процесс систем искусственного интеллекта» [2, с. 33]. Автор в числе инноваций указывает технологии Big Data, искусственные нейронные сети, механизм формирования и использования машиночитаемых норм, способы создания цифрового нормативного языка, которые имеют место быть в нормотворчестве [2, с. 33].

Переходя к вопросу о возможности внедрения технологий искусственного интеллекта на стадии планирования нормотворческой деятельности, следует отметить, что правовые аспекты внедрения таких технологий все чаще становятся предметом научных изысканий.

Так, В. А. Шаршун на этой стадии нормотворческого процесса считает возможным применение таких технологий, как «Legal Research – правовые поисковые системы, основанные на технологиях искусственного интеллекта, получения и обработки данных; Predictive Analytics and Litigation Data Mining – анализ данных с помощью статистических или математических методов, методов интеллектуального анализа данных в целях оценки рисков и связанных с конкретным набором условий для принятия решений о возможных способах правового регулирования» [3, с. 17–18].

В то же время В. М. Бекета и Е. В. Перепелица, рассматривая актуальные направления интеграции искусственного интеллекта в нормотворчество, делают акцент на технологии Smart Tag. Авторы отмечают, что «использование Smart Tag возможно в целях повышения качества нормотворчества за счет уменьшения ошибок, дублирования, противоречий и несоответствий в правовых актах, обеспечения прозрачности и открытости процесса нормотворчества за счет предоставления доступа к смарт-тегам всем заинтересованным, содействия реализации и контролю за исполнением

правовых актов за счет возможности отслеживать их воздействие на различные сферы» [4, с. 62].

Положительно оценивает применение технологий искусственного интеллекта на стадии планирования нормотворческой деятельности А. М. Браусов. Исследователь полагает, что технологии искусственного интеллекта на данной стадии «должны обеспечить аналитическую обработку огромных массивов правоприменительных актов, судебной, прокурорской и иной практики, иметь доступ и осуществлять изучение обращений граждан и юридических лиц в государственные органы, обсуждений правовых проблем на специализированных ресурсах удаленной юридической помощи, и многое другое» [5, с. 276].

Весьма перспективной на стадии планирования нормотворческого процесса представляется такая разновидность искусственного интеллекта, как экспертная система. Экспертная система – это «предиктивная система, включающая в себя знания об определенной слабо структурированной и трудно формализуемой узкой предметной области и способная предлагать и объяснять пользователю разумные решения» [6].

Экспертная система может функционировать в двух режимах:

1) режим ввода знаний, в котором эксперт во взаимодействии с инженером по разработке экспертной системы с помощью редактора базы знаний вводит известные ему сведения о предметной области в базу знаний экспертной системы;

2) режим консультации подразумевает диалог пользователя с экспертной системой посредством получения конкретных рекомендаций системой [7, с. 173].

Применительно к стадии планирования нормотворческой деятельности экспертную систему необходимо использовать в режиме ввода знаний (в нашем случае для создания базы проектов законодательных актов, систематизации материалов, полученных учеными и практиками в процессе выявления проблемных аспектов регулирования общественных отношений, и выработки предложений по их совершенствованию).

Наглядной иллюстрацией применения экспертных систем является экспертная система TAXMAN, которая помогает исследовать логику рассуждений и аргументацию на примере законодательства о налогообложении корпораций [8].

Заслуживает внимания разработка российского Центра искусственного интеллекта МТС – Norma, которая автоматически распознает и анализирует

содержание любых юридических документов, извлекает из них ключевую информацию и на основе полученных данных систематизирует документы. Преимуществом системы является способность самостоятельного взаимодействия с контрагентами. В случае неполучения ответа на уведомление или истечения срока, программа может применять штрафные санкции в соответствии с условиями договора.

Трансформация технологий Norma в плоскость планирования нормотворческой деятельности позволит освободить юристов от выполнения рутинных операций, улучшить производительность труда, аккумулировать результаты его деятельности, сосредоточиться на выполнении приоритетно значимых задач.

На сей счет актуальными видятся суждения известного специалиста в области теории информационного (постиндустриального) общества Мануэля Кастельса, который пишет, что «способность или неспособность общества управлять технологией... формирует судьбу общества... Оно может, используя мощь государства, задушить развитие технологии. Или, напротив, также путем государственного вмешательства оно может начать ускоренный процесс технологической модернизации, способной за несколько лет изменить экономику, повысить... социальное благополучие» [9, с. 254]. Уместна также позиция о том, что современное состояние нормотворческого процесса позволяет использовать цифровые технологии как средство, аккумулирующее результаты работы и позволяющее осуществлять оперативное взаимодействие и поиск информации, а не как средство, способное заменить человека (либо значительно упростить его работу) [10]. В научной литературе выкристаллизовывается единый подход, суть которого сводится к одному: при внедрении искусственного интеллекта в сферу нормотворчества необходимо использовать его исключительно как техническое устройство или технического помощника, способного выполнять алгоритмические функции для высвобождения нормотворца от рутинной работы. Однако, принимая решение об использовании искусственного интеллекта в столь уязвимой сфере, важно тщательно оценивать все риски «делегирувания» полномочий алгоритму и стремиться их минимизировать.

На основе изученного опыта и имеющихся подходов к внедрению технологий искусственного интеллекта в нормотворческий процесс, в том числе на стадии планирования нормотворческой деятельности представляется необходимым сформулировать следующие выводы и практические ре-

комендации, направленные на безопасное использование цифровых технологий в нормотворчестве.

Польза искусственного интеллекта имеет место быть только в том случае, если «особое внимание будет уделено предотвращению и ограничению рисков, минимизации угроз и обеспечению безопасной, надежной и контролируемой разработке искусственного интеллекта» [5, с. 64], а также принятию на законодательном уровне программных документов в сфере искусственного интеллекта.

Следует подчеркнуть, что работа по планированию нормотворческой деятельности является сложно эмоциональным процессом, требующим творческого мышления, здравого смысла, проявления общего интереса к глобальным проблемам в сфере юриспруденции. В этой связи искусственный интеллект «должен оставаться математической моделью, комплексом технологических решений» [5, с. 64], позволяющим нормотворцам сконцентрироваться на выполнении творческих функций, сопровождающих процесс формирования законопроектов. Однако, по нашему убеждению, все действия автономных сущностей должны осуществляться под тотальным контролем человека.

Потенциально полезным видится применение технологий искусственного интеллекта на стадии планирования нормотворческой деятельности в процессе формирования плана подготовки законодательных актов на календарный год. В частности, технологии искусственного интеллекта имеют практическую значимость при обобщении предложений субъектов права законодательной инициативы, государственных органов и иных организаций, в том числе научных, общественных объединений и граждан посредством автоматического размещения поступивших в Национальный центр законодательства и правовой информации (далее – НЦЗПИ) предложений в отдельном документе по следующим критериям: название законопроектов; наименование государственных органов (организаций), ответственных за подготовку законопроектов; срок подготовки законопроектов; срок внесения законопроектов в Палату представителей Национального собрания Республики Беларусь; наименование субъектов права законодательной инициативы, вносящих законопроекты. Это позволит ускорить процесс обработки, глубокого анализа предложений, подготовки обоснования неучтенных замечаний и (или) предложений (при их наличии) сотрудниками НЦЗПИ.

Технологии искусственного интеллекта (как компьютерной математической модели) подвластно исключительно решение формально-алгоритмизированных задач, ей доступны лишь имитационные когнитивные функции. В этой связи применение такой технологии в нормотворческой деятельности возможно лишь «точечно» с неукоснительным соблюдением важнейших принципов, обеспечивающих безопасное функционирование технологий искусственного интеллекта. Видится перспективной идея о разработке программного обеспечения на основе технологии искусственного интеллекта, позволяющего осуществлять проверку наличия и содержания (на предмет соответствия формальным требованиям) сопроводительных документов, направленных в адрес НЦЗПИ для формирования плана подготовки проектов законодательных актов на календарный год.

Список использованных источников

1. Перепелица, Е. В. «Умные технологии» на службе нормотворчества / Е. В. Перепелица // Управление информационными ресурсами : сб. матер. XIX Межд. науч.-практ. конференции / Акад. упр-я при Президенте Республики Беларусь ; под общ. ред. О. Н. Солдатовой. – Минск : Акад. упр-я при Президенте Республики Беларусь, 2023. – С. 122–123.
2. Мательский, А. Ф. Нормотворчество в цифровом формате как эволюционный этап развития электронного государства / А. Ф. Мательский // Право.by. – 2021. – № 5 (73). – С. 29–36.
3. Шаршун, В. А. Применение искусственного интеллекта в нормотворческой деятельности: современное состояние и перспективы / В. А. Шаршун // Юстиция Беларуси. – 2023. – № 8. – С. 16–21.
4. Бекета, В. М. Актуальные направления интеграции искусственного интеллекта в нормотворчество / В. М. Бекета, Е. В. Перепелица // Право.by. – 2023. – № 5 (85). – С. 59–65.
5. Браусов, А. М. Предпосылки внедрения искусственного интеллекта в нормотворческом процессе Республики Беларусь / А. М. Браусов // Инновационное развитие через рынок интеллектуальной собственности : сб. докладов, документов и материалов XII Междунар. форума // под науч. ред. В. Н. Лопатина. – М. : РНИИИС, 2020. – С. 272–278.
6. Экспертные системы // TADVISER. – URL: https://www.tadviser.ru/index.php/%D0%A1%D1%82%D0%B0%D1%82%D1%8C%D1%8F:%D0%AD%D0%BA%D1%81%D0%BF%D0%B5%D1%80%D1%82%D0%BD%D1%8B%D0%B5_%D1%81%D0%B8%D1%81%D1%82%D0%B5%D0%BC%D1%8B (дата обращения: 10.05.2024).
7. Исабекова, К. Ф. Цифровизация в нормотворчестве: задачи и ожидаемые результаты / К. Ф. Исабекова // Вестник Института законодательства Республики Казахстан. – 2018. – № 3 (52). – С. 170–174.

8. Денисова, А. А. Информационные системы и технологии в юридической деятельности / А. А. Денисова // lybs.ru. – URL: <http://lybs.ru/index-833.htm> (дата обращения: 11.05.2024).
9. Кастельс, М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / М. Кастельс ; пер. с англ. под науч. ред. О. И. Шкаратана. — М. : ГУ ВШЭ, 2000. — 608 с.
10. Арнаутова, А. А. Цифровизация правотворческой деятельности / А. А. Арнаутова // Век качества. — 2019. — № 2. — С. 32–42.

ТВОРЧЕСТВО КАК ФАКТОР ОХРАНОСПОСОБНОСТИ ФОТОГРАФИЧЕСКОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ

В.В. Глеб

юрисконсульт ООО «Глория Медиа»
fxglebvaleria@gmail.com

Аннотация. Цель исследования провести анализ состояния правовой охраны фотографических произведений в Республике Беларусь. Сформулировать понятие «фотография» отличное от понятия «фотографическое произведение», с учетом таких составляющих как авторская индивидуальность, творческий вклад создателя.

Ключевые слова: объекты авторского права; фотографическое произведение; фотография; творческий вклад; творческий замысел автора.

Abstract. The purpose of the study is to analyze the state of legal protection of photographic works in the Republic of Belarus. To formulate the concept of "photography" different from the concept of "photographic work", taking into account such components as the author's personality, the creative contribution of the creator.

Keywords: objects of copyright; photographic work; photography; creative contribution; creative intention of the author.

Технологии упростили процесс копирования, и как следствие возможность выдать чужое произведение за свое. Напротив, узнать истинного автора, а не «похитителя таланта», становится затруднительно. Анализ судебной практики показал, что заимствованные в Интернете фотографии часто становятся предметом авторских споров. Актуализирует исследование наличие судебной практики в связи с нарушением исключительного права на фотографии, создание которых не требовало поиска ракурса, локаций, активного позирования, а имело информационный характер.

Дореволюционные цивилисты как фактор создания произведения указывают на «продукт духовного творчества» Г.Ф. Шершеневич [1], «выражение творческой мысли автора» Я.А. Канторович [2], «творческое произведение ума» А. Беляцкий [3].

Ввиду отсутствия определения объекта авторского права доктриной были установлены присущие произведению признаки:

- 1) произведение – результат созидательной деятельности человека;
- 2) это невещественное благо, результат интеллектуальной (умственной) деятельности, что исключает охрану авторским правом объектов, созданных без участия умственных способностей человека;

3) Произведение должно быть выражено в какой-либо объективной форме, доступной для восприятия другими людьми;

4) Авторским правом охраняются лишь те результаты интеллектуальной деятельности, в создании которых был использован творческий труд [4].

Наиболее глубоко понятие творческой деятельности в авторском праве исследовал советский ученый В.Я. Ионас. Им было предложено толкование понятия «творчества» с позиций науки психологии, исходя из этого мыслительная деятельность человека возможна в виде продуктивного («оригинальное производство мыслей») и репродуктивного («человек совершает по правилам логики в заученном порядке мыслительные операции с известными ему понятиями, получая при этом результат, детерминированный в целом всем ходом его воспроизводящей мыслительной работы.») мышления [4].

В.Я. Ионасом было предложено считать продуктивной ту мыслительную деятельность, которая является творчески самостоятельной и завершается созданием нового объекта.

В связи с этим для решения вопроса об охраноспособности необходимо оценить самостоятельность деятельности по созданию объекта и оценить результат этой деятельности как новизну (оригинальность). Это связано в первую очередь с тем, что методология определения творчества как признака произведения основана на установлении соответствия созданного объекта критериям новизны, оригинальности, неповторимости, уникальности [4].

Охраноспособность фотокадра определяется объективной формой выражения согласно ч. 2 ст. 6 Закона Республики Беларусь «Об авторском праве и смежных правах» от 17 мая 2011г. № 262-З. Авторско-правовая охрана фотокадра, возможна, если это «результат творческой деятельности» ч.1 ст. 6. Право на фотографические произведения (в том числе произведения, полученные способами, аналогичными фотографии) возникает в силу факта создания, без каких-либо дополнительных условий (публикация, регистрация т.д.). В соответствии со ст. 1.14 Кодекса Республики Беларусь «О культуре» от 20 июля 2016 г. № 413-З «творческая деятельность – направление культурной деятельности, включающее художественное творчество и иную интеллектуальную деятельность, завершающуюся появлением нового, ранее не существовавшего результата интеллектуальной деятельности в сфере культуры».

Таким образом, свобода творческой деятельности – это самостоятельное определение направления, формы, техники художественного творчества,

содержания, жанра, репертуарной политики, метода, стиля, достоинства и цели создаваемых, исполняемых, распространяемых и популяризируемых художественных произведений. Творческая деятельность осуществляется как на профессиональной, так и на непрофессиональной (любительской) основе (ст. 80 Кодекс о культуре).

Быстрое и легкое использование технических средств увеличило число тех, кто создает фотографии посредством «творческого труда». Во многих случаях фотография – это просто фиксация событий, фактов и т.д. Критерий творчества как необходимое условие для охраны авторских прав презюмируется.

Но всегда ли плёночная или цифровая фотографии становятся результатом творческого процесса. Раньше считалось, что преимущество плёночной фотографии, например, в том, что фотограф осмысленно подходит к каждому снимку. Творческий вклад автора, несомненно, больше, и художественная ценность снимка выше. Преимущества цифровой фотографии заключаются в ускорении процесса создания снимков, возможности хранить больше фотографий на картах памяти и редактировать фотоизображения.

Авторы фотографических произведений по-разному видят один и тот же предмет. Творческая деятельность – это относительное понятие, так как каждый человек имеет собственный взгляд на созданное произведение. В этом случае действует презумпция творчества, которая предполагает, что пока не будет доказано иное, результаты интеллектуальной деятельности будут считаться созданными творческим трудом [5]. Исходя из этого, далеко не все снимки должны признаваться произведениями: необходимо различать понятия «фотография» (снимок) и «фотографическое произведение» [6]. Такого подхода придерживаются цивилисты. Ряд авторов полагают, что «целесообразно создать особый правовой режим для фотографических произведений, поскольку они обладают значительной сущностной спецификой по сравнению с иными произведениями» [7, с. 35].

В. Хохлов также считает, что необходимо различать информационную (продукт технического труда) и творческую (продукт оригинального труда) фотографию и выделять каждую из них в отдельный правовой режим [6, с.64].

Следует отметить, что распространение авторско-правовой охраны на видеозаписи и фотографии, созданные с помощью технических средств, не отвечает целям системы авторского права. Основной целью системы

авторского права является охрана определенной оригинальности, уникальности, новизны и неповторимости, которые существуют в выражении человеческой мысли.

Фотография (снимок) – это изображение чего-то существующего в реальности, зафиксированное на пленке и не выражающее чувств (мыслей) фотографа. Хотя фотография может содержать определенные мысли, они не имеют индивидуального воплощения, поэтому фотографии (снимки) не являются объектом авторского права.

В свою очередь, фотографическое произведение – это зафиксированный на пленке образ действительности, выражающий определенную эмоцию (мысль), совпадающую с этим образом, созданным в воображении фотографа. Иными словами, творчество фотографа заключается в отражении определенной эмоции (мысли) посредством собственной мыслительной деятельности (творческого труда), создании образа (формы) этой эмоции (мысли) в воображении и реализации собственных представлений автора.

Из вышеизложенного можно сделать вывод, что основным фактором охраноспособности фотографического произведения является творческий вклад создателя. Понятие творческого вклада включает в себя такие элементы, как оригинальность, художественный замысел и неповторимость (уникальность). Пока суд не установит обратное, необходим более высокий порог требований к охраноспособности фотографических произведений, чтобы четко отличать их от фотографий (моментальных снимков), несмотря на то, что творческий труд фотографа презюмируется.

Следует поддержать позицию В. Хохлова, о необходимости различать информационную (продукт технического труда) и творческую (продукт оригинального труда) фотографию. В подтверждение приведен случай из судебной практики. Суть спора: нарушены права правообладателя ООО «И» на фотографию с видом обрушившейся крыши дома. Фотография создана штатным работником при исполнении должностных обязанностей и размещена в сети Интернет в качестве иллюстрации к статье с указанием имени её автора.

Ответчик – Издательский дом «З» без согласия истца, разместил, указанную фотографию на сайтеby, чем нарушил исключительное право истца на сообщение произведения для всеобщего сведения. Иск удовлетворен, Издательский дом «З» вышеуказанными действиями нарушил исключительное право истца ООО «И» на воспроизведение и сообщение *про-*

изведения для всеобщего сведения, взыскана компенсация в связи с нарушением исключительного права на объект авторского права в размере 5 базовых величин...» [7]

Другой недавний пример, где в ходе судебного разбирательства истица Л. пояснила суду, что фотографии созданы ею единолично при использовании своей фототехники. Фотосъёмку еды она производила самостоятельно... для этих целей она приобрела необходимый инвентарь, в частности: посуду, доску, которые покрасила единым цветом; осуществляла выбор места и ракурс съёмки, освещения, раскладку еды и предметов; отснятые фотографии обрабатывала по своему усмотрению на личном компьютере при использовании специальных программных обеспечений. Решение суда взыскать с ответчика в пользу истицы компенсацию в размере 70 базовых величин по 10 базовых величин за каждую неправомерно использованную фотографию [8]

Два примера, фотография с видом обрушившейся крыши дома и группа фотографий с единой идейно-художественной направленностью произведения, которая определялась автором. В первом снимке, нет творчества, работником просто был зафиксирован, задокументирован случай, а именно, обрушение крыши. Принимая во внимание позицию В. Хохлова, такую фотографию следует отнести к информационной (продукт технического труда), второй пример, к творческой (продукт оригинального труда).

Таким образом, практический и правовой аспект признания творчества в качестве элемента охраны авторских прав служит критерием классификации фотографических изображений. Презумпция творческого вклада автора в создание объекта подтверждается судебной практикой, анализ которой показывает, что наличие авторской индивидуальности влияет, в том числе, на размер вознаграждения.

Список цитированных источников

1. Шершеневич, Г. Ф. Авторское право на литературные произведения / Г. Ф. Шершеневич. – Казань : Типография Императорского университета, 1891. – 313 с.
2. Канторович, Я. А. Авторское право на литературные, музыкальные, художественные и фотографические произведения / Я. А. Канторович. - СПб. : Издание Юридического книжного склада «Право», 1911. – 424 с.
3. Беляцкий, С. А. Новое авторское право в его основных принципах / С. А. Беляцкий. - СПб. : Издание Юридического книжного склада «Право», – 1912. – 95 с.

4. Попова, И. В. Критерий творчества в понятии произведения науки, литературы и искусства / И. В. Попова // Промышленно-торговое право. - 2011. - № 2. - С. 43-49.
5. Гиричева, В. В. Проблемы критериев правовой охраны фотографии как объекта авторского права / В. В. Гиричева // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2017. - № 12. – С. 287-294.
6. Витко, В. С. О творческом вкладе фотографа в создание фотографических произведений / В. С. Витко // Хозяйство и право. – 2019. – № 8 (511). – С. 29-38.
7. О взыскании компенсации в связи с нарушением исключительного права на объект авторского права : Решение Верховного Суда Республики Беларусь по делу № 1ИГИП2131 от 20.04.2021 // Верховный Суд Республики Беларусь : [сайт]. – Минск, 2024. – URL: https://www.court.gov.by/ru/justice_rb/praktice/intell/foto/5ce43adafea946fd.html (дата обращения: 20.09.2023).
8. О взыскании компенсации в связи с нарушением исключительного права на объекты авторского права : Решение Верховного Суда Республики Беларусь по делу № 1ИГИП232 от 06.04.2023 // Верховный Суд Республики Беларусь : [сайт]. – Минск, 2024. – URL: https://www.court.gov.by/ru/justice_rb/praktice/intell/foto/0b40f97d9e914f39.htm (дата обращения: 20.09.2023).

ИННОВАЦИОННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В СФЕРЕ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ

В.П. Грунтов

*преподаватель-стажер кафедры социально-гуманитарных наук
учреждения образования «Витебский государственный ордена Дружбы народов
медицинский университет»
spkulik2013@yandex.ru*

Н.Н. Семёнова

*старший преподаватель кафедры социально-гуманитарных наук
учреждения образования «Витебский государственный ордена Дружбы народов
медицинский университет»
spkulik2013@yandex.ru*

О.А. Федчук

*старший преподаватель кафедры социально-гуманитарных наук
учреждения образования «Витебский государственный ордена Дружбы народов
медицинский университет»
spkulik2013@yandex.ru*

Аннотация. В данной статье раскрываются актуальные для здравоохранения вопросы осуществления инновационной деятельности на примере Витебского государственного медицинского университета. Целью исследования является рассмотрение основных аспектов и статистических показателей изобретательской и инновационной деятельности в университете и Республике Беларусь в целом.

Ключевые слова: интеллектуальная собственность; исследования; заболеваемость; медицина; изобретения.

Abstract. This article reveals current issues of implementing innovative activities in healthcare by using the example of Vitebsk State Medical University. The purpose of the study is to consider the main aspects and statistical indicators of inventive and innovative activity at the university and the Republic of Belarus as a whole.

Keywords: intellectual property; research; morbidity; medicine; inventions.

Инновационная деятельность в сфере здравоохранения является неотъемлемой частью современной диагностики и лечения заболеваний и повышения качества жизни людей. Развитие общества неразрывно связано с развитием техники, науки и технологий. Интеллектуальная собственность в рассматриваемой сфере является важной составляющей инновационных процессов в учреждениях здравоохранения.

Увеличение количества сердечно-сосудистых, онкологических и других заболеваний ставят диагностику и раннее выявление патологий на первое место в области медицинской науки и обуславливают необходимость проведения научных исследований и изысканий в указанной сфере.

Охрана здоровья населения, обеспечение доступного и качественного оказания медицинской помощи является одной из приоритетных задач каждого государства, в том числе и Республики Беларусь. Разработка и совершенствование методик оказания медицинской помощи выступает в качестве одной из основных целей изобретательной деятельности в здравоохранении.

Согласно Закону Республики Беларусь «О патентах на изобретения, полезные модели, промышленные образцы»: одним из основных объектов патентного права является изобретение, то есть техническое решение, относящееся к продукту или способу, отвечающее требованиям новизны, наличия изобретательского уровня и промышленной применимости.

Всего в 2023 г. в Национальный центр поступило 359 заявок на выдачу патентов Республики Беларусь на изобретения (105,0 % к 2022 г.). Наибольшую активность заявители проявляли в таких областях, как удовлетворение жизненных потребностей человека (32,9 % от общего количества поступивших заявок на выдачу патентов Республики Беларусь на изобретения), химия (21,7 %), различные технологические процессы (14,8 %), физика (11,7 %). В 2023 г. наблюдалось снижение количества зарегистрированных изобретений: в Национальном центре интеллектуальной собственности в 2023 году зарегистрировано 248 изобретений, в 2022 году – 302 изобретения [1].

В настоящее время в соответствии с частью 2 статьи 3 Закона Республики Беларусь № 160-З от 16.12.2002 года «О патентах на изобретения, полезные модели, промышленные образцы» методы оказания медицинской помощи (медицинской профилактики, диагностики, лечения, медицинской реабилитации и протезирования) не признаются патентоспособными. Данное положение обуславливается необходимостью недопущения монопольного права отдельных субъектов на применение определенных методов оказания медицинской помощи, проведение некоторых видов оперативных вмешательств, использование диагностических методик. По мнению специалистов Национального центра законодательства и правовых исследований Республики Беларусь законодательное закрепление возможности разра-

ботчика получить исключительное право на изобретение, относящееся к методам оказания медицинской помощи, создавало бы ситуацию противоречия между интересами патентообладателя и интересами общества в целом. В случае предоставления правообладателю исключительного права на методы диагностики и лечения заболеваний возможны ситуации установления запрета или ограничений на их использование, что, в свою очередь, может привести к снижению доступности медицинской помощи или созданию препятствий к её получению.

Продвижение медицинских знаний, поощрение разработки новых лекарственных средств и методов лечения способствуют улучшению качества медицинской помощи, увеличению продолжительности жизни, снижению заболеваемости и смертности, оптимизации расходов в здравоохранении.

Инновационная деятельность осуществляется не только организациями здравоохранения, но и учреждениями медицинского образования. Так, учреждение образования «Витебский государственный ордена Дружбы народов медицинский университет» (далее – ВГМУ) в настоящее время является патентообладателем в отношении 194 изобретений. Сотрудниками и студентами нашего университета постоянно проводятся научные исследования и разработки.

Среди результатов таких научных исследований можно выделить разработку заведующего кафедрой онкологии ВГМУ Шляхтунова Е.А., который предложил новый метод адъювантной цитостатической химиотерапии, применяемый в дополнение к хирургии при резектабельном раке молочной железы. Данная разработка имеет важное значение, поскольку на сегодняшний день рак молочной железы занимает первое место среди онкопатологий у женщин (число обнаруженных опухолей в 2023 году достигло 5 тысяч в сравнении с 770 в 1970-х годах). Суть метода заключается в предохранении ранее болевших и успешно прооперированных пациентов от рецидива, повторно возникающего заболевания с более тяжёлым течением из-за метастазирования. Обнаружить метастазы достаточно тяжело даже с использованием лучевой диагностики, КТ и МРТ. Новый же разработанный метод тестировался в течение нескольких лет, в начале, на базе Витебского Областного клинического онкологического диспансера и после был внедрён во многие онкодиспансеры Беларуси. Метод позволяет искать клетки, в будущем способные

метастазировать химическим, более точным путём, что позволяет миновать некоторые этапы диагностики. При пятилетнем анализе было установлено, что при применении данного метода пациенты живут дольше, а выживаемость повышается на 16%. [3].

Исследование и разработка всего метода с самого начала спонсировались государством. Государственная поддержка позволяет учреждениям здравоохранения и медицинского образования реализовать имеющийся у них научный потенциал и создает основу для развития и реализации научных разработок в сфере медицины и фармацевтики.

Стоит отметить и участие в инновационной деятельности студентов нашего университета. Так, студентка первого курса лечебного факультета Иванова Елизавета создала приложение для людей с ограниченными возможностями «Легко скажи» и разработала соответствующую программу для платы Arduino, став победителем республиканского конкурса «100 идей для Беларуси». Благодаря данному изобретению человек с ограниченными возможностями, в частности, с нарушением слуха и речи сможет свободно общаться с другими людьми и, соответственно, качество его жизни улучшится.

Ключевую роль в системе управления интеллектуальной собственностью играет коммерциализация объектов права промышленной собственности. В 2023 г. в нашей стране значительно увеличилось количество заключенных договоров в части передачи и предоставления прав на указанные объекты. Так, в Национальном центре интеллектуальной собственности зарегистрировано договоров на 21,1 % больше, чем в 2022 г.

Для коммерциализации результатов научной деятельности, например, в Витебском государственном медицинском университете создан Центр трансфера медицинских и фармацевтических технологий. Кроме того, с целью обеспечения выполнения разработок молекулярно-генетических, биотехнологических методов, способов, методик диагностики, программно-технических средств для определения тактики и контроля эффективности лечебно-диагностических, профилактических мероприятий, а также научного сопровождение реализации бизнес-планов профильных организаций при модернизации действующих и внедрении новых технологических процессов, создании новых производств, организации выпуска новых видов продукции в университете функционирует

научно-образовательный центр «Центр молекулярно-генетических и биотехнологических исследований».

С целью заключения лицензионных договоров о предоставлении права использования объектов промышленной собственности и поиска заказчиков ВГМУ размещает коммерческие предложения на сайте Национального центра интеллектуальной собственности.

Среди факторов, способствующих развитию научной деятельности и коммерциализации объектов интеллектуальной собственности, можно выделить стимулирование авторов и изобретателей, а также эффективное управление в данной сфере, направленное на получение максимальной прибыли университетом от использования объектов интеллектуальной собственности. Так, согласно Стратегии Республики Беларусь в сфере интеллектуальной собственности до 2030 года, утвержденной Постановлением Совета Министров Республики Беларусь 24.11.2021 № 672 отменена уплата патентных пошлин за поддержание в силе в течение первых пяти лет действия патентов на изобретения, являющиеся результатом научной и научно-технической деятельности и созданные за счет бюджетных средств, а также освобождены от налога на добавленную стоимость обороты по реализации на территории республики имущественных прав на объекты авторского права и смежных прав, изобретения, полезные модели, промышленные образцы, селекционные достижения, топологии интегральных микросхем, секреты производства (ноу-хау).

Изобретательская деятельность в медицине имеет важное социально-экономическое значение, в частности, благодаря внедрению в здравоохранение инноваций достигается более качественное оказание медицинской помощи, значительно улучшается качество жизни населения, сокращаются расходы государства на лечебно-диагностическую деятельность, что позволяет достичь максимального экономического и социального эффекта.

Инновационная деятельность в здравоохранении способствует созданию новых эффективных лекарственных средств, современного медицинского оборудования и оснащения, новых медицинских диагностических, лечебных, реабилитационных технологий или организационных процессов. Инновационное развитие медицины невозможно без тесного взаимодействия медицинской науки и практического здравоохранения, подготовки

специалистов-профессионалов в данной сфере, стимулирования научной инициативы и эффективного управления.

Список использованных источников

1. Отчет Национального центра интеллектуальной собственности за 2023 год // Национальный центр интеллектуальной собственности: [сайт]. – Минск, 2003–2024. – URL: <https://www.ncip.by/upload/iblock/e2c/smonfakve4rncxv4197hnqzrpdwh99yw.pdf> (дата обращения: 26.02.2024).
2. Гайдук, И. Е. Патентование способов и методов лечения / И. Е. Гайдук // Вестник совета молодых учёных и специалистов Челябинской области. – 2018. – № 1. – С. 27-28.
3. Архипова, А. "Мы уже видим эти клетки". Витебский хирург о новой разработке по диагностике рака, мотивации и целях / А. Архипова // БЕЛТА: : [сайт]. – Минск, 2003–2024. – URL: <https://www.belta.by/regions/view/my-uzhe-vidim-eti-kletki-vitebskij-hirurg-o-novoj-razrabotke-po-diagnostike-raka-motivatsii-i-tseljah-613112-2024/> (дата обращения: 30.04.2024).

НЕДОБРОСОВЕСТНАЯ КОНКУРЕНЦИЯ: ОТ ПАРИЖСКОЙ КОНВЕНЦИИ ПО ОХРАНЕ ПРОМЫШЛЕННОЙ СОБСТВЕННОСТИ ДО НАЦИОНАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

А.А. Доменикан

*студент 3 курса факультета международных отношений
Белорусского государственного университета
fmo.domenika@bsu.by*

Аннотация. В статье рассматривается эволюция международно-правовых норм, касающихся защиты против недобросовестной конкуренции. Анализируется ст. 10bis Парижской конвенции по охране промышленной собственности 1883 г., и приводится сравнение её положений с нормами, регулирующих защиту против недобросовестной конкуренции, в актах интеграционных объединений (на примере ЕАЭС) и в национальном законодательстве (на примере Республики Беларусь). По результатам исследования даются рекомендации по совершенствованию законодательства Республики Беларусь в области защиты против недобросовестной конкуренции.

Ключевые слова: недобросовестная конкуренция; Парижская конвенция; статья 10bis; Типовые положения ВОИС; Договор о ЕАЭС; обычай делового оборота.

Abstract. The article deals with the evolution of international legal norms concerning the protection against unfair competition. Article 10bis of the Paris Convention for the Protection of Industrial Property of 1883 is analyzed and its provisions are compared with the norms regulating protection against unfair competition in the acts of integration associations (on the example of the EAEU) and in the national legislation (on the example of the Republic of Belarus). Based on the results of the study, recommendations are given to improve the legislation of the Republic of Belarus in the field of protection against unfair competition.

Keywords: unfair competition; Paris Convention; Article 10bis; WIPO Model Provisions; EAEU Treaty; business custom.

Конкуренция как соперничество хозяйствующих субъектов на рынке является движущей силой рыночной экономики, «невидимой рукой», стимулирующей снижение издержек и одновременно улучшение качества товаров. Вместе с тем, в такой борьбе участники рынка нередко прибегают к действиям, противоречащим как нормам морали, так и обычаям честного делового оборота, – к недобросовестной конкуренции.

Признавая пагубность данных практик и их несоответствие фундаментальному принципу гражданского права – принципу добросовестности, законодательство развитых стран пошло по пути запрещения недобросовестной конкуренции. Так, первым законом в данной области являлся Закон о не-

добросовестной конкуренции Германии 1896 г., дополненный в 1909 г. [1, с. 34] Закон содержал четыре акта недобросовестной конкуренции: разглашение коммерческой тайны, введение в заблуждение, очернение конкурента и действия, противоречащие добрым нравам [1, с. 34].

Вместе с тем, само мировое сообщество осознавало важность запрета недобросовестной конкуренции (могущей иногда принимать трансграничный характер) в рамках международного права с последующей имплементацией таких норм в национальное законодательство. Таким образом, в данном исследовании мы проследим эволюцию международно-правовых норм (в том числе норм интеграционных объединений) о запрете недобросовестной конкуренции и их влияние на национальное законодательство на примере Республики Беларусь.

Первым международным договором, закрепившим защиту против недобросовестной конкуренции, была Парижская конвенция по охране промышленной собственности 1883 г. (далее – Парижская конвенция, Конвенция). Изначально Конвенция не содержала подобных норм, однако в результате её пересмотра на Брюссельской конференции в 1900 г. она была дополнена ст. 10bis, которая предписывала, что все граждане Парижского союза на его территории будут пользоваться защитой против недобросовестной конкуренции [2, с. 82]. В последующем в результате пересмотра конвенции в 1911, 1925, 1934 и 1958 гг. в ст. 10bis было внесено определение недобросовестной конкуренции и был дан открытый перечень форм недобросовестной конкуренции. Так, согласно п. 2 ст. 10bis Парижской конвенции, «актом недобросовестной конкуренции является всякий акт конкуренции, противоречащий честным обычаям в промышленных и торговых делах».

Отмечается, что данная формулировка хотя и несёт в себе оценочный характер, но она, как указано в исследовании ВОИС 1994 г. «Защита против недобросовестной конкуренции: анализ текущей ситуации в мире», предоставляет национальным законодателям и судам достаточное пространство для принятия собственных границ этого понятия, добавляя, что при этом могут учитываться и этические поведенческие стандарты, такие как личная ответственность за действия на рынке, уважение потребностей других участников рынка, соблюдение равноправия на рынке и др. [3, с. 11–13]. В целом позитивно оценивая данное положение, стоит отметить, что его гибкий подход был довольно прогрессивным и дальновидным для своего

времени, поскольку последующие изменения рыночных отношений действительно привели к формированию новых «честных обычаев делового оборота», что также до сих пор актуально в эпоху цифровой экономики.

Среди открытого перечня форм недобросовестной конкуренции Парижская конвенция в п. 3 ст. 10bis приводит следующие: недопустимость смешения с конкурентом, дискредитация конкурента и введение потребителей в заблуждение. Как уже отмечалось, данный перечень формировался постепенно, его последний пункт был добавлен в 1958 г. во время Лиссабонской конференции по пересмотру Парижской конвенции. Отмечается, что включение данной нормы свидетельствовало не только об отходе от ограничения интересов конкурентов на Лиссабонской конференции, но и о расширении сферы применения упомянутой оговорки в п. 2 ст. 10bis, в новом ключе уточняя понятие «честные обычаи делового оборота» [2, с. 82–83].

Несомненно, ст. 10bis Парижской конвенции заложила фундамент для международно-правового регулирования защиты против недобросовестной конкуренции. Вместе с тем, она не была лишена некоторых недостатков, среди которых можно отметить не очень большой перечень примеров и узкое употребление понятия «акт недобросовестной конкуренции».

С целью изучения практики национальных законодательств в области недобросовестной конкуренции ВОИС в 1994 году провела исследование, уже упомянутое в данной работе, результаты которого легли в основу уникального акта – Типовых положений о защите против недобросовестной конкуренции (далее – Типовые положения, Положения) [4].

По своей структуре Положения разделены на шесть статей, из которых одна посвящена общим нормам о недобросовестной конкуренции, и пять – примерам её форм. Кроме того, публикация содержит обширные комментарии для каждой статьи, призванные обеспечить их единообразное толкование.

Согласно п. 1 ст. 1 Положений, под недобросовестной конкуренцией понимается любой акт или практика в ходе промышленной или коммерческой деятельности, противоречащие честным обычаям. Данная статья, как отмечается, решила одну из главных проблем ст. 10bis Парижской конвенции. Так, отказ от употребления формулировки «любой акт конкуренции» напрямую расширил сферу ответственности производителя не только в отношении потребителей, но и даже на случаи, когда отсутствует прямая кон-

куренция между стороной, совершившей акт недобросовестной конкуренции, и стороной, чьи интересы затрагиваются этим актом [5, с. 69].

Среди пяти примеров форм недобросовестной конкуренции Типовые положения включают как уже упомянутые в Парижской конвенции формы – смешение с конкурентом (ст. 2), дискредитация конкурента (ст. 5) и введение потребителей в заблуждение (ст. 4), так и две новые – причинение ущерба репутации конкурента (ст. 3) и недобросовестная конкуренция в сфере секретной информации (ст. 6). Подчёркивая важность охраны коммерческой тайны, которая в Положениях именуется более широко как «секретная информация» (*secret information*), комментарий к ст. 6 даёт понять, что основой для данного пункта послужило Соглашение ТРИПС, а именно его ст. 39. Данная статья в свою очередь отсылает к ст. 10bis Парижской конвенции. Сама Парижская конвенция не содержала никаких указаний насчёт защиты коммерческой тайны, что демонстрирует расширительное толкование её п. 3, не ограничивающегося тремя указанными выше примерами.

По своей правовой природе Типовые положения не являются ни международным договором, ни актом «мягкого права»: они были представлены Международным бюро ВОИС, но не были официально приняты ни одним из органов [5, с. 72]. Вместе с тем, Типовые положения являются эталоном норм о защите против добросовестной конкуренции, способным гармонизировать законодательства стран по защите против недобросовестной конкуренции. Типовые положения могут быть успешно имплементированы с учётом особенностей в национальное законодательство практически любой страны, подобно Типовому закону ЮНСИТРАЛ о трансграничной несостоятельности, ставшему законом о трансграничных банкротствах большого числа стран.

Определённый интерес для анализа развития института недобросовестной конкуренции в международном аспекте представляет право интеграционных объединений. Говоря о праве Евразийского экономического союза (далее – ЕАЭС), основополагающим актом, регулирующим защиту от недобросовестной конкуренции, является Договор о ЕАЭС. Основой для этих норм послужил Модельный закон «О конкуренции» (далее – Модельный закон), утверждённый решением Высшего Евразийского экономического совета 24 октября 2013 г. № 50, о чём прямо указано в п. 3 преамбулы решения.

Само определение недобросовестной конкуренции даётся в пп. 14 п. 2 Раздела I «Общие положения» Приложения № 19 к Договору о ЕАЭС. Так, под недобросовестной конкуренцией понимаются «любые направленные на приобретение преимуществ в предпринимательской деятельности действия хозяйствующего субъекта (субъекта рынка) (группы лиц) или нескольких хозяйствующих субъектов (субъектов рынка) (групп лиц), которые противоречат законодательству государств-членов и (или) обычаям делового оборота, требованиям добропорядочности, разумности и справедливости и причинили или могут причинить ущерб другим хозяйствующим субъектам (субъектам рынка) – конкурентам либо нанесли или могут нанести вред их деловой репутации». Данная формулировка является более подробной, чем в Парижской конвенции и Типовых положениях ВОИС, что, по нашему мнению, является более оправданным, поскольку в этом случае достигается большая правовая определённость. Так, определение содержит не только более расширенный перечень того, что не должно быть нарушено (не только обычаи делового оборота, но и законодательство, добропорядочность, разумность и справедливость), но также и адресатов данных запретов (субъекты хозяйствования) и указание на возможный результат недобросовестной конкуренции (ущерб и(или) вред деловой репутации конкурентов).

Открытый перечень форм недобросовестной конкуренции закреплён в п. 2 ст. 76 Договора о ЕАЭС, и он содержит следующие действия: распространение дискредитирующих сведений о конкуренте, введение потребителей в заблуждение и некорректное сравнение своих товаров с товарами конкурента. Отмечается, что, хотя последний пункт касается только сравнения своих производимых или реализуемых товаров с товарами конкурента, не упоминая сравнения самого субъекта хозяйствования с конкурентом, вывод, что этот акт также охватывается данными нормами, может быть сделан из широкого толкования открытого перечня п. 2 ст. 76 [6, с. 68]. Аналогичным образом возможно вывести и запрет на недобросовестное использование коммерческой тайны, что прямо не закреплено в этой статье. Хотя п. 2 ст. 76 не содержит такой традиционной формы недобросовестной конкуренции, как смешение с конкурентом, в практике ЕАЭС уже встречались подобные случаи, и в этом отношении «важным для понимания института смешения в праве ЕАЭС является дело «Доширак», решение по которому было вынесено Федеральной антимонопольной службой (далее — ФАС) России 26 декабря 2016 г.» [6, с. 70–72].

Кроме того, положительным аспектом норм о недобросовестной конкуренции в Договоре о ЕАЭС является наличие штрафных норм с фиксированными границами штрафов, выраженных в российских рублях, хотя вполне дискуссионным вопросом является соразмерность указанных сумм (так, наибольший предусмотренный размер штрафа – один миллион российских рублей для юридических лиц).

Говоря о законодательстве Республики Беларусь в сфере защиты от недобросовестной конкуренции, нормы о недобросовестной конкуренции содержатся в двух основополагающих актах – в Гражданском кодексе Республики Беларусь (далее – ГК) (ст.ст. 1029-1030) и Законе Республики Беларусь «О противодействии монополистической деятельности и развитии конкуренции» (далее – Закон о конкуренции). Оба акта действуют как общий и специальный закон, однако в случаях, если между ними будут расхождения, то подлежать непосредственному применению будут нормы ГК [7].

Идентичное установленному в Договоре о ЕАЭС определению недобросовестной конкуренции содержится в ст. 1 Закона о конкуренции, однако между ними есть существенное различие: определение, данное белорусским законодателем, не содержит таких категорий, как обычаи делового оборота и требования справедливости. Хотя отсутствие последней категории вызывает меньше вопросов, поскольку установление справедливости возложено на судебную ветвь власти, а не на хозяйствующих субъектов, нельзя сказать то же самое в отношении обычаев делового оборота. Обычай действительно является источником гражданского права Республики Беларусь, поскольку упоминание о нём в том или ином виде содержится в статьях ГК (ст. ст. 222, 290, 1093). Будучи исторически первым индикатором добросовестной конкуренции, обычаи делового оборота до сих пор являются важным элементом для построения законодательства о защите против недобросовестной конкуренции, поэтому полагаем, что отсутствие в формулировке Закона о конкуренции указания на обычай делового оборота является его упущением, вследствие чего в определение рекомендуется внести соответствующую правку.

Ст. 1029 ГК содержит перечень форм недобросовестной конкуренции, практически в неизменном виде рецептированный из ст. 10bis Парижской конвенции. Более подробный перечень содержится в ст. ст. 25-30 Закона о конкуренции, и, кроме трёх упомянутых форм в ГК, он также выделяет некорректное сравнение с конкурентом (ст. 27), недобросовестную конкурен-

цию в связи с использованием объектов интеллектуальной собственности (ст. 28) и недобросовестную конкуренцию, связанную с коммерческой тайной (ст. 30). Примечательно, что белорусский Закон о конкуренции разрешил «текстологическую» проблему Договора о ЕАЭС, сформулировав норму о некорректном сравнении не только в отношении товаров, но и между самими хозяйствующими субъектами. Прототипом нормы о запрете недобросовестной конкуренции (как и в целом Закона о конкуренции), связанной с объектами интеллектуальной собственности, стал п. 4 пп. 1 ст. 16 уже упомянутого Модельного закона, причём Закон о конкуренции расширил сферу действия этой статьи, включив в неё запрет недобросовестной конкуренции, связанной с приобретением и использованием исключительных прав на средства индивидуализации участников гражданского оборота и товаров.

Таким образом, пресечение недобросовестной конкуренции как объект права промышленной собственности прошло долгий путь своего развития в международном аспекте, начиная от включения ст. 10bis в Парижскую конвенцию в 1900 г. до разработки современных Типовых положений ВОИС в 1996 г. и Модельного закона «О конкуренции» в 2013 г. в рамках зарождавшегося тогда ЕАЭС. Перечень возможных форм недобросовестной конкуренции в законодательстве стран и интеграционных объединений давно вышел за рамки трёх примеров п. 3 ст. 10bis Парижской конвенции, что свидетельствует об эволюции взглядов на данную проблему и в целом о прогрессивном развитии права. Вместе с тем, данная норма, существующая уже более ста лет, является не только гарантией для граждан стран-участников Парижской конвенции на право на защиту против недобросовестной конкуренции, но и отправной точкой для проведения исследований данной темы в международном аспекте.

Список использованных источников

1. Городов, О. А. Недобросовестная конкуренция : учебно-практическое пособие / О. А. Городов, А. В. Петров, Н. А. Шмигельская; под ред. О. А. Городова. – М. : Юстицинформ, 2020. – 324 с.
2. Senftleben, M. Article 10bis of the Paris Convention as the common denominator for protection against unfair competition in national and regional context / M. Senftleben // J. of Intellectual Property Law & Practice. – 2024. – Vol. 19, № 2. – P. 81–89.
3. Protection Against Unfair Competition: Analysis of the Present World Situation : presented by the International Bureau of WIPO // WIPO. – Geneva, 1994. – P. 88.

4. Типовые положения о защите от недобросовестной конкуренции : разработ. Секретариатом ВОИС, 1996 г. // Всемирная организация интеллектуальной собственности. – DOI: 10.34667/tind.36232.
5. Protection Against Unfair Competition at the International Level – The Paris Convention, the 1996 Model Provisions and the Current Work of the World Intellectual Property Organisation / M. Höpperger, M. Senftleben // Law Against Unfair Competition. MPI Studies on Intellectual Property, Competition and Tax Law. – Berlin : Springer. – 2007. – Vol. 1. - P. 61–76.
6. Конкурентное право в Евразийском экономическом союзе: учеб. пос. / В. А. Рыдомино [и др.] ; редкол.: М. А. Кусаинова [и др.]. - М. : 2018. – 281 с.
7. Лосев, С. С. Институт защиты от недобросовестной конкуренции: новое в законодательстве / С. С. Лосев // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 23.03.2024).

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПРИЗНАКОВ ПАТЕНТОСПОСОБНОСТИ ОБЪЕКТОВ БИОПРИНТИНГА НА ОСНОВЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИНДУЦИРОВАННЫХ ПЛЮРИПОТЕНТНЫХ СТВОЛОВЫХ КЛЕТОК (IPS-КЛЕТОК)

А.Д. Иванкович

*магистр юридических наук, ведущий юрисконсульт учреждения образования
«Минский государственный энергетический колледж»
art1234569070@gmail.com*

Т.В. Семёнова

*магистр юридических наук, старший преподаватель кафедры гражданского права
учреждения образования «Полоцкий государственный университет
имени Евфросинии Полоцкой»
t.siamionava@psu.by*

Аннотация. Статья посвящена исследованию признаков патентоспособности биочернил на основе индуцированных плюрипотентных стволовых клеток (iPS-клеток) в контексте биопринтинга. В работе рассматриваются основные критерии патентоспособности, такие как новизна, изобретательский уровень и промышленная применимость, и анализируются правовые аспекты использования iPS-клеток. Данное исследование акцентирует внимание на законодательных барьерах и этических аспектах патентования биочернил, предлагая пути их преодоления. Выводы работы указывают на возможность патентования iPS-клеток в Республике Беларусь, что открывает перспективы для развития биопринтинга и регенеративной медицины.

Ключевые слова: биочернила; iPS-клетки; биопринтинг; патентоспособность; новизна; изобретательский уровень; регенеративная медицина.

Abstract. The article is devoted to the study of patentability features of bioinks based on induced pluripotent stem cells (iPS-cells) in the context of bioprinting. The paper reviews the main patentability criteria such as novelty, inventive step and industrial applicability, and analyses the legal aspects of the use of iPS-cells. This study emphasises the legislative barriers and ethical aspects of patenting bioinks, suggesting ways to overcome them. The conclusions of the work indicate the possibility of patenting iPS-cells in the Republic of Belarus, which opens prospects for the development of bioprinting and regenerative medicine.

Keywords: bioinks; iPS-cells; bioprinting; patentability; novelty; inventive step; regenerative medicine.

Введение. На сегодняшний день одним из самых популярных технологических направлений являются биотехнологические исследования. Так, согласно Global Market Insight, объем рынка биотехнологий к 2025 г. будет

более 729 млрд долл. США. Глобальный рынок биотехнологий по прогнозам того же агентства будет показывать высокие темпы роста из-за растущего числа хронических заболеваний [1, с. 82]. Одним из направлений данных биотехнологических исследований является биопринтинг.

На данный момент создание искусственных тканей и органов является одним из приоритетных направлений научной, научно-технической и инновационной деятельности согласно Указу Президента Республики Беларусь «О приоритетных направлениях научной, научно-технической и инновационной деятельности на 2021–2025 годы».

Одним из направлений биопринтинга является биопринтинг с использованием индуцированных плюрипотентных стволовых клеток (iPS-клеток). Эти клетки обладают уникальными свойствами, позволяющими дифференцироваться в различные типы тканей, что открывает широкие возможности для регенеративной медицины, создания тканей и органов для трансплантации, а также для разработки новых методов лечения различных заболеваний.

Однако, несмотря на огромный потенциал, использование iPS-клеток в биопринтинге ставит ряд важных вопросов, связанных с патентоспособностью данных объектов. Патентная защита является ключевым аспектом коммерциализации инноваций, обеспечивая безопасность и стимулы для инвестиций в научные исследования и разработки.

Определение признаков патентоспособности объектов биопринтинга, основанных на iPS-клетках, требует тщательного анализа с учетом специфики данной технологии. Важно учитывать как научные, так и правовые аспекты, чтобы обеспечить соответствие правового регулирования научному прогрессу.

Цель настоящего исследования – определение признаков патентоспособности объектов биопринтинга на основе использования индуцированных плюрипотентных стволовых клеток (iPS-клеток) путем рассмотрения ключевых критериев патентоспособности, таких как новизна, изобретательский уровень и промышленная применимость, а также особенностей, связанных с использованием iPS-клеток в биопринтинге.

Основная часть. Технология биопринтинга ставит этические вызовы: основной моральной и этической проблемой в сфере биопринтинга является определение источника человеческих клеток, которые будут использоваться при печати новых человеческих тканей и органов [2, с. 92]. Человече-

ские органы являются сложными по клеточному составу, а для их создания требуются человеческие клетки разных видов, что предопределяет необходимость использования в биопринтинге стволовых клеток.

Стволовые клетки – клоногенные клетки, способные к самообновлению и дающие начало различным специализированным клеткам организма, которые имеют следующие отличительные характеристики:

- 1) клоногенность – происхождение популяции клеток из одной;
- 2) самообновление – способность к самовоспроизведению в недифференцированном состоянии;
- 3) высокая потентность – способность клеток к дифференцировке в различные типы клеток [3, с. 255].

Таким образом, стволовые клетки обладают возможностью к самовоспроизведению и потентностью, т.е. способностью стволовых клеток давать начало зрелым (специализированным, дифференцированным) клеточным линиям [4, с. 85]. Именно благодаря этим свойствам их могут использовать в биопринтинге.

Среди типов стволовых клеток выделяют следующие:

- 1) тотипотентная клетка – обладает самой высокой потентностью и способна сформировать организм, а также внезародышевые оболочки;
- 2) плюрипотентные клетки – обладают меньшей потентностью, они способны дифференцироваться в клетки всех трех зародышевых листков (эктодермы, мезодермы и энтодермы) и дают начало всем клеткам организма, включая половые клетки;
- 3) мультипотентные и олигопотентные клетки – обладают меньшим потенциалом и способны дать начало клеткам в пределах одного зародышевого листка;
- 4) унипотентные клетки – предшественники клеток одного типа, имеют ограниченное число делений, это незрелые тканеспецифичные клетки [3, с. 255].

Стволовые клетки в зависимости от происхождения можно разделить на следующие виды:

- 1) эмбриональные стволовые клетки – плюрипотентные стволовые клетки, выделенные из внутренней клеточной массы бластоцисты, для получения которых необходимо разрушить человеческий эмбрион, а также возможен риск иммунного отторжения;
- 2) взрослые стволовые клетки – имеют довольно ограниченный дифференцировочный потенциал;

3) индуцированные плюрипотентные стволовые клетки (iPS-клетки) – это репрограммированные дифференцированные клетки, которые приобретают характеристики эмбриональных стволовых клеток, т.е. эти клетки практически идентичны эмбриональным стволовым клеткам в плане морфологии, экспрессии генов, теломеразной активности, могут иметь те же поверхностные антигены и быть плюрипотентными [3, с. 255–256].

Наибольшей потентностью обладают эмбриональные плюрипотентные человеческие клетки, поскольку они являются источником образования дифференцированных клеток любых тканей и органов человека, что в свою очередь порождает фундаментальный этический вызов [4, с. 85]. Проблема заключается в том, что извлечение эмбриональных стволовых клеток возможно путем уничтожения человеческих эмбрионов. Такое положение дел не позволяет получить патент на данную технологию, поскольку это противоречит законодательству большинства государств, в т.ч. законодательству Республики Беларусь.

Закон Республики Беларусь «О патентах на изобретения, полезные модели, промышленные образцы» (далее – Закон о патентах) предусматривает, что методы оказания медицинской помощи и изобретения, противоречащие общественным интересам, принципам гуманности и морали не признаются патентоспособными.

В соответствии с Европейской патентной конвенцией предусматриваются следующие исключения из патентоспособности. В перечне исключений находятся биотехнологические изобретения, которые относятся «к процессам клонирования человека; к процессам изменения генетической идентичности зародышевой линии человека; к использованию человеческих эмбрионов в промышленных или коммерческих целях; к процессам изменения генетической идентичности животных, которые могут привести к их страданиям без какой-либо существенной медицинской пользы для человека или животного, а также к животным, полученным в результате таких процессов».

Согласно Патентной инструкции к Евразийской патентной конвенции, евразийские патенты не выдаются на изобретения, коммерческое использование которых необходимо предотвратить в целях охраны общественного порядка или морали, включая охрану жизни и здоровья людей и животных или охрану растений, либо во избежание нанесения серьезного ущерба окружающей среде.

Исходя из содержания норм об исключении из патентоспособности, технология биопринтинга с использованием эмбриональных стволовых клеток не может быть запатентована, т.к. это может противоречить интересам общества, принципам гуманности и морали.

Однако в связи с тем, что есть возможность перепрограммирования дифференцированных клеток и получения индуцированных плюрипотентных стволовых клеток, т.е. не требуется разрушать человеческий эмбрион либо выращивать в целях последующего биопринтинга, на данный момент имеются возможности и преимущества для развития технологии биопринтинга.

Важным преимуществом iPS-клеток перед эмбриональными стволовыми клетками является то, что они могут быть получены из клеток взрослого организма, а не из эмбриона, что, во-первых, решает этическую проблему, а во-вторых, позволит получать «родные» клетки без риска отторжения.

Создание стволовых клеток относительно простым способом, без морально-этических оговорок и из доступного исходного материала было названо революцией в медицине. Фактически, оно положило начало пути человечества к замене «вышедших из строя» органов не донорскими, а выращенными искусственно из стволовых клеток, причем строительным материалом для них будут служить клетки кожи самого пациента. В обозримой перспективе с помощью iPS-клеток могут быть решены проблемы нехватки донорских органов, пополнения банков крови и плазмы. В то же время пока остается не до конца решенной проблема перерождения части клеток, полученных из iPS, в раковые [5, с. 93].

Таким образом, возможность использования в биопринтинге индуцированных плюрипотентных клеток пациента свидетельствует о том, что технология биопринтинга соответствует основополагающим принципам биоэтики [6, с. 86]. Поэтому представляется допустимым патентование технических решений в сфере биопринтных технологий, которые предполагают использование таких клеток. В контексте настоящего исследования к объектам биопринтинга на основе использования индуцированных плюрипотентных стволовых клеток (iPS-клеток) будут относиться биочернила на основе iPS-клеток.

Согласно Закона о патентах, «изобретением, которому предоставляется правовая охрана, признается техническое решение в любой области, относящееся к продукту или способу, а также к применению продукта или

способа по определенному назначению и удовлетворяющее следующим условиям патентоспособности: новизна, изобретательский уровень и промышленная применимость».

Изобретение является промышленно применимым, если оно может быть использовано в промышленности, сельском хозяйстве, здравоохранении и других сферах деятельности. Биочернила на основе iPS-клеток могут быть использованы в разных сферах деятельности, включая здравоохранение и научные исследования. Возможность их применения в создании искусственных органов и тканей человека позволяет считать биочернила на основе iPS-клеток промышленно применимыми.

Изобретение имеет изобретательский уровень, если оно для специалиста явным образом не следует из уровня техники. Уровень техники включает любые сведения, ставшие общедоступными в мире до даты приоритета изобретения. Технология создания биочернил на основе iPS-клеток требует значительных умственных и технических усилий. Создание биочернил на основе iPS-клеток включает методы получения iPS-клеток, их культивирование и интеграцию в совместимые материалы (гидрогели) для биопечати. Данный комплекс знаний, умений и навыков подтверждает изобретательский уровень, т.к. решение таких задач не является очевидным.

Изобретение является новым, если оно не является частью уровня техники. При установлении новизны изобретения в уровень техники также включаются при условии их более раннего приоритета все поданные в Республике Беларусь другими лицами неотозванные заявки на выдачу патента на изобретение и полезную модель и запатентованные в Республике Беларусь изобретения и полезные модели. Объекты патентования являются результатом интеллектуальной деятельности человека, без вмешательства которого вышеуказанных объектов не существовало. Таким образом, при создании изобретений в области биопринтинга задействованы мыслительная, познавательная, творческая деятельность, главной чертой которой является умственный труд. Однако в объектах патентования в сфере биопринтинга используются объекты, которые существуют в природе, что может являться основанием отказа в выдаче патента. К таковым относятся биочернила. Рассматривая сферу биопринтинга, можно увидеть, что происходит синтез живой и неживой природы, что эти понятия не имеют четкой границы, что в свою очередь затрудняет определение пределов патентоспособности биочернил на основе iPS-клеток.

В соответствии с Правилами составления, подачи и рассмотрения заявок на выдачу евразийских патентов на изобретения (далее – Правила), объектами изобретения могут являться созданные или преобразованные человеком материальные объекты или процессы, в частности устройство, способ, вещество, биотехнологический продукт, а также применение устройства, способа, вещества, биотехнологического продукта. В соответствии со ст. 1.1. Правил к биотехнологическим продуктам как объектам изобретения относятся продукты, выделенные из их природного окружения или полученные иными способами. Биотехнологические продукты могут являться живыми и неживыми. Также, в рамках Правил было отображено четкое разграничение между понятиями «изобретение» и «открытие». Объект изобретения – биотехнологический продукт, в свою очередь биотехнологический продукт выделен из своего природного окружения. Такое положение исключает возражения, которые касаются непризнания изобретениями продуктов, которые ранее существовали в природе. Согласно ст. 10 Евразийской патентной конвенции объем правовой охраны, которая предоставляется евразийским патентом, определяется формулой изобретения. Формула биотехнологического изобретения определяет объект изобретения и выражает его сущность, т.е. она должна содержать совокупность признаков, которые характеризуют изобретение.

Индукцированные плюрипотентные стволовые клетки (iPS-клетки) изначально являются клетками живого организма, однако эти клетки перепрограммируются в заданных человеком искусственных (лабораторных) условиях, чтобы придать им состояние плюрипотентности, что позволяет им трансформироваться в различные типы клеток. Данный процесс не происходит естественным образом в природе, а является результатом интеллектуальной деятельности человека. Далее создаются биочернила на основе iPS-клеток с биосовместимыми гидрогелями и другими материалами для последующего процесса печати, что позволяет признать такое сочетание клеток и искусственных материалов результатом целенаправленного умственного процесса. Также, сам процесс использования биочернил на основе iPS-клеток является заданным человеком, контролируемым и искусственным.

Таким образом, грань между искусственным и природным в случае биочернил на основе индуцированных плюрипотентных стволовых клеток (iPS-клеток) заключается в том, что процесс создания и использования таких

клеток начинается с природного естественного материала, но проходит значительные трансформации и манипуляции для использования их в процессе биопринтинга.

На основании изложенного можно утверждать, что во время забора клеточного материала для использования его в биопринтинге происходит их выделение из природного окружения, что делает их новыми, а также позволяет относить биочернила на основе iPS-клеток к биотехнологическим изобретениям.

По итогу изложенного представляется возможным сделать ряд выводов:

1. Биочернила на основе iPS-клеток соответствуют условиям патентоспособности (промышленная применимость, новизна и изобретательский уровень) и не подпадают под исключения из патентоспособности.

2. Биочернила на основе эмбриональных стволовых клеток не могут быть запатентованы как в Республике Беларусь, так и в рамках Евразийского экономического союза и Европейского союза, т.к. они подпадают под нормы исключения из патентоспособности в связи с противоречием интересам общества, принципам гуманности и морали.

3. Биочернила на основе iPS-клеток в теории могут быть запатентованы в Республике Беларусь, исходя из положений о патентоспособности биотехнологических изобретений, содержащихся в Патентной инструкции к Евразийской патентной конвенции, а также отсутствием запрета в законодательстве Республики Беларусь патентования выделенных из своего природного окружения объектов. Определяющим фактором является степень вмешательства человека в «естественное положение дел».

4. Предлагается внести в законодательство специальные положения, разрешающие для патентования объекты, включающие или являющиеся производными от встречающихся в природе веществ, при наличии такого обстоятельства, как степень воздействия или степень вмешательства человека в «естественное положение дел». Таким образом, биочернила на основе iPS-клеток могут быть патентоспособными без каких-либо оговорок.

Список использованных источников

1. Валиева, О. В. Развитие рынка биотехнологий: глобальные тренды и место России / О. В. Валиева // Мир экономики и управления. – 2021. – Т. 21, № 4. – С. 82–102.

2. Биопринтинг в медицине. Особенности и перспективы использования / А. А. Полянская, Д. Б. Гиркина, Е. А. Стерлева [и др.] // Международный журнал прикладных наук и технологий «Integral». – 2022. – № 1. – С. 85–103.
3. Волкова, Н. С., Индуцированные плюрипотентные стволовые клетки и современные методы их получения / Н. С. Волкова, А. С. Ермаков // Царскосельские чтения. – 2016. – № 20. – С. 255–261.
4. Богданов, Д. Е. Технология биопринтинга как легальный вызов: определение модели правового регулирования / Д. Е. Богданов // Lex Russica. – 2019. – № 6 (151). – С. 80-91.
5. Нака, К. О. Нобелевская премия Яманака Синъя как повод для переосмысления роли науки и миссии ученого в Японии / К. О. Нака // Япония: ежегодник. – 2015. – № 44. – С. 92–103.
6. Богданов, Д. Е. Патентоспособность решений в сфере биопринтных технологий: сравнительно-правовой аспект / Д. Е. Богданов // Lex Russica. – 2022. – Т. 75, № 2 (183). – С. 77–89.

ПРЕЗУМПЦИЯ АВТОРСТВА В АВТОРСКОМ ПРАВЕ

Д.В. Иванова

кандидат юридических наук, доцент, ведущий специалист отдела права промышленной собственности и договоров управления правового и кадрового обеспечения,
Национальный центр интеллектуальной собственности
divliv@gmail.com

Аннотация. В статье исследованы вопросы применения на практике презумпции авторства, закрепленной в законодательстве Республики Беларусь об авторском праве. Объектом исследования являются общественные отношения, связанные с определением авторства, основанном на действующей презумпции. Цель исследования – предложения по совершенствованию соответствующего регулирования. На основе вывода о возникающих при этом проблемах, связанных с природой отдельных видов произведений, предложено изменение в соответствующие правовые нормы.

Ключевые слова: авторское право; презумпция; презумпция авторства; произведение; результат интеллектуальной деятельности.

Abstract. The article studies the issues of application in practice of the presumption of authorship, enshrined in the legislation of the Republic of Belarus on copyright. The object of the study is public relations related to the definition of authorship based on the current presumption. The aim of the study is to propose provisions to improve the relevant regulation. Based on the conclusion about the problems arising in this process, related to the nature of certain types of works, the amendment to the relevant legal norms is proposed.

Keywords: copyright; presumption; presumption of authorship; result of intellectual activity; work.

В последнее время в юридической науке вернулся интерес к правовым презумпциям. Значение последних сложно переоценить, в ряде случаев они представляют собой инструмент компенсирования отсутствующего элемента наиболее эффективным способом. Их основное назначение – это «устранение неопределенности в праве и восполнение правовых отношений недостающими юридически значимыми явлениями» [1, с. 46].

За основу возьмем одно из определений, используемых в литературе: «Презумпция (как юридическая конструкция) представляет собой закрепленную в правовой норме, основанную на предположении возможного модель юридически значимого явления, применяемая в регулировании общественных отношений при наличии определенных правовой нормой условий, за исключением случаев, когда будут доказаны обстоятельства, указывающие на невозможность использования такой модели» [1, с. 46; 2, с. 40].

Вне всякого сомнения, презумпции не просто присутствуют в законодательстве об интеллектуальной собственности, но и встречается их немалое количество. Среди них можно назвать в частности презумпцию авторства (п. 2 ст. 8 Закона Республики Беларусь от 17 мая 2011 г. № 262-З «Об авторском праве и смежных правах» (далее – Закон об авторском праве)), презумпцию правообладателя (исполнителя или производителя фонограммы – п. 3 ст. 24 Закона об авторском праве), презумпцию представительства издателя в случае анонимного или опубликования под псевдонимом произведения (п. 3 ст. 8 Закона об авторском праве).

Некоторые авторы отмечают наличие в праве интеллектуальной собственности неопровержимых презумпций, например, в соответствии с п. 2 ст. 1268 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) автор, передавший другому лицу по договору произведение для использования, считается согласившимся на обнародование этого произведения, или согласно ч. 2 ст. 21 Закона об авторском праве произведения, которым на территории Республики Беларусь охрана никогда не предоставлялась, считаются перешедшими в общественное достояние. Однако не все ученые признают существование неопровержимых презумпций, поскольку такие юридические конструкции следует уже считать иными юридическими конструкциями, а не презумпциями [3, с. 111].

Одной из самых известных и широко применяемых презумпций в праве интеллектуальной собственности, если в целом можно говорить о том, какая из них играет более важную роль, является презумпция авторства. Она встречается в различных институтах права интеллектуальной собственности, но в связи со специфическими чертами этих институтов может иметь отличные формулировки. Остановимся только на презумпции авторства, используемой в авторском праве.

Её появление и формулирование во многом обусловлено самим принципом предоставления правовой охраны объектам авторского права, а именно отсутствием обязательной регистрации и возникновением авторских прав просто в силу факта создания произведения (без каких-либо формальностей).

Согласно п. 2 ст. 8 Закона об авторском праве при отсутствии доказательств иного автором произведения считается лицо, указанное в качестве автора на экземпляре произведения. Экземпляр произведения – это оригинал или копия произведения, изготовленная в любой материальной форме (ст. 4 Закона об авторском праве).

Согласно ст. 1257 ГК РФ лицо, указанное в качестве автора на оригинале или экземпляре произведения либо иным образом в соответствии с п. 1 ст. 1300 ГК РФ, считается его автором, если не доказано иное. Пункт 1 ст. 1300 ГК РФ определяет, что считается информацией об авторском праве, в том числе той любой информацией, которая идентифицирует автора. Она может содержаться на оригинале или экземпляре произведения, быть приложена к нему или появляться в связи с сообщением в эфир или по кабелю либо доведением такого произведения до всеобщего сведения, а также любые цифры и коды, в которых содержится такая информация.

Используемая в Законе Республики Беларусь лаконичная формулировка порождает следующую проблему, уже решенную ГК РФ. Презумпция авторства теряет свою силу в отношении тех видов произведения, которые «слабо» соотносятся с конкретным материальным экземпляром.

Некоторые авторы обращают внимание на особенности применения норм об авторском праве в отношении различных видов произведений, например, хореографических [4]. Так, применение презумпции авторства в буквальном толковании в этом случае следует признать невозможным. По мнению Ю. О. Загородниковой, Д. В. Бауэра, В. А. Хохлова, «реализация права авторства может осуществляться в различных формах, например, путем указания имени автора на материальном носителе, содержащем запись хореографии, либо посредством нотариального удостоверения описания хореографического текста с указанием имени создателя, указание автора на программе мероприятия или на афише, оповещение телезрителей об авторе транслируемой хореографической постановки» [4, с. 150; 5]. Однако, прямое и безусловное соблюдение «требований» (условий применения) презумпции в таком случае отсутствует. Причиной этому является то, что как таковой оригинал или экземпляр хореографического произведения не может физически существовать в такой форме, на которую можно нанести имя автора. В любом из названных выше вариантов речь идет об условном допущении, что запись хореографии – есть само хореографическое произведение, а описание (нотация) хореографического произведения может быть оспорена как его форма, поскольку в любом случае будет представлять собой условное изложение.

В споре, который был рассмотрен Дзержинским районным судом г. Перми и касался театральных костюмов, в качестве подтверждения

своего авторства истец (художник-модельер театра) представил их эскизы, обосновывая таким образом, что реальные костюмы были сделаны по данным эскизам. Однако «ситуация осложнилась тем, что истцу не удалось доказать, что костюмы были созданы именно по представленным им в дело эскизам, а не «срисованы» с используемых в театральных постановках костюмов» [6, с. 21].

Судебная практика показывает, что субъекты стремятся подтвердить свое авторство и иными доказательствами: свидетельскими показаниями, предоставлением средств, с помощью которых созданы произведения (фотоаппарат, реквизит и проч.), черновики, договоры, в которых лицо указано в качестве автора (чаще всего это договор на создание РИД), проектная документация – для произведений архитектуры и т. п. [7; 8; 9].

Также в суде нередко вопрос о признании авторства связывается с вопросом признания объекта результатом творческой деятельности. В связи с этим следует отметить как положительное изменение, которое внесено в новую редакцию раздела V ГК, вступающую в силу 19 ноября 2024 г., где в ч. 2 п. 2 ст. 993 добавлена так называемая презумпция творчества: произведение признается созданным творческим трудом, пока не установлено иное.

Таким образом, по итогам проведенного исследования предлагаем уточнить формулировку презумпции авторства с учетом необходимости эффективного использования таковой в отношении любого произведения, существующего в современных условиях. Следует дополнить п. 2 ст. 8 Закона об авторском праве указанием на иные возможные варианты обозначения лица в качестве автора на оригинале или экземпляре произведения, в частности информация, идентифицирующая автора может быть приложена к оригиналу или экземпляру произведения, или появляться в связи с сообщением в эфир или по кабелю либо доведением такого произведения до всеобщего сведения, а также может быть представлена в виде любых цифр и кодов.

Список использованных источников

1. Булаевский, Б. А. Применение презумпций в регулировании отношений по поводу результатов интеллектуальной деятельности и средств индивидуализации / Б. А. Булаевский // Журнал российского права. – 2012. – № 5. – С. 46–54.
2. Булаевский, Б. А. К вопросу о конкуренции презумпций в праве / Б. А. Булаевский // Журнал российского права. – 2012. – № 10. – С. 39–47.

3. Булаевский, Б. А. Гражданско-правовые презумпции: понятие и функции / Б. А. Булаевский // Юридическая техника. – 2010. – № 4. – С. 110–113.
4. Загородникова, Ю. О. Правовое регулирование защиты авторских прав на хореографическое произведение / Ю. О. Загородникова, Д. В. Бауэр // Юридическая наука. – 2023. – № 4. – С. 148–152.
5. Хохлов, В. А. О праве авторства / В. А. Хохлов // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2012. – № 4. – С. 52–59.
6. Зернин, Н. В. Авторское право на театральный костюм (уроки судебного дела) / Н. В. Зернин // Ex jure. – 2019. – № 3. – С. 20–27.
7. Решение Верховного Суда Республики Беларусь от 17 апреля 2015 г. // Верховный Суд Республики Беларусь : [сайт]. – Минск, 2024. – URL: https://www.court.gov.by/ru/justice_rb/practice/intell/ (дата обращения: 01.07.2024).
8. Решение Верховного Суда Республики Беларусь от 21 мая 2019 г., дело № 12-01/57-2019 // Верховный Суд Республики Беларусь : [сайт]. – Минск, 2024. – URL: https://www.court.gov.by/ru/justice_rb/practice/intell/ (дата обращения: 01.07.2024).
9. Решение Верховного Суда Республики Беларусь от 06 апреля 2023 г., дело № 1ИГИП232 // Верховный Суд Республики Беларусь : [сайт]. – Минск, 2024. – URL: https://www.court.gov.by/ru/justice_rb/practice/intell/ (дата обращения: 01.07.2024).

АКТУАЛИЗАЦИЯ ПРАВОВЫХ НОРМ В СФЕРЕ ОБРАЗОВАНИЯ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ: МЕРЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПЛАГИАТУ

Ю.Г. Иванцова

кандидат юридических наук, доцент кафедры современных технологий образования
взрослых Института повышения квалификации и переподготовки кадров учреждения
образования «Гродненский государственный университет имени Янки Купалы»
bonchuk_julia@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются актуальные вопросы правового регулирования в сфере образования в условиях цифровых технологий. Основное внимание уделяется вопросам правомерного использования заимствованных материалов в сфере образования, необходимости разработки локальных положений (регламентов) для проверки оригинальности контента, включая материалы, созданные с помощью искусственного интеллекта. В статье предложены меры ответственности за нарушения в области авторского права.

Ключевые слова: авторское право; искусственный интеллект; информационный ресурс; учебно-методические комплексы; плагиат.

Abstract. The article considers current issues of legal regulation in the field of education in the context of digital technologies. The main attention is paid to the issues of the lawful use of borrowed materials in the field of education, the need to develop local provisions and regulations for checking the originality of content, including materials created using artificial intelligence. The article proposes measures of liability for violations in the field of copyright.

Keywords: copyright; artificial intelligence; information resource; educational and methodological complexes; plagiarism.

Цифровизация, искусственный интеллект и новые формы образовательного контента (электронные (цифровые) учебно-методические комплексы, видео-, аудиоматериалы, презентации и пр.) меняют традиционное понимание авторского права в сфере образования.

Известно, что одним из самых распространенных видов нарушения авторских прав является плагиат – «воспроизведение чужого произведения или его фрагмента под своим именем» ^[1], «присвоение авторства» [2] и пр. Вместе с тем в научных трудах авторов возможно наличие заимствований при условии правомерного цитирования (ст. 36 Закона Республики Беларусь от 17 мая 2011 г. №262-З «Об авторском праве и смежных правах», п. 16 постановления Высшей аттестационной комиссии Республики Беларусь от 28 февраля 2014 г. № 3 и др.). В иных случаях к правонарушителю приме-

няются как меры юридической ответственности (части 2, 3 ст. 201 Уголовного кодекса Республики Беларусь, ч. 2 ст. 10.15 КоАП и пр.), так и другие меры воздействия (например, в п. 26 Положения о присуждении ученых степеней и присвоении ученых званий, утвержденного Указом Президента Республики Беларусь от 17 ноября 2004 г. № 560 закреплено, что «в случае, если в диссертации или в аттестационном деле соискателя ученой степени научным собранием, советом по защите диссертаций либо Президиумом ВАК обнаружены присвоение авторства (плагиат), «...», диссертация снимается ими с рассмотрения независимо от стадии прохождения по представлению комиссии, создаваемой и действующей в порядке, определяемом ВАК. При этом защита новой диссертации возможна не ранее чем через 5 лет» [3]).

О недопустимости плагиата в образовательных и научных процессах говорится в письмах Министерства образования Республики Беларусь, которые имеют рекомендательный характер (от 29 августа 2019 г. № 03-01-18/7678/дс, от 24 августа 2018 г. № 03-01-17/7194/дс, от 23 августа 2017 г. № 08-19/5447/дс и пр.). В белорусских учреждениях образования борьба с плагиатом ведется в основном с помощью системы «Антиплагиат». Так, к примеру, в 2017 г. в Белорусском государственном университете принят «Регламент использования системы «Антиплагиат» для проверки дипломных, диссертационных и иных работ в Белорусском государственном университете» (утвержден приказом ректора Белорусского государственного университета от 3 апреля 2017 г. № 162-ОД).

На первый взгляд, правовая база для борьбы с плагиатом представляется достаточно развитой, однако эффективность ее применения во многом определяется конкретными образовательными учреждениями и принимаемыми ими мерами противодействия.

Одновременно усложняет процесс выявления фактов неправомерных заимствований активное использование искусственного интеллекта для создания образовательного контента, поскольку это затрудняет проверку авторства и установление оригинальности. На сегодняшний день контент, созданный с помощью искусственного интеллекта (например, тексты лекций, практические задачи, созданные ChatGPT), имеет неопределенный правовой статус в образовательной сфере. Традиционно авторское право закреплено за физическим лицом, однако автоматически сгенерированные материалы не имеют автора-человека, что приводит к юридической неопределенности в данной области. Таким образом, в законодательстве

Республики Беларусь отсутствуют нормы, устанавливающие правовой статус произведений, созданных с использованием искусственного интеллекта. В научных исследованиях предлагается несколько возможных путей решения данной проблемы:

1) если произведение полностью создано искусственным интеллектом без значительного участия человека, можно рассмотреть возможность его признания общественным достоянием, или же как произведение, не защищаемое авторским правом;

2) признание авторских прав за создателем или владельцем системы, создавшей контент;

3) признание авторства за искусственным интеллектом и пр. [4; 5; 6].

При совместном создании произведений человеком и искусственным интеллектом важно:

- определить критерии минимального уровня «творческого вклада», необходимого для признания авторских прав за физическим лицом;

- предусмотреть обязательную маркировку контента, созданного с помощью искусственного интеллекта, чтобы отличать его от произведений, созданных исключительно человеком.

Следует отметить, что в мае 2023 г. в системе «Антиплагиат» был внедрен новый функционал, позволяющий автоматически обнаруживать тексты, сгенерированные машинным способом [7].

Рассмотрим особенности правового регулирования создания относительно новых учебно-методических комплексов, таких как электронные учебно-методические комплексы (ЭУМК) и цифровые учебно-методические комплексы (ЦУМК) и определим требования к порядку использования заимствований при их подготовке. Итак, порядок их создания регламентируется постановлением Министерства образования Республики Беларусь от 8 ноября 2022 г. № 427 «Об утверждении положений об учебно-методических комплексах» (далее – постановление № 427). При этом следует, что ЭУМК, созданный за счет средств республиканского бюджета и (или) местных бюджетов, государственных внебюджетных фондов или средств государственного учреждения высшего образования, подлежит государственной регистрации как информационный ресурс в соответствии постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 26 мая 2009 г. № 673 «Об информационных ресурсах, информационных системах и государственных цифровых платформах». Автором информационного ресурса является физическое лицо, а владельцем – учреждение образования.

На локальном уровне принимаются положения, которые более подробно регулируют создание ЭУМК и ЦУМК (например, «Положение об электронном (цифровом) учебно-методическом комплексе по учебной дисциплине (модулю) на уровне высшего образования в учреждении образования «Гродненский государственный университет имени Янки Купалы», утвержденного приказом первого проректора № 182 от 13 февраля 2024 г.). При этом в существующих нормативных актах практически не уделяется внимания не только вопросам регулирования правил использования заимствований, но и отсутствуют положения, устанавливающие особенности создания материалов с использованием искусственного интеллекта.

С учетом развития цифровых технологий и появления новых форм организации образования необходимо постоянное обновление правовых норм, чтобы они соответствовали современным реалиям. Таким образом, предлагаем следующее.

1. Если имущественные права на ЭУМК и ЦУМК принадлежат учреждению образования, тогда до их регистрации в качестве информационного ресурса необходимо провести проверку на наличие заимствований. В связи с этим на локальном уровне целесообразно разработать положение/регламент (либо внести соответствующие нормы в правовые акты о создании ЭУМК и ЦУМК), который бы включал:

- правила правомерного цитирования, предусматривающие порядок использования заимствованных материалов с учетом действующих норм законодательства;
- меры ответственности за нарушение указанных правил;
- стандарты и процедуры для проверки оригинальности содержания, в том числе и сгенерированных искусственным интеллектом.

2. Для эффективной борьбы с плагиатом необходимо внедрение строгих мер воздействия. Например, учреждение образования, выявив факт плагиата, может выступить инициатором привлечения недобросовестного автора к различным видам юридической ответственности. Это может включать:

- дисциплинарные взыскания, вплоть до увольнения педагогических работников за нарушение этических и профессиональных стандартов;
- гражданско-правовую ответственность, включая возмещение ущерба (морального вреда) и изъятие неправомерно использованных материалов;
- привлечение к административной или даже уголовной ответственности в случае серьезных нарушений законодательства об авторских правах.

Такие радикальные меры способны повысить ответственность авторов и создать систему, в которой плагиат будет рассматриваться как серьезное нарушение, наносящее ущерб не только репутации учреждения образования, но и общим принципам академической честности.

3. Важным аспектом является повышение уровня информационной грамотности педагогических работников в учреждениях образования. Следует внедрять обучение основам авторского права, этике использования информации, а также развивать навыки оценки достоверности источников. Это поможет не только предотвратить случаи нарушения авторских прав, но и сформировать культуру уважения к интеллектуальной собственности среди педагогических работников.

Список использованных источников

1. О Глоссарии модельного законодательства для государств – участников Содружества Независимых Государств в области интеллектуальной собственности [Электронный ресурс] : прин. постановлением Межпарламентской Ассамблеи государств – участников Содружества Независимых Государств, 17 мая 2012 г., № 37-17 // ЭТАЛОН. Международные договоры / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2024.
2. Об утверждении Положения о комиссии по вопросам присвоения авторства (плагиата), фальсификации либо подлога материалов, включенных в диссертацию или аттестационное дело [Электронный ресурс] : постановление Высшей аттестационной комиссии Республики Беларусь, 2 февраля 2020 г., № 3 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2024.
3. Об утверждении Положения о присуждении ученых степеней и присвоении ученых званий [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 17 ноября 2004 г., № 560 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2024.
4. Толочко, О. Н. Проблемы определения права интеллектуальной собственности на продукты, полученные с использованием искусственного интеллекта / О. Н. Толочко // Динамика правоустановления и правореализации в сфере публично-правовых отношений : сб. научных ст. – 2021. – С. 272–280.
5. Гурова, М. Е. Право интеллектуальной собственности: авторское право на труды искусственного интеллекта / М. Е. Гурова // Скиф. вопросы студенческой науки. – 2021. – № 6 (58). – С. 231–234.
6. Вэй, Д. Проблемы охраны авторских прав на произведения, созданные искусственным интеллектом / Д. Вэй // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. – 2024. – № 5 (168). – С. 83–88.
7. Антиплагиат – обнаружение заимствований. – URL: <https://antiplagiat.ru/news/text-chatgpt/> (дата обращения 04.05.2024).

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ В ЭПОХУ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ: СОВРЕМЕННЫЙ ПОДХОД

А.С. Ивашкевич

*младший научный сотрудник государственного учреждения «БелИСА»
ivashkevichas@belisa.org.by*

Аннотация. *Анализируются особенности интеллектуальной собственности в условиях цифровизации и поиск путей решения проблем, связанных с защитой авторских прав и интеллектуальных активов в современном цифровом мире.*

Ключевые слова: *Интеллектуальная собственность; цифровая экономика; государство; международное сотрудничество; авторское право.*

Abstract. *This article examines the peculiarities of intellectual property in the context of digitalization and explores potential solutions to the challenges associated with the protection of copyrights and intellectual assets in the contemporary digital landscape.*

Keywords: *intellectual property; digital economy; state; international cooperation; copyright.*

В век всеобщей цифровизации нельзя не принимать во внимание некоторые особенности цифровой экономики, такие как:

- Ускорение цикла обновления информации. В цифровой экономике информация становится доступной практически мгновенно, что требует от предприятий оперативно реагировать на изменения рынка и внедрять инновации;
- глобализация. Цифровая экономика разрушает границы, что позволяет компаниям работать на международном уровне и конкурировать с другими игроками на мировой арене;
- виртуальные товары и услуги. В цифровой экономике значительную долю составляют виртуальные товары и услуги, которые легко копируются и распространяются, что создает проблемы с защитой интеллектуальной собственности (ИС).

Интеллектуальная собственность играет ключевую роль в цифровой экономике. Согласно п. 1 ст. 8 Закона «Об авторском праве и смежных правах» от 17 мая 2011 г. № 262-З, авторское право на произведение возникает автоматически в связи с фактом его создания и не требует соблюдения каких-либо дополнительных формальностей. Поскольку цифровые технологии

и интернет создают новые формы интеллектуального труда и продуктов, которые могут быть легко скопированы и распространены, в этой сфере защита прав на интеллектуальную собственность становится еще более важной для стимулирования инноваций, инвестиций и конкуренции. Успех современных предприятий все больше зависит от их способности к инновациям, защите собственных идей и технологий. В экономике интеллектуальная собственность включает в себя различные формы:

1. Авторское право: защита произведений литературы, искусства и науки, таких как книги, музыка, фильмы, программное обеспечение и т.д. В цифровой среде авторское право сталкивается с проблемами пиратства и незаконного распространения контента.

2. Патенты: защита изобретений и технологий, которые являются новыми, полезными и не очевидными. В цифровой экономике патенты часто связаны с программным обеспечением, алгоритмами и другими интеллектуальными технологиями.

3. Товарные знаки: защита знаков, символов и логотипов, которые идентифицируют и дифференцируют продукты и услуги одного предпринимателя от других. В цифровой экономике товарные знаки могут включать в себя доменные имена, хештеги и другие элементы, связанные с интернет-маркетингом.

4. Ноу-хау: защита коммерческой информации, которая имеет ценность и не является общеизвестной. В цифровой экономике ноу-хау может включать в себя алгоритмы, данные и другие конфиденциальные сведения, которые обеспечивают конкурентное преимущество.

В контексте цифровой экономики под новыми формами интеллектуальной собственности часто понимают такие объекты, как программные продукты, базы данных, облачные сервисы, алгоритмы и другие цифровые активы. Эти объекты отличаются от традиционных форм ИС (например, патентов на изобретения или авторских прав на литературные произведения) тем, что они легко копируются, распространяются и модифицируются в цифровом пространстве.

Новые формы интеллектуальной собственности (ИС) постоянно появляются с развитием технологий и изменением потребностей общества. Вот некоторые из них: 1. Программное обеспечение и алгоритмы: ИС, связанные с программным обеспечением, включая авторские права на коды и патенты на алгоритмы, становятся все более важными; 2. Бизнес-модели и стратегии: ИС, связанные с бизнес-моделями и стратегиями, такими как франчайзинг

и лицензирование, также приобретают значение; 3. Цифровые товары и сервисы: Новые формы ИС, связанные с цифровыми товарами и услугами, такими как виртуальные валюты, NFT и другие цифровые активы, становятся все более популярными; 4. Интеллектуальный капитал: Этот термин относится к знаниям, навыкам и опыту, которые приносят ценность компании. Интеллектуальный капитал может включать в себя человеческий капитал (знания и навыки сотрудников), структурный капитал (процессы и инфраструктура компании) и отношений (партнерства и клиентская база).

Цифровая экономика оказывает влияние на ИС через следующие механизмы: усиление конкуренции (в условиях цифровой экономики компании вынуждены постоянно искать новые способы сохранения конкурентных преимуществ, что приводит к необходимости более эффективной защиты интеллектуальной собственности); увеличение рисков нарушения прав на ИС (распространение цифровых технологий и глобализация делают возможным незаконное использование и распространение объектов интеллектуальной собственности, что требует от компаний применять новые механизмы защиты своих прав); изменение подходов к оценке интеллектуальной собственности (в цифровой экономике стоимость объектов интеллектуальной собственности становится более динамичной и зависит от множества факторов, что требует от компаний пересмотра методов оценки и управления своей ИС). Цифровая экономика требует от компаний быть более адаптивными и инновационными. Успех в этой сфере будет определяться способностью предприятий эффективно защищать свои интеллектуальные активы и использовать их для достижения конкурентных преимуществ на рынке.

Стоимостная оценка новых форм интеллектуальной собственности имеет свои особенности: 1. Абстрактность активов. Цифровые активы часто носят абстрактный характер и не имеют физической формы, что затрудняет их прямую оценку; 2. Быстрое устаревание. Технологический прогресс в цифровой экономике происходит очень быстро, что приводит к быстрому устареванию цифровых активов и необходимости частой переоценки их стоимости; 3. Интернет-эффект. В некоторых случаях стоимость цифровых активов может увеличиваться с ростом количества пользователей (например, социальные сети, платформы обмена сообщениями); 4. Защита права собственности. Высокая волатильность и легкость копирования цифровых активов требуют эффективных мер защиты права собственности, что влияет

на их стоимость; 5. Инвестиции в развитие. Разработка и поддержка цифровых активов требуют постоянных инвестиций в их развитие и обновление, что также учитывается при оценке.

Стоимостная оценка новых форм интеллектуальной собственности может быть сложной задачей, тем не менее, существуют некоторые общие подходы к оценке:

1. Доходный подход. Этот метод основан на оценке будущих доходов, которые может принести ИС, и дисконтировании их к текущей стоимости.
2. Затратный подход. Этот метод основан на оценке затрат на создание аналогичной ИС или восстановление существующей ИС.
3. Сравнительный подход. Этот метод основан на сравнении оцениваемой ИС с аналогичными ИС на рынке и оценке ее стоимости на основе рыночных данных.

Оценка новых форм интеллектуальной собственности требует глубокого понимания специфики конкретного актива и рынка, на котором он функционирует. Кроме того, необходимо учитывать факторы риска и неопределенности, связанные с новыми формами ИС.

Управление интеллектуальной собственностью в условиях цифровизации также требует адаптации практик к быстро меняющимся технологиям и рынкам.

Охватывая широкий спектр стратегий и практик управления интеллектуальной собственностью, можно выделить несколько ключевых аспектов, которые помогут организации эффективно защищать свои интеллектуальные активы и получать от них максимальную выгоду. Стратегии управления ИС в условиях цифровизации включают: 1. Активное патентование и регистрация интеллектуальной собственности: организации должны активно защищать свои изобретения, товарные знаки, дизайны и другие виды ИС путем их регистрации и патентования. 2. Интеграция ИС в бизнес-стратегию: ИС должна быть неотъемлемой частью стратегического планирования компании, учитывая ее вклад в конкурентоспособность и ценность бренда. 3. Управление рисками: организации должны быть готовы к возможным нарушениям прав на ИС, включая пиратство и недобросовестную конкуренцию в цифровой среде. 4. Сотрудничество с государственными органами и международными организациями: для эффективного управления ИС важно работать с государственными органами, которые могут предоставлять консультации и поддержку, а также

участвовать в международных организациях, таких как ВОИС и ВТО. 5. Развитие навыков и компетенций: организации должны инвестировать в обучение сотрудников вопросам интеллектуальной собственности и цифровой экономики. 6. Использование цифровых инструментов и сервисов: для мониторинга и защиты ИС можно использовать различные цифровые инструменты и сервисы, такие как системы слежения за использованием товарных знаков в интернете, программы для управления интеллектуальной собственностью и др. 7. Разработка внутренних политик и процедур: организации должны разработать и внедрить внутренние политики и процедуры, касающиеся создания, хранения, использования и защиты интеллектуальной собственности. 8. Инновации и разработка новых продуктов и услуг: организации должны инвестировать в исследования и разработки, чтобы постоянно предлагать новые инновационные продукты и услуги, которые могут быть защищены правами на интеллектуальную собственность. В целом, управление ИС в условиях цифровизации требует постоянного мониторинга.

Роль государства в регулировании интеллектуальной собственности в условиях цифровой экономики является неотъемлемой частью создания благоприятных условий для развития инноваций и защиты прав собственности. В цифровую эпоху, когда информация и знания становятся ключевым ресурсом, государство должно адаптировать законодательство и политику в области ИС к новым вызовам и возможностям. Например, 23 декабря 2021 г. Пленум Верховного Суда Республики Беларусь принял постановление №10 «О применении законодательства при рассмотрении гражданских дел по спорам, связанным с созданием, правовой охраной и использованием изобретений, полезных моделей, промышленных образцов». Это первый нормативный правовой акт высшей судебной инстанции по данной тематике.

Государство обеспечивает наличие современной и гибкой законодательной базы, которая защищает права авторов, изобретателей и владельцев интеллектуальной собственности. Это включает в себя регулирование авторских прав, патентов, товарных знаков и других форм ИС.

Государство создает механизмы эффективной защиты интеллектуальной собственности от неправомерного использования и копирования. Это может включать в себя развитие системы электронного патентования, упрощение процедур регистрации ИС и обеспечение быстрой и справедливой защиты прав собственности в судебной практике.

Государство может стимулировать развитие инноваций и новых форм интеллектуальной собственности путем предоставления налоговых льгот, грантов и субсидий для компаний и исследователей, работающих в области цифровых технологий и ИС.

В условиях глобализации и распространения цифровых технологий государство участвует в международном сотрудничестве по вопросам регулирования и защиты интеллектуальной собственности. Это включает в себя подписание международных соглашений, участие в работе международных организаций и обмен опытом в области защиты ИС.

Государство проводит политику образования и информирования населения о важности интеллектуальной собственности и ее защите. Это включает в себя проведение информационных кампаний, разработка учебных программ и курсов по вопросам ИС для студентов и специалистов.

В целом, роль государства в регулировании интеллектуальной собственности в цифровой экономике заключается в создании благоприятных условий для развития инноваций, защиты прав собственности и обеспечении справедливости и конкуренции на рынке.

В Республике Беларусь, как и во многих других странах, законодательная база регулирования ИС постоянно обновляется и адаптируется к международным стандартам и тенденциям.

Беларусь активно участвует в международном сотрудничестве по вопросам регулирования и защиты интеллектуальной собственности. Это сотрудничество осуществляется на различных уровнях и через различные организации. Среди них: Всемирная организация интеллектуальной собственности (ВОИС), Евразийская патентная организация (ЕАПО), Содружество Независимых Государств (СНГ), Европейская патентная организация (ЕПО), Всемирная торговая организация (ВТО).

Беларусь является членом ВОИС с 1995 года. ВОИС является ведущим международным органом, отвечающим за содействие развитию системы защиты прав интеллектуальной собственности во всем мире. Беларусь активно участвует в работе ВОИС, принимает участие в разработке международных конвенций и соглашений, а также реализует программы сотрудничества и технической помощи.

Беларусь является одним из основателей ЕАПО, которая была создана в 1995 году на основе Евразийской патентной конвенции. ЕАПО занимается

выдачей евразийских патентов на изобретения и промышленные образцы, а также координацией деятельности национальных патентных ведомств стран-участниц.

Беларусь участвует в работе Межгосударственного совета по вопросам интеллектуальной собственности СНГ, который занимается развитием сотрудничества в области защиты прав интеллектуальной собственности между странами-членами СНГ.

Беларусь не является членом ЕПО, но подписала Соглашение о применении Европейских патентов (СПЕП), которое позволяет ей использовать европейские патенты на своей территории.

Беларусь является кандидатом на вступление в ВТО и активно работает над совершенствованием своей национальной системы защиты прав интеллектуальной собственности в соответствии с требованиями ВТО, в частности, с положениями Соглашения по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности (ТРИПС). Таким образом, Беларусь активно развивает международное сотрудничество в области регулирования и защиты прав интеллектуальной собственности.

В эпоху цифровизации интеллектуальная собственность становится более доступной и распространяется намного быстрее, чем когда-либо прежде. Это приносит как новые возможности, так и вызовы для правообладателей и создателей контента.

Выводы по данной теме можно сформулировать следующим образом:

1. Возрастает значение защиты интеллектуальной собственности. Как и прежде, важно обеспечивать защиту авторских прав и патентов, чтобы стимулировать инновации и создание новых ценных продуктов и услуг. В эпоху цифровизации это становится еще более актуальным, так как контент легко копируется и распространяется по сети.

2. Требуется гибкость и адаптивность в законодательстве. Правительства должны постоянно пересматривать и обновлять законы, касающиеся интеллектуальной собственности, чтобы они соответствовали изменяющимся технологиям и потребностям рынка.

3. Усиление международного сотрудничества. В глобальной сети важно установить единые правила и стандарты для защиты интеллектуальной собственности. Это требует усилий со стороны международных организаций и правительств разных стран.

4. Рост образовательных кампаний. Необходимо информировать пользователей о важности защиты интеллектуальной собственности и о по-

следствиях нарушения авторских прав. Это поможет снизить уровень пиратства и незаконного распространения контента.

5. Использование новых технологий для защиты интеллектуальной собственности. Разработка новых методов защиты, таких как цифровые водяные знаки, технологии блокировки копирования и криптографические протоколы, может помочь правообладателям защитить свои активы в цифровой среде.

В целом, эпоха цифровизации приносит новые сложности в управление и защиту интеллектуальной собственности, но также открывает новые возможности для ее распространения и коммерциализации. Важно найти баланс между защитой прав создателей и обеспечением доступности их работ для широкой аудитории.

Список использованных источников

1. Савина, В. С. Актуальные тенденции развития авторского права в цифровую эпоху / В. С. Савина // ИС. Авторское право и смежные права. – 2017. – № 11. – С. 56–65.
2. Право интеллектуальной собственности : учебник / Е. С. Гринь, В. О. Калятин, С. В. Михайлов [и др.] ; под общ. ред. Л. А. Новоселовой. – М. : Статут, 2017. – Т. 2: Авторское право. – 367 с.
3. Бойков, В. А. Проблема защиты авторского права в глобальной сети Интернет / В. А. Бойков // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2020. – № 6. – С. 28–31.
4. Савина, Т. Н. Цифровая экономика как новая парадигма развития: вызовы, возможности и перспективы / Т. Н. Савина // Финансы и кредит. – 2018. – № 3. – С. 15–21.
5. Павлов, К. В. О цифровизации экономики на постсоветском пространстве / К. В. Павлов, О. В. Носова, Н. Р. Асадуллина // Общество и экономика. – 2020. – № 11. – С. 76–84.
6. Исаева, О. В. Пределы заимствования чужого произведения при создании собственного / О. В. Исаева // Хозяйство и право. – 2021. – № 10. – С. 62–71.
7. Луцкер, А. П. Авторское право в цифровых технологиях и СМИ: перевод с английского / Арнольд П. Луцкер. – М. : Кудиц-Образ, 2005. – 416 с.

ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ОХРАНЫ ОБЪЕКТОВ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ В ОБЛАСТИ БИОТЕХНОЛОГИЙ

Е.А. Кишкевич

*старший преподаватель частного учреждения высшего образования
«Международный институт управления и предпринимательства»
kishkevick_katya@mail.ru*

Аннотация. В статье рассматривается такая категория охраны объектов интеллектуальной собственности в области биотехнологий (на примере биологических препаратов), как правовая охрана секрета производства (ноу-хау) от незаконного использования. Проведен анализ терминов «лекарственные препараты» и «биоаналог», в контексте введения режима коммерческой тайны.

Ключевые слова: секрет производства (ноу-хау); режим коммерческой тайны; биологические препараты; биоаналог.

Abstract. The article discusses such a category of intellectual property protection in the field of biotechnology (using the example of biological products) as the legal protection of the trade secret (know-how). The analysis of the terms «medicines» and «biosimilar» in the context of the implementation of a trade secret regime is carried out.

Keywords: know-how; trade secret regime; biological products; biosimilar.

Исследователи расходятся во мнениях, когда речь заходит об охране объектов интеллектуальной собственности в области биотехнологий. В этой области существует два философских подхода: сообщество, сосредоточенное на раскрытии, совместном использовании и бесплатной доступности компонентов и информации (что принесет пользу человечеству), разработанных в области биотехнологий и те, кто придерживается более традиционной философии патентной защиты как стимула для разработки и инвестиций (так как исследования требуют финансовых вложений, а патенты позволяют окупить эти инвестиции).

Основываясь на обзоре национального законодательства, международных соглашений и научных публикаций, интеллектуальная собственность в области биотехнологий может быть признана как сфера многочисленных правовых инноваций и формирующегося особого правового режима, который включает следующие виды прав на объекты интеллектуальной собственности, и защищает интересы создателей и владельцев этих объектов:

1) Авторское право на произведения, принадлежит автору и позволяет ему контролировать использование своего произведения иными лицами.

2) Патентное право, предоставляющее владельцу патента исключительное право на использование изобретения в течение определенного времени. Оно обычно используется для защиты новых изобретений, методов производства и прочих технологических решений, связанных с биотехнологией.

3) Правовая охрана секрета производства (ноу-хау). Сведения, составляющие секрет производства (ноу-хау), охраняются в режиме коммерческой тайны в случае, если они соответствуют требованиям, определенным Гражданским кодексом Республики Беларусь.

4) Правовая охрана товарных знаков – обеспечивает правообладателя защитой от несанкционированного использования его товарных знаков, логотипов и других инструментов, связанных с его продукцией.

В данной статье мы рассмотрим такую категорию охраны объектов интеллектуальной собственности в области биотехнологий (на примере биологических препаратов), как правовая охрана секрета производства (ноу-хау) от незаконного использования.

Биологические препараты – группа медицинских продуктов биологического происхождения, в том числе вакцины, препараты крови, аллергены, соматические клетки, ткани, рекомбинантные белки, бактериофаги.

Биологические препараты получают из различных природных источников – животных, микроорганизмов, также биологические препараты могут быть синтезированы методами биотехнологии.

Биотехнологии используются для получения лекарственных препаратов комплексного терапевтического назначения (рекомбинантный человеческий инсулин, эритропоэтин, гранулоцитарный колониестимулирующий фактор и т.д.), когда они не могут быть синтезированы химическим путем или получены в достаточных количествах из биологического материала путем простой экстракции. В соответствии с Законом Республики Беларусь от 20.07.2006 г. № 161-З (в ред. от 14.10.2022 г.) «Об обращении лекарственных средств» лекарственный препарат – это лекарственное средство в виде лекарственной формы.

Секрет производства (ноу-хау) занимает важное место в жизненном цикле вышеназванных лекарственных препаратов – от первоначального

синтеза до расширенного производства, клинических испытаний и в дальнейшем обеспечения стабильного качества.

Договор о Евразийском экономическом союзе от 29.05.2014 г. (в ред. от 21.11.2023 г.) в п. 39 закрепляет следующее определение «секретом производства (ноу-хау) признаются сведения любого характера (производственные, технические, экономические, организационные и другие), в том числе сведения о результатах интеллектуальной деятельности в научно-технической сфере, а также сведения о способах осуществления профессиональной деятельности, которые имеют действительную или потенциальную коммерческую ценность в силу неизвестности их третьим лицам, к которым у третьих лиц нет свободного доступа на законном основании и в отношении которых обладателем таких сведений введен режим коммерческой тайны».

При отсутствии этих сведений может оказаться невозможным создание терапевтически эквивалентного препарата. Таким образом, компании, пытающиеся выйти на рынок биоаналогов, сталкиваются с гораздо большей проблемой, чем те, которые пытаются выйти на рынок дженериков.

Законодательство Республики Беларусь закрепляет отсылочную норму в отношении терминов «биоаналог» и «генерик». Законом Республики Беларусь «Об обращении лекарственных средств» установлено, что «термины «биоаналогичный лекарственный препарат (биоаналог, биоподобный лекарственный препарат, биосимиляр)», «биологический лекарственный препарат», «биотехнологический лекарственный препарат», «воспроизведенный лекарственный препарат (генерик)», «гибридный лекарственный препарат», «оригинальный лекарственный препарат» используются в настоящем Законе в значениях, определенных международно-правовыми актами, составляющими право Евразийского экономического союза в сфере обращения лекарственных средств».

Решение совета Евразийской экономической комиссии от 03.11.2016 г. № 78 «О Правилах регистрации и экспертизы лекарственных средств для медицинского применения» вводит следующие термины:

«Биоаналогичный лекарственный препарат (биоаналог, биоподобный лекарственный препарат, биосимиляр)» – биологический лекарственный препарат, который содержит версию действующего вещества, зарегистрированного биологического оригинального (референтного) препарата и для которого продемонстрировано сходство (подобие) на основе сравнительных исследований с референтным препаратом по показателям качества, биологической активности, эффективности и безопасности;

«Воспроизведенный лекарственный препарат (дженерик)» – лекарственный препарат, который имеет такой же количественный и качественный состав действующих веществ и ту же лекарственную форму, что и оригинальный препарат, и биоэквивалентность которого оригинальному лекарственному препарату подтверждается соответствующими исследованиями биодоступности. Различные лекарственные формы для приема внутрь с немедленным высвобождением признаются в рамках исследований биодоступности одной и той же лекарственной формой.

По истечении срока патентной защиты любая фармацевтическая компания, сертифицированная согласно требованиям надлежащей производственной практики (англ. Good Manufacturing Practice – GMP), получает право на производство такого же препарата. Действующим компонентом является то же самое вещество. Такие препараты называют дженериками [1]. В белорусском законодательстве для этой группы препаратов используется определение «воспроизведенный лекарственный препарат».

Дженерики (генерики) в качестве действующего вещества содержат низкомолекулярные соединения, относительно легко воспроизводимые методами химического синтеза. В то же время высокомолекулярные действующие вещества биоаналогов имеют сложную молекулярную структуру и производятся с использованием инновационных биотехнологических методик.

Введение режима коммерческой тайны в отношении деталей технологического процесса производства биологических лекарственных препаратов значительно усложняет доступ к биоаналогам.

Режим коммерческой тайны может включать основные лабораторные процессы, связанные с первоначальной биологической разработкой, включая информацию, относящуюся к: структуре белка или гормона; культуре или условиям, оптимальным для технологического процесса или роста клеток; методам приготовления определенного типа среды; использованию агентов для облегчения определенных стадий или реакций, таких как очистка, концентрирование и ингибирование.

Впоследствии режим коммерческой тайны также вводится для защиты этапов, необходимых для преобразования лабораторных исследований в эффективное производство, а после коммерциализации – для расширения масштабов производства. Разнообразие видов биологических препаратов и сложность их производства приводят к разнообразию процессов, в отношении которых производитель может запрашивать охрану, включая введение режима коммерческой тайны [1].

Во-вторых, не допускается использование в составе регистрационных досье воспроизведенных и биоаналогичных лекарственных препаратов данных о результатах доклинических (неклинических) исследований и клинических исследований (испытаний) оригинальных лекарственных препаратов без письменного согласия владельцев таких данных в течение четырех лет с даты государственной регистрации в Республике Беларусь этих оригинальных лекарственных препаратов.

Статья 10 Закона Республики Беларусь «Об обращении лекарственных средств» закрепляет, что в случае распространения (публикации) информации владельцем или от его имени иными лицами о результатах доклинических (неклинических) исследований и клинических исследований (испытаний) оригинальных лекарственных препаратов в общедоступных источниках информации до истечения указанного срока такое распространение (публикация) считается согласием владельца этой информации на ее раскрытие и коммерческое использование.

Режим коммерческой тайны может быть также введен в отношении процедуры контроля качества, предусмотренной при производстве биологического препарата. Введение режима коммерческой тайны в отношении одобренных методов контроля качества, приводит к увеличению расходов на разработку биоаналогов и, следовательно, создает еще один барьер для их производства.

Производители биологических препаратов также могут предпочесть охрану производственных процессов, которые являются весьма специфичными, в режиме коммерческой тайны, так как он действует и после истечения 20-летнего срока действия патента. Более того, раскрытие в заявке на выдачу патента специфического производственного процесса оставляет открытой возможность того, что конкурент-биоаналог может обойти патентную охрану биологического препарата, слегка изменив технологический процесс (но только в том случае, если измененный процесс может привести к получению терапевтически эквивалентного биоаналога).

Согласно Гражданскому кодексу Республики Беларусь (ст. ст. 1010 – 1012) лицо, правомерно обладающее сведениями, составляющими секрет производства (ноу-хау), имеет право:

- использовать составляющие его сведения;
- запрещать другим лицам неправомерный доступ к этим сведениям при условии установления в отношении этих сведений режима коммерческой тайны;

– требовать от лица, незаконно его использующего, немедленного прекращения такого использования, а также вправе использовать иные способы защиты, предусмотренные Гражданским кодексом и иными актами законодательства.

При этом, лицо, самостоятельно и правомерно получившее сведения, составляющие секрет производства (ноу-хау), вправе использовать эти сведения независимо от прав обладателя соответствующего секрета производства (ноу-хау) и не отвечает перед ним за такое использование.

Лицо, обладающее секретом производства (ноу-хау), может предоставить все или часть составляющих его сведений другому лицу по договору. Договор о передаче секрета производства (ноу-хау) должен предусматривать обязательства сторон по обеспечению конфиденциальности составляющих его сведений.

Тем не менее, можно констатировать, что введение режима коммерческой тайны вступает в противоречие с Законом о патентах на изобретения, полезные модели, промышленные образцы, и тем самым препятствует доступу к биоаналогам и, как следствие, созданию доступных биологических и лекарственных препаратов. Так как многие биотехнологические компании могут пользоваться преимуществами обоих режимов, не внося необходимого вклада в развитие общества.

Список использованных источников

1. Feldman, R. Trade secrets in biologic medicine: the boundary with patents / R. Feldman // UCLaw. – URL: https://repository.uclawsf.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=2969&context=faculty_scholarshi (дата обращения: 04.05.2024).
2. Гражданский кодекс Республики Беларусь : 7 декабря 1998 г., №218-3 : принят Палатой представителей 28 окт. 1998 г. : одобр. Советом Респ. 19 ноября 1998 г. : с изм. и доп. от 05.01.2024 г. // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 23.04.2024).
3. Об обращении лекарственных средств : Закон Респ. Беларусь от 20 июля 2006 г. № 161-3 : в ред. от 14.10.2022 г. № 213-3 // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 23.04.2024).
4. Договор о Евразийском экономическом союзе : [подписан в г. Астане 29 мая 2014 года] : в ред. от 25.05.2023 г. // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 23.04.2024).
5. О Правилах регистрации и экспертизы лекарственных средств для медицинского применения : решение совета Евразийской экономической комиссии от 03.11.2016 г. № 78 : с изм. и доп. от 20.10.2023 г. № 114 // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 23.04.2024).

ПЕРЕДАЧА ПРАВА НА АДМИНИСТРИРОВАНИЕ ДОМЕНА КАК СПОСОБ ЗАЩИТЫ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНЫХ ПРАВ

В.В. Козловская

декан юридического факультета учреждения образования
«Витебский государственный университет имени П.М. Машерова»
kozlovskayavv@vsu.by

Аннотация. Передача прав на администрирование домена рассматривается в качестве способа защиты исключительных прав на средства индивидуализации, используемые в Интернете. Выявлено, что данный способ эффективно задействуется правообладателями для защиты нарушенных исключительных прав. Установлено, что передача домена может повлечь для правонарушителя значительные неблагоприятные последствия. В связи с этим предлагается закрепить юридическую возможность применения такого способа защиты прав не просто в акте законодательства (как это есть в настоящее время), а на уровне законодательных актов.

Ключевые слова: доменное имя; передача домена; сеть Интернет, средства индивидуализации; правообладатели средств индивидуализации; способы защиты прав; защита исключительных прав.

Abstract. The transfer of domain administration rights is considered as a way to protect the exclusive rights to the means of individualization used on the Internet. It has been revealed that this method is effectively used by copyright holders to protect violated exclusive rights. It has been established that the transfer of the domain may entail significant adverse consequences for the offender. In this regard, it is proposed to consolidate the legal possibility of applying such a method of protecting rights not just in an act of legislation (as it currently exists), but at the level of legislative acts.

Keywords: domain name; domain transfer; Internet, means of individualization; copyright holder of means of individualization; methods of protection of rights; protection of exclusive rights.

Согласно п. 1 ст. 989 Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее – ГК) защита исключительных прав осуществляется способами, предусмотренными статьей 11 ГК, а также может осуществляться путем: «1) изъятия материальных объектов, с помощью которых нарушены исключительные права, и материальных объектов, созданных в результате такого нарушения; 2) обязательной публикации о допущенном нарушении с включением в нее сведений о том, кому принадлежит нарушенное право; 3) иными способами, предусмотренными законом».

В рамках настоящей публикации уделим внимание такому специальному способу защиты исключительных прав, который применяется в случае

нарушения прав на средства индивидуализации при использовании их в доменном имени – передачу права на администрирование домена другому лицу. Приведем пример.

Судебной коллегией по делам интеллектуальной собственности Верховного Суда Республики Беларусь был рассмотрен спор между компанией «G. Inc.» (США), с одной стороны, и ООО «И.» (Республика Беларусь) и гражданином Т., с другой стороны, о прекращении нарушения исключительных прав на товарные знаки и фирменное наименование, используемые ответчиками в доменном имени google.by в Интернете [1]. Истец просил суд обязать ответчиков – ООО «И.» и гражданина Т. – прекратить нарушение исключительных прав на международные товарные знаки № 859851 и № 860242 «GOOGLE» на территории Республики Беларусь в зоне BY в сети Интернет, а также поручить Оперативно-аналитическому центру при Президенте Республики Беларусь (далее – Оперативно-аналитический центр) аннулировать регистрацию домена google.by на имя ООО «И.» и передать указанное доменное имя компании «G. Inc.» [1].

Суд удовлетворил требование истца о прекращении использования товарных знаков в доменном имени в Интернете, но отказал в требовании аннулировать регистрацию доменного имени google.by и обязать Оперативно-аналитический центр передать указанное доменное имя компании «G. Inc.», сославшись на отсутствие такого способа защиты в законодательстве Республики Беларусь [1]. Дело в том, что на момент рассмотрения этого спора (2008 г.) среди способов защиты исключительных прав такая мера не была предусмотрена.

В настоящее время в законодательстве существует норма, руководствуясь которой Судебная коллегия по делам интеллектуальной собственности принимает решение о передаче права на администрирование доменного имени правообладателю, чьи права нарушены незаконным использованием средства индивидуализации в доменном имени. Так, согласно п. 41 и п. 43 Инструкции о порядке регистрации доменных имен в национальной доменной зоне, утвержденной Приказом Оперативно-аналитического центра при Президенте Республики Беларусь 18 июня 2010 г. № 47 «О регистрации доменных имен в национальной доменной зоне» (далее – Приказ ОАЦ о регистрации доменных имен), если иное не предусмотрено законодательными актами, права на администрирование домена могут быть переданы владельцем домена иному лицу, в том числе на осно-

вании решения суда; сведения об изменении владельца домена могут быть внесены в базу данных также на основании решения суда.

Указанная мера используется правообладателями для защиты исключительных прав на средства индивидуализации. В качестве примера приведем материалы судебной практики по делу №1ИГИП2162) [2].

Судебная коллегия по делам интеллектуальной собственности рассмотрела гражданское дело о №1ИГИП2162 по иску ООО «А» к гражданину П. о пресечении действий, нарушающих исключительное право истца на знак обслуживания «AUTO-ZAKAZ». Ответчик без разрешения истца использовал сходное до степени смешения обозначение autozakaz в доменном имени ...by на сайте в сети Интернет, а также на страницах связанных с ним аккаунтов в социальных сетях в отношении услуг, однородных с теми, для которых был зарегистрирован знак обслуживания «AUTO-ZAKAZ» [2].

В исковых требованиях были заявлены следующие притязания: запретить П. использовать обозначение autozakaz в доменном имени autozakaz.by на сайте в сети Интернет, передать ему (истцу) права на администрирование домена autozakaz.by, обязать ООО «Н» (регистратора домена – юридическое лицо Республики Беларусь, осуществляющее регистрацию доменных имен в национальной доменной зоне и участвующее в формировании базы данных) внести сведения об изменении владельца домена autozakaz.by в централизованную базу данных о доменных именах, зарегистрированных в национальной доменной зоне [2]. В результате суд пришел к выводу о том, что требования истца обоснованы и удовлетворил их в полном объеме.

Комментируя вышеприведенный пример, подчеркнем следующее. Наличие в законодательстве вышеуказанных правовых норм – п. 41 и п. 43 Инструкции о порядке регистрации доменных имен в национальной доменной зоне, утвержденной Приказом ОАЦ о регистрации доменных имен, – позволяющих обладателю исключительного права на средство индивидуализации требовать в судебном порядке передачи ему права на администрирование домена, следует признать значимым шагом в направлении совершенствования правового регулирования в данной сфере. Однако защита прав на средства индивидуализации от незаконного использования осуществляется способами, предусмотренными ст. 11 и ст. 989 ГК, ст. 29 Закона Республики Беларусь от 5 февраля 1993 г.

№ 2181-XII «О товарных знаках и знаках обслуживания» (далее – Закон о товарных знаках) (см.: п. 10 Постановления Пленума от 28 сентября 2005 г. № 9 «О некоторых вопросах применения законодательства при рассмотрении гражданских дел, связанных с защитой права на товарный знак и знак обслуживания»), а также ст. 21 Закона Республики Беларусь от 17 июля 2002 г. № 127-З «О географических указаниях» (далее – Закон о географических указаниях).

В указанных законодательных актах, которые выше по юридической силе, чем Приказ ОАЦ о регистрации доменных имен, нет упоминания о таком способе защиты как передача права на администрирование домена правообладателю. По нашему мнению, такое положение вещей не вполне согласуется с принципом системности и комплексности правового регулирования общественных отношений (ст. 6 Закона Республики Беларусь от 17 июля 2018 г. № 130-З «О нормативных правовых актах»), который обязателен к соблюдению при проектировании текстов нормативных правовых актов в Республике Беларусь. Что означает этот принцип?

«В силу системности права, – отмечал В.С. Нерсисянц, – все вновь устанавливаемые нормы должны быть надлежащим образом согласованы со всей действующей системой норм, чтобы занять в этой системе свое особое место и осуществлять соответствующую регулятивно-правовую функцию» [3, с. 421]. По мнению А.Н. Пугачёва, «системность правового регулирования, вероятно, должна искоренить существующую “зарегулированность” общественных отношений, выражающуюся в принятии нормативных правовых актов, которые часто не согласуются с принятыми ранее, <...> вступают с ними в противоречия, что, в свою очередь, ведет к постоянному внесению изменений и дополнений в них, дестабилизирует правовую систему» [4, с. 34-35]. Об этом же пишет П.В. Соловьев [5, с. 130-131].

На наш взгляд, рассматриваемый способ защиты исключительного права является довольно радикальной мерой, поскольку способен повлечь для правонарушителя неблагоприятные последствия в виде лишения права администрировать домен (владеть доменом). По сути, речь идет об «отобрании» домена и передаче права его администрирования его другому лицу. Здесь уместно обратиться к доктринальным положениям о разделении всех способов защиты на меры защиты и меры ответственности [6, с. 124-128]. Не вдаваясь в подробности научного спора о критериях такого разделения, отметим, что одним из них считается «наличие внеэквивалентных

имущественных лишений, характерных для гражданско-правовой ответственности» [7, с. 20]. Так, по мнению Д.Н. Кархалева, «меры ответственности всегда сопряжены с лишением денег, вещей, ценных бумаг, иного имущества; в качестве примеров этого упоминаются уплата неустойки, конфискация, выселение и др.» [7, с. 20].

Нечто похожее на конфискацию имеет место и в рассматриваемом нами случае, с той лишь разницей, что объект конфискации обращается в доход государства, а «отобранный» домен передается в пользование потерпевшему от нарушения исключительных прав. И поскольку это так, ситуация, при которой такая мера ответственности предусмотрена на уровне акта законодательства, но не законодательных актов (актов большей юридической силы), является неприемлемой. Устранить этот недостаток в правовом регулировании тем более важно, поскольку, как уже было отмечено, способы защиты исключительных прав на средства индивидуализации предусмотрены ст. 11 (общие способы защиты прав) и ст. 989 ГК Республики Беларусь (способы защиты исключительных прав на все объекты промышленной собственности), а также ст. 29 Закона о товарных знаках и ст. 21 Закона о географических указаниях. Следовательно, именно в нормах указанных законов, посвященных защите прав на средства индивидуализации, и должен найти закрепление такой дополнительный способ защиты исключительных прав как право требовать исключения домена, в котором средство индивидуализации используется незаконно, из реестра доменных имен и (или) передачи права на администрирование домена правообладателю средства индивидуализации.

Список использованных источников

1. Решение Верховного Суда Республики Беларусь от 15 декабря 2008 г. // Верховный Суд Республики Беларусь : [сайт]. – Минск, 2003–2024. – URL: https://court.gov.by/special/ru/justice_rb/practice/intell/tm/d4bb35a60acf59a3.html (дата обращения: 10.04.2024).
2. Решение Верховного Суда Республики Беларусь от 7 июля 2021 г. № 1ИГИП2162 // Верховный Суд Республики Беларусь. : [сайт]. – Минск, 2003–2024. – URL: https://court.gov.by/ru/justice_rb/practice/intell/tm/11d15893852b4aff.html (дата обращения: 10.04.2024).
3. Нерсисянц, В. С. Общая теория права и государства : учебник / В. С. Нерсисянц. – М. : Норма : ИНФРА-М, 2012. – 547 с.
4. Пугачев, А. Н. Правотворческий процесс : учебно-методический комплекс / А. Н. Пугачев. – Новополоцк : ПГУ, 2010. – 388 с.

5. Соловьев, П. В. Системность, комплексность и стабильность в нормотворческой деятельности / П. В. Соловьев // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия D, Экономические и юридические науки. – 2013. – № 14. – С. 130-131.
6. Сатина, Э. А. Соотношение мер ответственности и мер защиты в гражданском праве России / Э. А. Сатина, Н. А. Иванова // Правовая политика и правовая жизнь. – 2018. – № 3. – С. 124-128.
7. Кархалев, Д. Н. Соотношение мер защиты и мер ответственности в гражданском праве России : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Д. Н. Кархалев ; Ур. гос. юрид. акад. – Екатеринбург, 2003. – 22 с.

ПРИНУДИТЕЛЬНОЕ ЛИЦЕНЗИРОВАНИЕ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ И НА МЕЖДУНАРОДНОМ УРОВНЕ: АНАЛИЗ ПРОБЛЕМАТИКИ

Р.А. Короленко

студент 2 курса факультета международных отношений
Белорусского государственного университета
korolenkooroman@gmail.com

Аннотация. В изменяющихся условиях современного мира осознание необходимости доступа к современным технологиям сложно переоценить. Данная статья рассматривает процедуру принудительного лицензирования в Республике Беларусь сквозь призму международных документов по теме и практики зарубежных стран. Помимо этого, кратко рассмотрен вопрос имплементации принудительного лицензирования в правовой системе ЕАЭС. В результате был сделан вывод о необходимости совершенствования как международных стандартов, в частности, в вопросе прояснения терминов, так и национального механизма, по ряду вопросов.

Ключевые слова: принудительное лицензирование; Парижское соглашение; Соглашение ТРИПС; основания принудительного лицензирования; патентное право.

Abstract. In the changing conditions of the modern world, the awareness of the need for access to modern technologies is difficult to overestimate. This article examines the procedure for compulsory licensing in the Republic of Belarus through the prism of international documents on the topic and the practice of foreign countries. In addition, the issue of implementing compulsory licensing in the legal system of the EAEU is briefly considered. As a result, a conclusion was made on the need to improve both international standards, in particular, in the matter of clarifying terms, and the national mechanism on a number of issues.

Keywords: compulsory licensing; Paris Agreement; TRIPS Agreement; grounds for compulsory licensing; patent law.

Патентное право является одним из самых стабильных институтов с укоренившимся представлением о процедурах, объектах и т.п. Однако развивающаяся действительность приводит к возникновению новых объектов и общественных отношений, потенциально подпадающих под регуляции патентного права. Помимо этого, активное межгосударственное сотрудничество по вопросам патентования на региональном уровне (классические примеры – Европейская патентная организация и Евразийская патентная организация), а также на международном уровне (в рамках действия Договора о патентной кооперации 1970 г.) приводит к интенсификации гармонизации различных национальных законодательств. В данном

контексте особенно важно осознание корреляции между национальным законодательством и международным, дабы было возможно адекватное глобальным стандартам развитие национального законодательства.

Также важно отметить, что в современной геополитической обстановке Республике Беларусь крайне сложно получать доступ к значительной части патентов так называемого «коллективного Запада». Следовательно, в целях эффективного промышленного развития, релевантно введение различных способов ограничения исключительных прав патентообладателя. Релевантность данной мысли подтверждается недавними действиями законодателя, который внёс поправки в Закон Республики Беларусь «О патентах на изобретения, полезные модели, промышленные образцы», нацеленные на введение субинститута принудительного лицензирования в административную сферу. Актуальным видится рассмотрение соотношения национальных положений о принудительном лицензировании с международными договорами.

Итак, в первую очередь стоит отметить, что впервые регулирование отношений принудительного лицензирования было предложено в ст. 5А Парижского соглашения по охране промышленной собственности от 1883 года. П. 2 данной статьи вводит общее и крайне диспозитивное правило, уполномочивающие государства «принять законодательные меры, ..., для предотвращения злоупотреблений, которые могут возникнуть в результате осуществления исключительного права». В качестве примера приведено неиспользование изобретения, однако лишь одного примера – с нормативной точки зрения Парижское соглашение не ограничивает круг оснований выдачи принудительных лицензий. Поэтому в практике различных государств сформировались различные основания для применения принудительных лицензий. Самые популярные из них: «неисполнение или недостаточное использование изобретения», «отказ в предоставлении лицензии на разумных условиях», «зависимые патенты», «общественное здравоохранение», «национальная безопасность», «антиконкурентные действия и/или недобросовестная конкуренция», «чрезвычайные положения». Помимо этого, существует ещё и группа иных, специфических для конкретных правопорядков оснований выдачи принудительной лицензии [1, с. 7]. Стоит отметить, что в Республике Беларусь предусмотрены следующие основания:

- неиспользование или недостаточное использование патентообладателем своего изобретения;
- патент на зависимое изобретение, если патентообладатель не может использовать своё изобретение, полезную модель, на которую он имеет исключительное право без нарушения исключительного права иного патентообладателя;
- в целях обеспечения национальной безопасности, обороны государства, охраны и защиты жизни и здоровья людей.

Данные основания не слишком выбиваются из практики других государств и соответствуют установленному Парижским соглашением стандарту. Важно отметить, что долго время срок, по истечении которого возможно предоставление принудительной лицензии, устанавливался белорусским законом на неоправданно долгие пять лет, однако одной из недавних редакций этот срок был сведён к трём годам, что отражает приведённую п. 4 ст. 5А Парижской конвенции норму. Однако нельзя сказать, что белорусский закон во всём следует Парижской конвенции. В частности, в нём отсутствует какая-либо реализация лишения права на патент, что, пусть и используется нечасто, однако является важным инструментом предотвращения особо серьёзных злоупотреблений исключительными правами.

Гораздо более подробные положения о принудительном лицензировании содержит Соглашение ТРИПС, а точнее его статья 31. В ней отражается подробный перечень требований, которое должно соблюдать любое государство, имплементирующее механизм ограничения исключительных прав на патент. Стоит отметить, что белорусский субинститут принудительного лицензирования соответствует некоторым отражённым критериям: неисключительности использования, отсутствия возможности получить разрешение на разумных коммерческих условиях, обязательной выплаты вознаграждения правообладателю. Однако большинство критериев всё же ещё только предстоит имплементировать.

Помимо указанного, релевантно отметить некоторые проблемы, стоящие перед механизмом принудительного лицензирования. В первую очередь, и на национальном, и на международном уровне идёт доктринальная полемика об объёме понятия «недостаточное использование». Судебная практика не выработала конкретных критериев недостаточности, поэтому единственное, что мы имеем – это международную практику. Так, толкова-

ние Соглашения «О пересмотре Бангийского соглашения о создании Африканской организации интеллектуальной собственности» 1999 г. демонстрирует, что недостаточным использованием можно признать использование, которое серьёзно ограничивает удовлетворение потребностей страны. Данное определение не лишено своих несовершенств (например, непонятен объём слова «серьёзно»), однако является одним из немногих примеров прояснения статуса «недостаточного использования».

Кроме этого, сложной теоретической проблемой можно считать природу принудительного лицензирования. Мнение учёных поделено на два лагеря: сторонники того, что принудительное лицензирование – это лицензионный договор, заключаемый в обязательном порядке, и апологеты того, что принудительное лицензирование – это индивидуальное ограничение исключительного права. Обе стороны имеют свои основания: первая интерпретирует комментарии к Соглашению ТРИПС, вторая подчёркивает важность национального законодательного подхода. Однако, учитывая то, что Беларусь не является стороной Соглашения ТРИПС, более логичным выглядит второй подход [2, с. 2].

Помимо всего и в силу активных интеграционных процессов на уровне ЕАЭС, необходимо отметить вопрос принудительных лицензий на уровне этой структуры. Регулирование носит бланкетный характер, отсылающий к правилам, установленным Парижской конвенцией, что тяжело квалифицировать как подробное регулирование, в силу подчёркнутой генеральности норм указанной конвенции. Тем не менее, на уровне ЕАЭС регулируется вопрос о разрешении споров в связи с выдачей принудительных лицензий, хотя данное регулирование также весьма отсылочно: оно передаёт разрешение спора судам или иным компетентным органам государства, на территории которых была выдана принудительная лицензия. Норма носит коллизионный характер, определяя местом разрешения спора государство выдачи принудительной лицензии, а, не предоставляя механизм разрешения спора или определяя конкретный орган, правомочный урегулировать противоречие.

Важным вопросом для обсуждения в контексте принудительного лицензирования можно признать вышеупомянутое введение принудительного лицензирования в сферу административного регулирования. Тенденция однозначно позитивная, однако, не лишённая своих минусов, в первую очередь, касающихся оснований. Предложенные в законе основания до-

вольно узки, а, следовательно, применение принудительных лицензий будет возможно по большей части в сфере здравоохранения или обороны. Весь же потенциал принудительного лицензирования остаётся не раскрытым, тормозя тем самым общественный прогресс. Главный плюс – большая эффективность административных процедур по сравнению с судебными. Помимо этого, интересно сделать ремарку, что принудительное лицензирование, осуществляемое Советом Министров, может осуществляться и без передачи вознаграждения правообладателю. К аналогичному заключению можно прийти и толкуя Соглашение ТРИПС, п. h ст. 31, где определяется, что выплата правообладателю производится с учётом обстоятельств. Белорусский закон пошёл по этом пути, признавая, что выплата вознаграждения может быть невозможна по причинам, не зависящим от лица, которому предоставлена принудительная лицензия.

Исходя из сказанного, стоит отметить, что принудительное лицензирование в Республике Беларусь реализовано в обход раскрытия полного потенциала данного механизма. При этом, стандарты международных договоров Беларуси отражены на неплохом, пусть и не полноценном, уровне. Видится релевантным расширение списка оснований предоставления принудительных лицензий, например, включение такого основания как «общественные интересы», которое может позволить применять данный механизм во всех сферах жизни общества, а также частично реализовать положение государственной Стратегии в области права интеллектуальной собственности об упрощении процедуры принудительного лицензирования.

Список использованных источников

1. Ограничения и исключения из патентных прав: принудительные лицензии и/или использование государством (часть I) // WIPO. – URL: https://www.wipo.int/edocs/mdocs/scp/ru/scp_21/scp_21_4_rev.pdf (дата обращения: 20.04.2024).
2. Лосев, С. С. Актуальные проблемы применения принудительных лицензий в патентном праве Республики Беларусь / С. С. Лосев // Правовое регулирование осуществления и защиты прав физических и юридических лиц : материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвященной 90-летию профессора В. Ф. Чигира (Минск, 4-5 ноября 2014 г.). – Минск, 2014. – С.160.

К ВОПРОСУ ОБ ИСКУССТВЕННОМ ИНТЕЛЛЕКТЕ В АВТОРСКОМ ПРАВЕ

Д.А. Куршук

студент 3 курса юридического факультета БИП Университета права
и социально-информационных технологий
d.a.terminator@mail.ru

Аннотация. В статье проведён анализ правоотношений, складывающихся в процессе использования автором технологии искусственного интеллекта. Определён круг субъектов, претендующих на авторско-правовую охрану при создании объектов авторского права при помощи искусственного интеллекта. Затронут вопрос правовой природы результатов интеллектуальной деятельности, созданных искусственным интеллектом. Статья содержит предложения по совершенствованию законодательства Республики Беларусь и Российской Федерации в сфере авторского права.

Ключевые слова: искусственный интеллект, авторское право; судебная практика; законодательство; объекты авторского права; субъекты авторского права; творчество; интеллектуальная деятельность.

Abstract. The article analyzes the legal relations that arise in the process of the author's use of artificial intelligence technology. The range of entities claiming copyright protection when using artificial intelligence to create an object has been determined. The issue of the legal nature of the results of intellectual activity created by artificial intelligence is raised. The article contains proposals for improving the legislation of copyright law of the Republic of Belarus and the Russian Federation.

Keywords: Artificial Intelligence; copyright law; judicial practice; legislation; copyright law objects; copyright law subjects; creativity; intellectual activity.

Актуальность темы обусловлена, сложившейся практикой повсеместной замены интеллекта человека на искусственный. В связи с этим возникли сложности в доказывании значимости авторского вклада в конечный результат интеллектуальной деятельности [1;2]. Возникает потребность в определении субъекта авторского права при использовании ИИ и правовой природы результата такой деятельности.

Рассматривая данную тему, уместно дать определение искусственному интеллекту и нейронной сети, описать механизм их работы. Искусственный интеллект — свойство искусственных вычислительно-интеллектуальных систем выполнять задачи, традиционно считающиеся прерогативой человека, в первую очередь творческого характера. Нейронная сеть — это метод в искусственном интеллекте, который учит компьютеры обрабатывать

данные таким же способом, как и человеческий мозг [3, с.94]. По сути, это вычислительная модель, реализованная в виде компьютерной программы и решающая чётко поставленную задачу. Сам процесс решения задачи состоит из трёх этапов: ввод исходных данных пользователем; анализ данных; вывод результата.

Необходимо определить, что авторско-правовые отношения – любые отношения, связанные 1) с объектом авторского права и, одновременно, 2) с реализацией автором или иным обладателем авторских и связанных с ними прав своих правомочий [5, с.91], где субъект – носитель предметно-практической деятельности и познания, отдельный человек или группа; источник активности, направленной на объект [5, с.91]. Предполагаем, что на практике использование ИИ возможно тремя субъектами права – пользователем, заказчиком и создателем (владельцем) ИИ. Ниже будут рассмотрены субъекты заказчик и создатель (владелец) ИИ.

Говоря о правах заказчика на результат деятельности при работе с искусственным интеллектом, уместно воспользоваться правилом из статьи 46 Закона Республики Беларусь «Об авторском праве и смежных правах»: «По договору о создании и использовании объекта авторского права или смежных прав автор (исполнитель) принимает на себя обязательство создать в предусмотренный договором срок произведение (исполнение), соответствующее требованиям заказчика, и передать заказчику исключительное право на это произведение (исполнение) либо предоставить заказчику право его использования в пределах, установленных договором».

Что касается создателя (владельца) ИИ, то данные правоотношения не имеют правовой регламентации. Однако можно предположить, что, если иное предусмотрено договором, с которым пользователь соглашается при использовании ИИ, то права на результат от использования ИИ может принадлежать его владельцу. В ином же случае владелец ИИ права на результаты от деятельности с использованием ИИ иметь не будет.

В определении субъекта авторского права при использовании ИИ, в науке выделяют три подхода: автор – физическое лицо, автор – ИИ; соавторство человека и ИИ [9; 6, с. 244].

При первом подходе автор – физическое лицо, творческим трудом которого создано произведение, при этом ИИ рассматривается как инструмент творчества – интеллектуальной деятельности, результатом которой является создание новых, оригинальных и более совершенных материальных и духовных ценностей, обладающих объективной или субъективной значимостью [8, с.89].

Однако судебная практика окружного суда США по округу Колумбия от 18.08.2023 по гражданскому делу № 22-1564 явилась примером отказа человеку в признании авторства на объект, созданный при помощи ИИ. В частности, из определения суда: «...объект должен быть создан человеком без использования ИИ...» [1]. Аналогичное решение было принято наблюдательным советом бюро по авторскому праву США от 05.09.2023 по авторству на изображение «Théâtre D'opéra Spatial» [2], в котором лицо, претендующее на право авторства, внесло в изображение, сгенерированное ИИ, более 614 правок.

Исключительно физическим лицом может быть автор и в соответствии со статьёй 4 Закона Республики Беларусь «Об авторском праве и смежных правах» (далее – Закон), а также статьи 1257 Гражданского Кодекса Российской Федерации.

Содержание правоотношения представлено правами и обязанностями субъекта, возможностью их осуществлять. ИИ в силу своей природы самостоятельно не может иметь права и обязанности или их реализовывать, в связи с чем, на наш взгляд, его нельзя признать субъектом авторского права. По действующему законодательству, в частности по п.3 ст. 9 Закона соавторство физического лица и ИИ также невозможно. Таким образом субъектом авторского права при использовании ИИ может являться исключительно физическое лицо.

Для определения правовой природы результата деятельности ИИ, нужно отметить, что «...творческий труд автора предполагает интеллектуальную деятельность...» [4, с. 43]. Интеллектуальная деятельность при работе с ИИ заключается в следующем: автор формулирует запрос (путём описания пространства, объектов, стиля и т.п.), имея представление об итоговом результате. ИИ при этом является лишь инструментом воплощения задумки автора в заранее определённой автором форме.

Разумно предположить, что принадлежность права авторства на сгенерированный искусственным интеллектом объект можно определять исходя из направленности интеллектуальной деятельности. Так, при создании при помощи ИИ объекта по заданию, автор – физическое лицо.

Если же создание объекта не предполагало значительной интеллектуальной деятельности человека, и он не имел представления (даже в общем виде) о конечном результате, его нельзя признать автором, целесообразно признать такой результат достоянием общественности. В действующем законодательстве отсутствует данное условие для перехода объекта в об-

щественное достояние. В связи с чем, предлагается внести в статью 21 Закона пункт 3 следующего содержания: «результаты интеллектуальной деятельности, созданные искусственным интеллектом без значительной доли участия пользователя, переходят в общественное достояние. При этом должны соблюдаться права правообладателя ИИ».

Кроме того, Верховный Суд Российской Федерации в Постановлении Пленума от 23 апреля 2019 г. №10 выразил свою позицию касательно творческого характера произведения: творческий характер создания произведения не зависит от того, создано произведение автором собственноручно или с использованием технических средств. Вместе с тем результаты, созданные с помощью технических средств в отсутствие творческого характера деятельности человека, объектами авторского права не являются.

Дать количественную оценку творческой деятельности при работе с ИИ на данный момент не представляется возможным, и зависеть она будет от параметров, заданных создателем ИИ, пользователем.

В противовес данному тезису некоторые авторы полагают: «создание объектов авторского права искусственным интеллектом лишено критерия творческого вклада, поскольку работа искусственного интеллекта носит не творческий, а исключительно механический характер: он создаёт не самостоятельное произведение, а комбинирует, соединяет в определённой последовательности уже ранее созданные другими авторами произведения» [7, с. 334-335].

В законодательстве Республики Беларусь в сфере авторского права результаты интеллектуальной деятельности, созданные ИИ, не отнесены к объектам авторского права и отсутствуют как таковые.

В связи с этим предлагается дополнить пункт 3 статьи 993 Гражданского Кодекса Республики Беларусь подпунктом 3 следующего содержания «результаты интеллектуальной деятельности, созданные искусственным интеллектом».

Впрочем, существует проблема отсутствия повсеместного правового регламентирования использования искусственного интеллекта. Стоит отметить, присутствует редкая практика регламентирования использования интеллекта как на интернациональном уровне (Резолюция Европарламента № 2020/2015), так и национальном уровне (план развития нового поколения искусственного интеллекта в КНР до 2030 года).

Список использованных источников

1. United States district court for the district of Columbia. - URL: <https://inlnk.ru/vox3YP> (дата обращения : 26.04.2024).
2. Théâtre D'opéra Spatial Review Board Decision Letter: Определение наблюдательного совета бюро по авторскому праву США, 05 сентября 2023 г., SR # 1-11743923581. - URL: <https://inlnk.ru/jEj8DL> (дата обращения : 20.04.2024).
3. Бекназаров, С. Б. Нейронная сеть / С. Б. Бекназаров // Символ науки. – 2023. – № 4. – С. 94-95.
4. Попова, И. В. Критерий творчества в понятии произведения науки, литературы и искусства / И. В. Попова // Промышленно-торговое право. – 2011. – № 2. – С. 43-49.
5. Максуров, А. А. Структуры авторского правоотношения как следствие содержания его понятия / А. А. Максуров // Правовая защита интеллектуальной собственности: проблемы теории и практики : сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф., Новополюцк, 28 мая 2021 г. / редкол.: В. А. Богоненко (отв. ред.) [и др.]. – Новополюцк, 2021. – С. 90-94.
6. Мартыанова, Е. Ю. К вопросу об определении субъекта авторства в отношении произведений, созданных искусственным интеллектом / Е. Ю. Мартыанова // Пермский юридический альманах. – 2019. – № 2. – С. 241-256.
7. Мачанов, Д. Н. Критерии творческой деятельности или вклада объектов авторского права, созданных искусственным интеллектом / Д. Н. Мачанов // Образование и право. – 2020. – № 2. – С. 333-335.
8. Тагариев, Р. З. Творчество как компонент готовности будущих педагогов в применении современных педагогических технологий / Р. З. Тагариев, А. А. Андреева, И. А. Белявская // Фундаментальные исследования. – 2005. – № 3. – С. 89-91.
9. Jha, Murari Exploring Copyright Law: AI as Authors and the Moral & Beneficiary Rights of AI-Generated Output // Murari Jha // LinkedIN . – URL: <https://inlnk.ru/YAzo2K> (дата обращения: 21.04.2024).

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ СЕКРЕТЫ И ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ: ЗНАЧЕНИЕ РАЗГРАНИЧЕНИЯ

Д.Д. Ландо

кандидат юридических наук, доцент, начальник юридического отдела,
Общество с дополнительной ответственностью «ЛЕКСПАТЕНТ»,
пр. Независимости, 56-302, 220005 Минск, Республика Беларусь,
доцент кафедры гражданского права и процесса и международного частного права,
Юридический институт, Российский университет дружбы народов
им. Патриса Лумумбы, ул. Миклухо-Маклая, 6, 117198 Москва, Российская Федерация
lando_dd@pfur.ru

Аннотация. Принятие Закона Республики Беларусь от 13 ноября 2023 г. «Об изменении кодексов» актуализировало вопросы определения условий предоставления охраны секретам производства (ноу-хау). В статье рассматривается вопрос о соотношении норм об использовании государственных секретов и охране секретов производства (ноу-хау). Определены ключевые отличия государственных секретов и секретов производства (ноу-хау). Обоснована невозможность признания государственных секретов разновидностью секретов производства (ноу-хау). Сделан вывод об отсутствии рисков смешения рассматриваемых видов информации, распространение и (или) предоставление которой ограничено, после 19 ноября 2024 г.

Ключевые слова: государственные секреты; интеллектуальная собственность; коммерческая тайна; нераскрытая информация; секреты производства (ноу-хау).

Abstract. The adoption of the Law of the Republic of Belarus of November 13, 2023 “On Amendments to the Codes” actualized the issues of determining the conditions for granting protection to trade secrets (know-how). The article discusses the issue of correlation of norms on the use of state secrets and protection of trade secrets (know-how). The key differences between state secrets and trade secrets (know-how) are defined. The impossibility of recognizing state secrets as a type of trade secrets (know-how) is substantiated. It is concluded that there are no risks of mixing the considered types of information, the dissemination and (or) provision of which is restricted, after November 19, 2024.

Keywords: state secrets; intellectual property; commercial secrets; undisclosed information; trade secrets (know-how).

Законом Республики Беларусь от 13 ноября 2023 г. «Об изменении кодексов» раздел V «Интеллектуальная собственность» изложен в новой редакции. Сущностные изменения претерпела и ст. 1010 Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее – ГК). Во-первых, изменено определение права, возникающего у лица, правомерно обладающего сведениями, со-

ставляющими секрет производства (ноу-хау). Во-вторых, право использования указанного объекта интеллектуальной собственности поставлено в зависимость от установления в отношении сведений, составляющих секреты производства (ноу-хау), режима коммерческой тайны.

Избегая оценки предлагаемых изменений исходя из высказанных ранее предложений [1;2;3], рассмотрим проблему правовой охраны секретов производства (ноу-хау) через призму их потенциального использования для обеспечения национальной безопасности Республики Беларусь.

Условия охраны и использование объекта интеллектуальной собственности не являются тождественными категориями. Возможно поэтому у правоприменителей возник вопрос о порядке использования сведений, напоминающих секреты производства (ноу-хау), но отнесенных в установленном порядке к государственным секретам. Фактически вопрос сводился к необходимости установления режима коммерческой тайны в отношении сведений, отнесенных к государственным секретам.

Основным нормативным правовым актом, обеспечивающим правовое регулирование отношений в области коммерческой тайны, является Закон Республики Беларусь от 5 января 2013 г. «О коммерческой тайне» (далее – Закон о коммерческой тайне). Буквальное прочтение ст. 2 Закона о коммерческой тайне позволяет констатировать нераспространение действия указанного Закона на отношения, связанные с государственными секретами. Вместе с тем, при обсуждении измененной формулировки ст. 1010 ГК возник вопрос о соотношении таких видов информации, распространение и (или) предоставление которой ограничено, как секреты производства (ноу-хау) и государственные секреты. Определим ключевые отличия государственных секретов и секретов производства (ноу-хау).

Перечень сведений, которые могут быть отнесены к государственным секретам, определен в ст. 14 Закона Республики Беларусь от 19 июля 2010 г. «О государственных секретах». Особенности государственных секретов связаны, прежде всего, с их стратегическим характером. Защита государственных секретов необходима в целях обеспечения национальной безопасности Республики Беларусь. Государственные секреты не могут быть переданы третьим лицам по инициативе лица, получившего доступ к государственным секретам. У такого лица отсутствует возможность привлечения нарушителей законодательства о государственных секретах к гражданско-правовой ответственности.

Следует оговориться, что в специальной литературе высказывались и иные позиции. В частности, О.И. Яхнович на основании ст.ст. 128 и 140 ГК первоначально констатировалась возможность привлечения к гражданско-правовой ответственности субъектов служебной тайны. В силу ч. 1 ст. 16 Закона «О государственных секретах» государственные секреты подразделяются на две категории: государственную тайну (сведения, составляющие государственную тайну) и служебную тайну (сведения, составляющие служебную тайну). Вместе с тем, тот же автор путем последовательного анализа ст. 24 указанного Закона и п. 1 ст. 8 Закона Республики Беларусь от 15 июля 2010 г. «Об объектах, находящихся только в собственности государства, и видах деятельности, на осуществление которых распространяется исключительное право государства» приходит к выводу о том, что «решение государственного органа не предполагается оформлять как гражданско-правовой договор и, соответственно, вести здесь речь о гражданско-правовой ответственности в случае разглашения служебной тайны нет никаких оснований» [4].

Примеры законодательных решений иных стран свидетельствуют о том, что сама по себе цель использования сведений не позволяет разграничить государственные секреты и секреты производства (ноу-хау). Например, п. 2 ст. 1240-1 и п. 2 ст. 1471 Гражданского кодекса Российской Федерации определяют секрет производства (ноу-хау), непосредственно связанный с обеспечением обороны и безопасности. Такими объектами признаются секреты производства (ноу-хау), полученные в рамках государственных программ или при выполнении государственного оборонного заказа, осуществление которых обеспечивают федеральные органы исполнительной власти, уполномоченные в области обороны, обеспечения безопасности, внешней разведки, в сфере государственной охраны, внутренних дел, деятельности войск национальной гвардии Российской Федерации, оборота оружия, частной охранной деятельности и вневедомственной охраны, либо являющиеся собственными разработками указанных федеральных органов исполнительной власти или подведомственных им государственных учреждений, созданными за счет субсидий или средств соответствующего бюджета на основании бюджетной сметы. Это могут быть, в частности, сведения, содержащиеся в конструкторской и (или) технической документации. Отличительной особенностью таких ноу-хау является то, что направление сведений для учета в Реестре результатов интеллектуальной деятель-

ности, непосредственно связанных с обеспечением обороны и безопасности, обмен такими сведениями между государственными заказчиками, предоставление таких сведений исполнителям государственных контрактов при условии обеспечения требований конфиденциальности не признаются утратой конфиденциальности сведений, составляющих содержание охраняемого секрета производства, непосредственно связанного с обеспечением обороны и безопасности, и не являются основаниями для прекращения его правовой охраны.

В отличие от защиты государственных секретов правовая охрана секретов производства (ноу-хау) не представляется возможным без определения владельцем секретов производства (ноу-хау) объекта охраны. Именно владелец указанного объекта права промышленной собственности осуществляет субъективную оценку коммерческой ценности секретов производства (ноу-хау).

В силу ст. 5 Закона о коммерческой тайне режим коммерческой тайны может устанавливаться в отношении сведений, которые одновременно соответствуют следующим требованиям:

- не являются общеизвестными или легкодоступными третьим лицам в тех кругах, которые обычно имеют дело с подобного рода сведениями;
- имеют коммерческую ценность для их обладателя в силу неизвестности третьим лицам;
- не являются объектами исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности;
- не отнесены в установленном порядке к государственным секретам.

Сведения имеют коммерческую ценность в случае, если обладание ими позволяет лицу при существующих или возможных обстоятельствах увеличить доходы, сократить расходы, сохранить положение на рынке товаров, работ или услуг либо получить иную коммерческую выгоду.

Основная цель владельца секретов производства (ноу-хау) – это извлечение прибыли. При этом извлечение прибыли возможно как за счет получения конкурентных преимуществ собственного производства, так и путем возмездной передачи сведений, составляющих ноу-хау, третьим лицам.

С учетом вышеизложенного мы полагаем, что основания для признания государственных секретов разновидностью секретов производства

(ноу-хау) отсутствуют. Установление режима коммерческой тайны для использования государственных секретов не представляется возможным, поскольку такое установление противоречит их природе.

Список использованных источников

1. Ландо, Д. Д. Правовая охрана ноу-хау как элемент трансформации цифровой экономики Республики Беларусь / Д. Д. Ландо // Журнал Белорусского государственного университета. Право. – 2021. – № 3. – С. 14–22.
2. Ландо, Д. Принятие секретов производства (ноу-хау) к бухгалтерскому учету: правовой и экономический аспекты / Д. Ландо, Е. Боровская // Наука и инновации. – 2024. – № 5. – С. 11–14.
3. Ландо, Д. Д. Роль судебной практики в регулировании отношений по созданию и использованию объектов интеллектуальной собственности в Республике Беларусь и Российской Федерации / Д. Д. Ландо, Н. В. Бузова // Роль суда в регулировании экономической деятельности : сборник статей / сост.: Н. В. Бузова, А. В. Ефимов, А. Е. Кирпичев [и др.]. — М. : РУ-САЙНС, 2024. — Ч. 2. - С. 24.
4. Яхнович, О. И. Ответственность субъектов правоотношений, складывающихся по поводу служебной тайны // іlex : информ. правовая система (дата обращения: 23.04.2024).

К ВОПРОСУ О СОВРЕМЕННЫХ ТРЕНДАХ МЕЖДУНАРОДНОЙ НОРМАТИВНО-ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ ОСНОВЫ ОХРАНЫ И УПРАВЛЕНИЯ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТЬЮ

Е.Б. Леанович

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры международного права
факультета международных отношений
Белорусского государственного университета
leanovich@bsu.by

Аннотация. В статье выделены основные тенденции совершенствования международной нормативной и институциональной основы регулирования отношений интеллектуальной собственности. Показаны наиболее актуальные вызовы современности, решаемые в рамках ВОИС при формировании экосистемы интеллектуальной собственности. Выводы сформулированы с проекцией на развитие правоотношений интеллектуальной собственности в Республике Беларусь.

Ключевые слова: интеллектуальная собственность; международное право интеллектуальной собственности; экосистема интеллектуальной собственности; ВОИС; цифровизация; стейкхолдеры; искусственный интеллект.

Abstract. The article highlights the main trends in improving the international regulatory and institutional framework for regulating intellectual property relations. The most pressing challenges of our time are shown, which are being addressed within the framework of WIPO in the formation of the intellectual property ecosystem. The conclusions are formulated with a projection on the development of legal relations of intellectual property in the Republic of Belarus

Keywords: intellectual property; international intellectual property law; ecosystem of intellectual property; WIPO; digitalization; stakeholders; artificial intelligence.

Международно-правовые основы решения проблемы охраны и защиты интеллектуальной собственности получили значительное развитие. Сформировано обширное по составу источников международное право интеллектуальной собственности. Насчитывается большое количество международных универсальных и региональных соглашений, которые закрепляют единообразное понимание базовых стандартов национально-правового регулирования в области интеллектуальной собственности и обеспечивают функционирование международной регистрации наиболее часто коммерциализируемых объектов промышленной собственности.

Современный этап характеризуется совершенствованием целостной системы, в которой все компоненты, обеспечивающие создание и использование объектов интеллектуальной собственности, действуют согласованно

и обеспечивают прогресс в деле инновационного развития и достижения целей устойчивого развития общества. В последние годы в доктрине и практике интеллектуальной собственности все большее распространение получает термин «экосистема интеллектуальной собственности» («ecosystem of intellectual property»).

По аналогии с терминологией биологии в юриспруденции и других общественных науках феномен экосистемы призван подчеркнуть взаимовыгодное сосуществование разрозненных компонентов, включая субъектов и среду, в которой складываются отношения между ними. Экосистема формируется для обеспечения баланса интересов всех стейкхолдеров, сглаживает противоречия между ними и обеспечивает успешное развитие для всеобщего блага.

Основной предпосылкой появления и развития дискурса об экосистеме интеллектуальной собственности является цифровизация, использование виртуальных каналов и площадок для коммуникации и обработки данных в процесс получения охраны и осуществления мероприятий по управлению интеллектуальной собственностью. Соответствующая повестка получила существенное развитие в рамках ВОИС. В первую очередь это связано с цифровизацией международных систем регистрации и классификаций промышленной собственности, а также с обеспечением работы ряда цифровых площадок и ресурсов ВОИС по широкому кругу вопросов интеллектуальной собственности.

Вместе с тем в литературе подчеркивается, что технократический подход, выдвигающий на первый план «функции системного интерфейса», является слишком узким взглядом на проблему, поскольку не учитывает в должной степени связи «с властными структурами, бизнес-сообществами, другими организациями и гражданами, которые, следуя своим сложным и противоречивым интересам, влияют на поведение как поставщиков, так и потребителей экосистемной продукции, тем самым изменяя их суждения о рациональном образе существующих и перспективных экосистем» [1, с. 158].

При изучении экосистемы интеллектуальной собственности в центре внимания находится проблема инноваций и инновационной деятельности. На основе сравнительного анализа различных концепций в исследовании «The Linkage Between Intellectual Property and Innovation in the Global Innovation Ecosystem», который выполнен D. Reis, F. Moura, I. Aragão, определено, что экосистема интеллектуальной собственности,

связывается всеми авторами с инновационным развитием общества и именно это общее благо обеспечивает целостность и единство этой экосистемы [2].

Конкурентные преимущества производства новых товаров и услуг, в которых воплощаются объекты интеллектуальной собственности, основаны на монополии, обеспечиваемой исключительным правом. Выигрышная позиция правообладателя носит ограниченный характер в силу временных, территориальных и ограничений охраны. С одной стороны, это невыгодно правообладателю. С другой стороны, движущей силой социального прогресса не может быть удовлетворение только одной группы стейкхолдеров и инновационный цикл в условиях конкурентной борьбы не подразумевает как высшую ценность длительные сроки охраны, жесткие условия ограничения исключительного права и т.п. Наоборот инновационное развитие динамику новшеств и творчество, которое приводит к результатам с особыми, качественными характеристиками.

На протяжении долгого времени, по крайней мере до периода, начавшегося после вступления в силу Соглашения по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности (ТРИПС), вектор развития международной нормативной основы был направлен именно в этом направлении – на повышение уровня охраны интеллектуальной собственности. Последующие события показали, что на универсальном уровне сотрудничества по вопросам интеллектуальной собственности произошел определенное перемещение проблемы повышения стандартов охраны прав интеллектуальной собственности на второй план [3, с. 12-13].

Снятие ограничений, с которыми сталкиваются иностранные правообладатели в аспекте территориальности, решаются в контексте развития международных систем, обеспечивающих международные процедуры подачи заявок и регистрации объектов промышленной собственности. ВОИС активно использует в данном процессе цифровые технологии, включая искусственный интеллект. Развитие нормативных и институциональных основ в рамках ВОИС формирует прогрессивные установки для национальных правовых систем. В этой области ВОИС продолжает следовать тенденции последовательного развития и распространения на глобальном уровне высоких стандартов работы по регистрации, сбору и обработке патентных данных и другой информации, связанной с получением охраны по объектам промышленной собственности.

Развитие вопросов патентования по системе Договора о патентной кооперации (Союз РСТ) в условиях цифровизации в настоящее время выражено следующими предложениями по изменению Инструкции к РСТ: возможность требовать подачи международных заявок или последующих документов исключительно в электронном виде, а также обеспечение взаимодействия с заявителями и ведомствами на любом из десяти языков международной публикации, что облегчается широкими техническими возможностями перевода с использованием искусственного интеллекта [4].

Аналогичные примеры обеспечения большего удобства для заявителей в условиях цифровизации есть в отношении других регистрационных систем ВОИС. Так, в рамках Мадридской системы регистрации знаков (далее – Мадридская система) предложено использовать новые языки, включая арабский, китайский и русский; обеспечить свободный доступ к модернизированной терминологической базе товаров и услуг; наладить передачу машиночитаемых данных в рамках обмена сообщениями с национальными и региональными ведомствами [5].

Совершенствование систем, облегчающих процесс оформления прав в международном масштабе включает не только мероприятия технического характера, но и связано с пересмотром базовых начал, на которых они основаны. Рабочая группа по правовому развитию Мадридской системы ведет специальный проект (Дорожная карта), одним из пунктов которого стали предложения по изменению правил о зависимости международной регистрации от судьбы знака в стране происхождения. Международное бюро ВОИС предложило заинтересованным сторонам представить свои соображения в отношении принципа зависимости (они должны быть рассмотрены в июне 2024 г.). Предполагается, что в ст. 6 Протокола к Мадридскому соглашению период зависимости будет сокращен с 5 до 3 лет [6].

Наиболее крупным событием в развитии международной нормативной основы охраны и управления интеллектуальной собственностью текущего момента является разработка проекта нового международного договора, который призван создать нормативную и институциональную систему для предотвращения ошибочной выдачи патентов на изобретения, которые не обладают новизной или изобретательским уровнем в отношении генетических ресурсов и связанных с ними традиционных знаний (далее – Проект) [7].

Согласно положениям Проекта патентные ведомства должны запрашивать информацию об использовании в изобретениях генетических ресурсов и связанных с ними традиционных знаний – она должна быть раскрыта в патентных заявках [8]. Проект опирается на источники международного права, в которых данные вопросы уже получили освещение, например к таким источникам относится Конвенция о биологическом разнообразии (КБР) [3, с. 138]. Планируемый договор должен предоставить нормативно-институциональную рамку для соблюдения интересов государств, которым принадлежат генетические ресурсы и связанных с ними традиционные знания в экосистеме интеллектуальной собственности. Согласно ст. 7 Проекта предусмотрено создание информационных систем (баз данных) по генетическим ресурсам и связанным с ними традиционным знаниям. Коренные народы и местные общины, а также другие стейкхолдеры могут быть привлечены к процессу формирования этих информационных систем.

Сбалансированный подход и высокие шансы на эффективность выстраиваемой системы по проекту определяются системой правил о последствиях незаявления о генетических ресурсах и связанных с ними традиционных знаниях. Меры наказания в Проекте не определены и оставлены на усмотрение будущих государств-участников. Однако решена важная для инновационного развития проблема – патент, полученный с нарушениями, не аннулируется и не утрачивает силу только потому что заявитель не указал запрашиваемую информацию (ст. 6.3 Проекта). Наказания или иного решения ситуации может быть достаточно. Согласно правилам Проекта для урегулирования споров должны быть созданы специальные механизмы, что позволит всем стейкхолдерам найти взаимовыгодное и выгодное решение, а запатентованное изобретение ввести в гражданский оборот.

В Проекте ярко отразился тренд на экосистемный подход к интеллектуальной собственности. В новом договоре учитываются интересы всех стейкхолдеров, традиционные вопросы охраны и использования объектов интеллектуальной собственности (в частности правила патентной процедуры) сочетаются с развитием дополнительных институциональных механизмов: информационная поддержка (ведение баз данных), создание механизмов по урегулированию споров и, пожалуй, самое главное – четкий ориентир правового регулирования – обеспечить инновационное развитие и содействовать внедрению новшеств.

Понятия и правила инновационной деятельности получили регламентацию в законодательстве Республики Беларусь. Ориентир экосистемы интеллектуальной собственности на инновационное развитие может быть описан через положения Закона Республики Беларусь от 10 июля 2012 г. № 425-З «О государственной инновационной политике и инновационной деятельности» [9]. Соотношение интеллектуальной собственности с понятиями «новшество», «инновация», «инновационная деятельность» показывает, что повышение требований как к качеству объектов интеллектуальной собственности, так и к созданию условий для их внедрения в гражданский оборот требуют объединения в единую экосистему нормативных и институциональных механизмов. В деятельности ВОИС последних лет четко вырисовываются основные тенденции данного процесса: приоритет совершенствования регистрационных систем посредством цифровизации и расширения возможностей заявителей и пользователей; учет интересов всех стейкхолдеров и обеспечение их взаимодействия для достижения цели инновационного развития. Полагаем, что эти тенденции актуальны для Республики Беларусь в свете ориентиров четвертой Государственной программы инновационного развития на развитие национальной инновационной инфраструктуры, а также стимулирование и оказание мер государственной поддержки отечественным правообладателям при получении ими охраны за рубежом [10].

Список использованных источников

1. Ильичева, Л. Е. Анализ моделей экосистем в ракурсе социальной деполяризации в обществе / Л. Е. Ильичева, А. В. Лапин // Власть. – 2022. – № 1. – С. 157-171.
2. Reis, D. The Linkage Between Intellectual Property and Innovation in the Global Innovation Ecosystem International / D. Reis, F. Moura, I. Aragão // Journal of Innovation and Technology Management. – 2023. – Vol. 20, № 01. – URL: <https://www.worldscientific.com/doi/10.1142/S0219877023500025#:~:text=Therefore%2C%20the%20intellectual%20property%20system,innovative%20decisions%20of%20economic%20agents> (date of access: 05.05.2024).
3. Леанович, Е. Б. Права интеллектуальной собственности на мировом рынке: перспективы для Республики Беларусь / Е. Б. Леанович. – Минск : БГУ, 2018. – 183 с.
4. Предлагаемые поправки к Инструкции к РСТ: ВОИС/РСТ/А/56/2, 11 апреля 2024 г. // WIPO. – URL: https://www.wipo.int/about-wipo/en/assemblies/2024/a-65/doc_details.jsp?doc_id=629283 (дата обращения: 20.05.2024).
5. Отчет о сессии Рабочей группы по правовому развитию Мадридской системы международной регистрации знаков. Специальный союз по международной регистрации знаков: ВОИС/ ММ/А/58/1, 11 апреля 2024 г. // WIPO. – URL: https://www.wipo.int/about-wipo/en/assemblies/2024/a-65/doc_details.jsp?doc_id=629284 (дата обращения: 20.05.2024).

6. Рабочая группа по правовому развитию Мадридской системы международной регистрации знаков. Зависимость. Приглашение представить предложения о других возможных вариантах действий в отношении принципа зависимости : ВОИС/ММ/LD/WG\21\4, 04.09.2023 // WIPO. – URL: https://www.wipo.int/edocs/mdocs/madrid/ru/mm_ld_wg_21/mm_ld_wg_21_4.pdf (дата обращения: 20.05.2024).
7. Отчет Межправительственного комитета по интеллектуальной собственности, генетическим ресурсам, традиционным знаниям и фольклору (МКГР) : Генеральная Ассамблея ВОИС, Пятьдесят седьмая (31-я внеочередная) сессия, 11.04.2024 / WO/GA/57/7 // WIPO. – URL: https://www.wipo.int/about-wipo/en/assemblies/2024/a-65/doc_details.jsp?doc_id=629295 (дата обращения: 20.05.2024).
8. Основное предложение по международно-правовому документу, касающемуся интеллектуальной собственности, генетических ресурсов и традиционных знаний, связанных с генетическими ресурсами : ВОИС/ GRATK/DC/3, 14.12.2023 // WIPO. – URL: https://www.wipo.int/meetings/ru/doc_details.jsp?doc_id=625814 (дата обращения: 20.05.2024).
9. О государственной инновационной политике и инновационной деятельности : Закон Республики Беларусь 10 июля 2012 г. № 425-3 // КонсультантПлюс. Беларусь : справ. правовая система (дата обращения: 20.05.2024).
10. О Государственной программе инновационного развития Республики Беларусь на 2021–2025 годы : Указ Президента Республики Беларусь от 15 сентября 2021 г. № 348 // КонсультантПлюс. Беларусь : справ. правовая система. (дата обращения: 20.05.2024).

ОТДЕЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ АДАПТАЦИИ ОБЕСПЕЧИТЕЛЬНЫХ МЕР ПО ДЕЛАМ О НАРУШЕНИИ СУБЪЕКТИВНЫХ ПРАВ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ

А.А. Максуров

кандидат юридических наук, преподаватель,
Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова
maxurov78@ya.ru

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы правового регулирования обеспечительных мер по делам о нарушении субъективных гражданских прав в сети Интернет с учетом трансграничности такого рода нарушений. Целью работы выступает уяснение проблем адаптации существующих обеспечительных мер к данным разновидностям юридических споров. Результаты работы имеют научное значение, поскольку позволяют упорядочить знания о применении обеспечительных мер при рассмотрении трансграничных споров, а также представляют практическую значимость для участников таких споров, их представителей и судов. Данные вопросы впервые рассмотрены в литературе с точки зрения проблематики их разрешения не только судами, но и органами исполнительной власти, призванными исполнять судебные акты о мерах обеспечения исковых требований.

Ключевые слова: меры обеспечения иска; блокировка сайтов; трансграничные споры; удаление контента; запрет распространять информацию

Abstract. The article discusses the issues of legal regulation of interim measures in cases of violation of subjective civil rights on the Internet, taking into account the cross-border nature of such violations. The purpose of the work is to clarify the problems of adapting existing interim measures to these types of legal disputes. The results of the work are of scientific importance, since they allow us to streamline knowledge about the use of interim measures when considering cross-border disputes, and also represent practical significance for participants in such disputes, their representatives and courts. These issues are considered for the first time in the literature from the point of view of the problems of their resolution not only by the courts, but also by executive authorities called upon to execute judicial acts on measures to ensure claims.

Keywords: measures to secure a claim; blocking sites; cross-border disputes; removal of content; ban on disseminating information.

Научно-технический прогресс требует приведения в соответствие с ним законодательства и практики его применения, в том числе в сфере защиты субъективных гражданских прав, что в контексте настоящего исследования подразумевает необходимость эффективной адаптации обеспечительных мер для обеспечения защиты субъективных гражданских прав в сети Интернет.

Простота и масштаб обмена информацией посредством глобальной информационной сети, анонимность такого обмена, трансграничный характер самой сети, предполагающий ограниченную территориальную компетенцию государств, обуславливает то обстоятельство, что в современном мире растет число нарушений субъективных гражданских прав в сети Интернет. Специалисты в области информационной безопасности указывают на ежегодный прирост в 20-25% числа преступлений, совершенных с использованием глобальной информационной сети, а также ежегодное почти удвоение числа не уголовно-наказуемых Интернет-правонарушений [1, с. 142]. Актуальной статистики по числу нарушения гражданско-правовых договоров и причинения деликтов в сети Интернет не имеется, что связано, в числе прочего, с особенностями переработки такой информации координаторами сетей и интернет-ресурсов [2, с. 90], однако отмечается, что их количество значительно больше числа любых иных правонарушений [3, с. 4].

Указанные обстоятельства предопределяют необходимость создания механизма принятия обеспечительных мер наиболее эффективным образом с учетом возможности обхода мер ограничительного характера, а также характеристик самих допускаемых нарушений.

Среди нарушений субъективных гражданских прав чаще всего исследователи указывают на 1) нарушения в области исполнении договоров дистанционной купли-продажи, 2) нарушения прав при организации игр и пари, 3) нарушения в части оборота персональных данных, а также 4) нарушения прав на результаты интеллектуальной деятельности [4, с. 16].

В большинстве случаев проблематика обеспечительных мер по спорам, связанным с нарушением субъективных гражданских прав в сети Интернет, связана с установлением действительной личности (персонификации) правонарушителя и выражается в принятии обеспечительных мер в отношении конкретных физических и юридических лиц, что чаще всего выражается в аресте принадлежащих им денежных средств и иного имущества, либо запрете дальнейших действий, которые сторона спора рассматривает как правонарушительные [5, с. 28].

Однако в глобальной информационной сети имеются и специфические средства нарушения субъективных гражданских прав: это интернет-сайты и (реже) аккаунты в социальных сетях, основным назначением которых, в рассматриваемом нами контексте, является распространение информации.

В отношении веб-сайтов и аккаунтов возможно принятие обеспечительных мер, как из числа прямо предусмотренных процессуальным законом, так и иных обеспечительных мер, принятие которых требуется в конкретной фактической ситуации.

Пункты 2, 3 и 3.1. части 1 статьи 140 ГПК РФ предполагают такие меры по обеспечению иска как запрещение ответчику совершать определенные действия, запрещение другим лицам совершать определенные действия и возложение на ответчика и других лиц обязанности совершить определенные действия, касающиеся предмета спора о нарушении авторских и (или) смежных прав, кроме прав на фотографические произведения и произведения, полученные способами, аналогичными фотографии, в информационно-телекоммуникационных сетях, в том числе в сети «Интернет».

В силу статьи 144.1. ГПК РФ предварительные обеспечительные меры (до предъявления иска) могут быть приняты в ситуации защиты авторских и (или) смежных прав, кроме прав на фотографические произведения и произведения, полученные способами, аналогичными фотографии.

В п.2 ч.1 ст.91 АПК РФ все эти случаи объединены в запрещение ответчику и другим лицам совершать определенные действия, касающиеся предмета спора.

При этом ч.1 ст.99 АПК РФ предусматривает, что арбитражный суд по заявлению организации или гражданина вправе принять предварительные обеспечительные меры, направленные на обеспечение имущественных интересов заявителя до предъявления иска вне зависимости от категории дела.

На практике основной обеспечительной мерой является запрет, который может быть адресован непосредственно лицу, распространяющему информацию (контент) посредством веб-сайта или аккаунта в социальной сети, а также информационному посреднику (провайдеру или лицу, осуществляющему хостинг информационного ресурса) [6, с. 43]. Представляется, что такой запрет также может быть адресован и администратору того или иного сообщества в социальной сети ввиду нарушения субъективных гражданских прав членом сообщества, однако практика такого рода пока не обнаружена.

В случае с информационным посредником такой запрет может быть выражен во временном требовании надлежащих активных или пассивных действий, связанных с необходимостью ограничения распространения информации на конкретном сайте (с определенного аккаунта, в группе или

на канале), либо необходимостью воздержаться от ограничения распространения информации прямо определенным источником, а также в форме запрета на переход прав на веб-сайт или изменение установочных данных аккаунта (смену идентификационных данных, вроде номера мобильного телефона или электронной почты, спорного аккаунта), дающих право администрировать данный аккаунт (канал, группу), хотя последнее пока еще практически не встречается в рамках гражданского судопроизводства.

В ситуации, когда запрет обращен непосредственно к лицам, имеющим право администрировать веб-сайт или аккаунт в социальной сети (группу, канал), он выражается в форме технического запрета доступа любых третьих лиц к прямо определенному контенту (в частности, тем или иным страницам веб-сайта или записи в сообществе).

Во всех подобных случаях можно требовать от пользователя временного удаления той или записи (контента) определенного содержания, однако в будущем такая запись в сообществе не может быть восстановлена на ту же дату и с теми же параметрами (количеством просмотров, комментариями, реакциями, результатами социологических опросов т.п.), в то время как на веб-сайте временное ограничение доступа любых лиц к отдельным страницам возможно.

Также, в ряде соцсетей возможно блокировать лишь сообщество без блокировки аккаунта, как, например, во ВКонтакте или Телеграмм, где на один аккаунт может быть создано несколько (в том числе, и довольно много) сообществ в виде чатов, групп или же каналов. В других случаях блокировка конкретного сообщения (записи) без блокировки аккаунта затруднена или же невозможна (как, например, в случае с Твиттер или Инстаграм), поскольку аккаунт и представляет собой своего рода сообщество (единую ленту).

Таким образом, временное удаление контента может быть добровольным (когда его удаляет лицо, обладающее правами администратора в отношении веб-сайта или сообщества), или же принудительным (техническим). Техническое удаление осуществляет информационный посредник с помощью имеющихся у него технических возможностей либо уполномоченный на то государственный орган с помощью специальных средств воспрепятствования передачи информации.

Во всех случаях временному удалению подлежит лишь некий контент – информационная часть веб-сайта или запись в сообществе (группе или канале, на странице аккаунта). Даже в случае требования о запрете

доступа третьих лиц к исходной странице сайта и запрете на его поиск по наименованию – исходя из свойств доменного имени [7, с. 62], все равно остается программное обеспечение, которое имеет организационно-регистрационный характер и не может затрагивать субъективные гражданские права других лиц априори, то есть полного временного удаления самого веб-сайта или же аккаунта в случае принятия обеспечительных мер не требуется.

Подводя итоги исследованию, отметим, что необходимость адаптации обеспечительных мер по делам, связанным с нарушением отдельных субъективных гражданских прав в сети Интернет, вызвана изменением средств и способов их защиты ввиду научно-технического прогресса. Сама адаптация также во многом зависит от совершенствования технологии контроля передачи данных.

Наибольшие проблемы здесь связаны с отсутствием требуемой эффективности у механизма принятия обеспечительных мер в виде запрета на доступ к информации в сети Интернет. Основными причинами отмеченного недостатка выступают: 1) отсутствие должной степени персонификации (анонимность) нарушителя права, 2) наличие организационно-технических возможностей обхода запретов на доступ к информации и 3) нарушение прав третьих лиц при исполнении решений о принятии таких обеспечительных мер. Сопутствующей проблемой является также трансграничный характер нарушений в глобальной информационной сети.

Список использованных источников

1. Бердникова, А. Ю. Телевидение и интернет как основные источники информирования россиян / А. Ю. Бердникова // Молодой ученый. - 2019. - № 4 (242). – С. 142-143.
2. Максуров, А. А. Психологический портрет координатора: особенности переработки информации / А. А. Максуров // Международный научно-исследовательский журнал. - 2014. - № 7-1 (26). - С. 89-91.
3. Информационные ресурсы развития Российской Федерации: правовые проблемы / А. А. Антопольский, И. Л. Бачило, Г. В. Белов [и др.] ; отв. ред. И. Л. Бачило. - М. : Наука, 2020. – 230 с.
4. Полякова, Т. А. Развитие законодательства в области обеспечения информационной безопасности: тенденции и основные проблемы / Т. А. Полякова, Е. В. Акулова // Право. Журнал Высшей школы экономики. - 2015. - № 3. - С. 4–17.
5. Максуров, А. А. Обеспечение информационной безопасности в сети Интернет / А. А. Максуров. – М. : ИНФРА-М, 2023. – 356 с.
6. Андреев, Ю. Н. Судебная защита исключительных прав: цивилистические аспекты: монография / А. А. Андреев. - М. : Норма; Инфра-М, 2011. – 232 с.

7. Максуров, А. А. Доменное имя в системе объектов гражданского права / А. А. Максуров // Правовая защита интеллектуальной собственности: проблемы теории и практики : электрон. сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф., Новополоцк, 26 мая 2023 г. / редкол.: В. А. Богоненко (отв. ред.) [и др.]. – Новополоцк : Полоц. гос. ун-т им. Евфросинии Полоцкой, 2023. – С. 59–73.

ОБЪЕКТЫ ПРОМЫШЛЕННОЙ СОБСТВЕННОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ РЕАЛЬНОСТИ

К.М. Мехмонов

доктор юридических наук, профессор кафедры гражданского права
Ташкентского государственного юридического университета
qambariddin@bk.ru

Аннотация. В статье анализируются современные проблемы правового регулирования объектов промышленной собственности в контексте их значимости для инновационного и экономического развития. Особое внимание уделяется недостаткам в правовом регулировании, таких как несовершенство и фрагментарность законодательства, а также отсутствию участия Узбекистана в международных соглашениях, таких как Соглашение TRIPS. Рассматриваются исторические и текущие тенденции в регулировании промышленной собственности, включая изменения в законодательстве и новые нормативно-правовые акты, принятые в Узбекистане. Акцентируется внимание на необходимости кодификации и гармонизации национального законодательства с международными стандартами для эффективной защиты прав на интеллектуальную собственность и улучшения условий для национальных изобретателей на международной арене.

Ключевые слова: Промышленная собственность, правовое регулирование, интеллектуальная собственность, Узбекистан, Соглашение TRIPS, кодификация законодательства, патенты, международные стандарты, инновации, экономическое развитие.

Abstract. The article analyzes modern problems of legal regulation of industrial property objects in the context of their importance for innovative and economic development. Particular attention is paid to shortcomings in legal regulation, such as imperfection and fragmentation of legislation, as well as the lack of participation of Uzbekistan in international agreements, such as the TRIPS Agreement. Historical and current trends in the regulation of industrial property are considered, including changes in legislation and new regulations adopted in Uzbekistan. Emphasis is placed on the need to codify and harmonize national legislation with international standards for the effective protection of intellectual property rights and improving conditions for national inventors in the international arena.

Keywords: Industrial property, legal regulation, intellectual property, Uzbekistan, TRIPS Agreement, codification of legislation, patents, international standards, innovation, economic development.

В современном мире правовое регулирование отношений, связанных с объектами промышленной собственности, приобретает всё большее значение. Эти объекты играют ключевую роль в защите инноваций, стимулировании технологического прогресса и развитии экономики любого государ-

ства. Однако, несмотря на их важность, правовая защита объектов промышленной собственности сталкивается с рядом проблем в условиях стремительного научно-технического развития и глобализации.

Одной из главных проблем остаётся несовершенство и фрагментарность правового регулирования в различных юрисдикциях, что создаёт сложности для защиты интеллектуальных прав на международном уровне. В частности, Узбекистан до сих пор не является участником Соглашения TRIPS [1], что ограничивает возможности унификации подходов к защите промышленной собственности и затрудняет доступ узбекских изобретателей к международным рынкам. Кроме того, многие нормы законодательства, регулирующие отношения в этой сфере, нуждаются в доработке и адаптации к современным требованиям.

Эти и другие вопросы, касающиеся правового регулирования объектов промышленной собственности, требуют детального анализа и поиска оптимальных решений для их эффективного разрешения.

Основы правового регулирования отношений, связанных с объектами промышленной собственности, играют важную роль в нашей современной жизни. Ведь они защищают нововведения и инновации, стимулируют дальнейшее развитие новых технологий. Это, в свою очередь, не только обеспечивает правовую защиту научных разработок, но и позволяет изобретателям и предпринимателям получать доход от инвестиций, вложенных в научные исследования.

В условиях сегодняшнего прогресса и быстрого технологического развития существуют определённые противоречия в правовых основах. В частности, Узбекистан до сих пор не является участником Соглашения TRIPS. На повестке дня остаются актуальными вопросы унификации подходов к защите промышленной собственности, упрощения защиты прав на международном уровне и усиления сотрудничества.

Термин «право промышленной собственности» имеет стадию эволюционного развития, указывая, в какой области он применяется. Законодательство касается этих объектов не только в промышленности, но и в различных сферах жизни человека, таких как сельское хозяйство, здравоохранение, военное дело, торговля, образование и другие отрасли.

В своё время наш учитель И.Б. Закиров в учебнике «Гражданское право» (1996) и других трудах отмечал, что необходимость правовой защиты интеллектуальной собственности как отдельного объекта является важным

направлением для развития [2]. В прошлом, в период существования СССР, был принят Декрет от 30 июня 1919 года «О изобретениях» [3]. Однако до 1919 года в России продолжал действовать патентный закон. Новый декрет аннулировал все предыдущие законы, включая этот патентный закон, что прекратило защиту изобретений в рамках патентной системы. Хотя декрет не давал определения изобретения, он признавал полезные технические новинки, независимо от их новизны.

В 1924 году был принят новый регламент о патенте, согласно которому право на изобретение защищалось только на основе патента. Визуальные решения для изделий лёгкой промышленности, таких как галантерея, одежда, обувь и головные уборы, не подлежали правовой защите. Однако 8 июля 1981 года Совет Министров СССР утвердил новый Положение о промышленных образцах, которое приблизило национальные стандарты к международным и ввело более прогрессивные нормы. В частности, отныне для промышленного образца требовалась мировая новизна, а срок действия патента на промышленный образец был увеличен до 10 лет.

Прошло много лет с тех пор, и в современном мире возникли свои вызовы и тенденции развития. Конституция Республики Узбекистан в статье 53 гарантирует каждому свободу научного, технического и художественного творчества, а также право пользоваться достижениями культуры. Интеллектуальная собственность защищается законом, что означает [4], что гарантии свободы творчества поддерживают и стимулируют новшества и инновации, предоставляя всем возможность для культурного, научного и технического развития.

Законодательство в области промышленной собственности претерпело множество изменений и адаптаций к современным условиям. Защита интеллектуальной собственности на основе патентного права является важным элементом в развитии технологий и продвижении инноваций как внутри страны, так и на международном уровне.

В 1991 году 31 мая был принят закон СССР «Об изобретениях». В том же году, 30 июля, был принят закон «О промышленных образцах». Распад СССР поставил перед новыми независимыми государствами задачу самостоятельно регулировать данные вопросы.

Сегодня действующий закон регулирует не только гражданско-правовые отношения, но и некоторые административно-правовые и процессуальные вопросы. В законе также содержатся ссылки на другие законо-

дательные акты. Объём закона относительно небольшой — он состоит из 39 статей, большинство из которых включают несколько независимых положений. Абсолютное большинство норм имеют непосредственное действие. Небольшой объём закона объясняется, на наш взгляд, несколькими причинами. Прежде всего, необходим опыт для правовой защиты объектов на основе патентной системы. Некоторые страны регулируют этот вопрос не отдельным законом, а включают его в нормы гражданского кодекса (например, в 4 часть Гражданского кодекса РФ) [5].

Кроме того, создание полноценного законодательства требует времени и постепенного внедрения проверенных на практике норм. В то же время нормы, касающиеся правового статуса объектов промышленной собственности, созданных в рамках служебных обязанностей или других договорных отношений, недостаточны.

Этот закон, несмотря на сложности периода, был важным правовым документом своего времени. Хотя в нём есть определённые пробелы и недостатки, он сыграл важную роль до принятия Гражданского кодекса, став источником правовой базы и удовлетворив требования законодательной техники. Принятие этого закона позволило эффективно регулировать данные отношения. Внедрение международного опыта и стандартов помогло узбекским изобретателям выходить на международный рынок и развивать технологии и научные разработки, занимая свою нишу на рынке интеллектуальной собственности.

Заслуживает внимания то, что в законе следовало бы выделить отдельную главу для уполномоченного государственного органа. Этому субъекту посвящена всего одна норма (статья 3). Тем не менее, ряд нормативно-правовых актов Президента Республики Узбекистан положили начало новому этапу в этой области:

1. Постановление Президента Республики Узбекистан № PQ-4168 «О мерах по совершенствованию государственного управления в области интеллектуальной собственности» [6];

2. Постановление Президента Республики Узбекистан № PQ-4380 «О мерах по организации деятельности Агентства интеллектуальной собственности при Министерстве юстиции Республики Узбекистан» [7];

3. Постановление Кабинета Министров Республики Узбекистан № 609 «Об утверждении Положения об Агентстве интеллектуальной собственности при Министерстве юстиции Республики Узбекистан» [8];

4. Постановление Президента Республики Узбекистан № PQ–4965 от 28 января 2021 года «О мерах по совершенствованию системы защиты объектов интеллектуальной собственности» [9].

Закон «О собственности в Республике Узбекистан» в статье 3 также определяет объекты промышленной собственности, как и в данном законе [10]. Авторы творческого труда и их наследники имеют право на получение вознаграждений, которые не облагаются налогами, что регулируется статьёй 378 Налогового кодекса [11].

И.А. Близнец отмечает, что комплексный подход, направленный на закрепление гражданско-правовых, административно-правовых и процессуальных норм в одном нормативном документе, придаёт особую эффективность Кодексу РФ об интеллектуальной собственности. Он позволяет оптимально регулировать отношения с помощью гармонизации публично-правовых и частно-правовых методов [12]. Опыт РФ показывает, что такой комплексный подход практически реализуем [13]. Ранее многие законы в этой стране также были разбросаны по отдельным нормативным актам.

7 апреля 2010 года на 34-й пленарной сессии Межпарламентской ассамблеи государств СНГ был принят Модельный кодекс об интеллектуальной собственности для стран СНГ, который состоит из 13 глав и 107 статей.

Б. Тошев считает, что при систематизации законодательства необходимо учитывать не только национальные законы, но и международные стандарты и документы [14]. Он обращает внимание на общие нормы, касающиеся авторского права. На наш взгляд, важен единый законодательный комплекс, который учитывал бы как общие закономерности для всех объектов, охраняемых авторским правом, так и их особенности.

И. Насриев указывает, что формулировка в Гражданском кодексе, касающаяся права автора на публикацию произведения, не отражает его сути и не охватывает все произведения [15]. Он обращает внимание на правила, связанные с публикацией произведений, но при этом акцентирует внимание на необходимости систематизации правовых норм.

О необходимости усовершенствования IV части Гражданского кодекса высказывались многие учёные. Так, О. Окюлов отмечает, что в законодательных актах часто встречается дублирование норм или так называемый «зеркальный» принцип, когда нормы Гражданского кодекса повторяются в текущих законах [16]. Н.Ф. Имомов считает, что это может приводить к спорам и разногласиям. В странах СНГ (например, в РФ) применяются другие подходы

[17]. Важно найти разумное решение, поскольку развитие не стоит на месте. Мы считаем, что общие нормы о данном объекте можно оставить в Гражданском кодексе, а нормы, касающиеся объектов промышленной собственности, временно оставить в отдельных законах [18]. Некоторым странам удалось создать общую систему выдачи патентов и унифицированный патентный закон, что соответствует международным стандартам.

М. Таджибаева [19] и Х. Раджабов [20] полагают, что нормы, касающиеся недобросовестной конкуренции и объектов интеллектуальной собственности, не регулируются Законом «О конкуренции». Мы же считаем, что защита промышленной собственности должна быть универсальной и регулироваться посредством международных правовых инструментов, таких как Парижская конвенция по охране промышленной собственности.

Наличие подзаконных актов является естественным, так как в одном законе невозможно достичь полной целесообразности и эффективности регулирования. Действительно, все вопросы невозможно урегулировать в одном законе. Многие нормы, касающиеся конкретных вопросов, имеют технический характер, например, правила подачи заявок. Размещение всех принципиальных норм в одном документе не всегда оправдано.

Кроме того, закон должен обладать определённой стабильностью, хотя некоторые нормы меняются со временем. Поэтому создание подзаконных актов, которые разъясняют и детализируют содержание закона, необходимо.

Вышеуказанные нормативно-правовые акты обеспечивают правовое регулирование деятельности Агентства интеллектуальной собственности. В них регулируются организационная структура, полномочия и правовой статус органа, отвечающего за государственную политику в этой сфере.

Каждый объект промышленной собственности регулируется отдельным подзаконным актом. В частности, «Правила составления, подачи и рассмотрения заявки на получение патента Республики Узбекистан на изобретение» (зарегистрированные 22 марта 2004 года под номером 1329) регулируют порядок подачи заявок и их рассмотрения [21].

Кроме того, существуют отдельные подзаконные акты, регулирующие участие в оформлении прав на объекты промышленной собственности. Например, «Положение о патентных поверенных», утверждённое приложением № 2 к постановлению Кабинета Министров Республики Узбекистан № 298 от 1 июля 2003 года, определяет функции поверенных,

их регистрацию и защиту полномочий в уполномоченном государственном органе [22].

Правила аттестации и регистрации кандидатов на патентное поверенное, а также аттестации патентных поверенных (зарегистрированные 13 декабря 2019 года под номером 3203) регулируют порядок проведения аттестации и ведения реестра. В этих правилах чётко определены квалификационные требования, сроки проведения аттестации и её правовые последствия [23].

Если обратиться к международному опыту, то из 192 государств-членов Всемирной организации интеллектуальной собственности (ВОИС), 69 имеют систематизированные (кодифицированные) законы. Причём 40 из этих документов (или 75,5%) регулируют отношения, касающиеся промышленной собственности. Из 53 систематизированных документов 37 (69%) приняты в форме законов, 11 (21%) — в форме кодексов, два в виде распоряжений и международных соглашений, один — в виде указа Президента [24].

Закон регулирует не только гражданско-правовые, но и некоторые административно-правовые и процессуальные отношения, а также содержит ссылки на другие законодательные акты. В настоящее время Гражданский кодекс, закон «Об изобретениях», «Правила составления, подачи и рассмотрения заявки на получение патента Республики Узбекистан на изобретение» (зарегистрированные 22 марта 2004 года под номером 1329) являются основными правовыми источниками. В некоторых местах данные подзаконные акты содержат термины, касающиеся различных профессиональных областей, что затрудняет правильное понимание и применение правовых норм. Мы считаем, что на основе мирового опыта необходимо провести кодификацию законодательства, касающегося объектов промышленной собственности.

В государствах-членах ВОИС систематизированные (кодифицированные) документы обычно делятся на разделы, касающиеся получения прав на объекты интеллектуальной собственности, передачи прав и лицензионных договоров, защиты прав и ответственности.

Ещё одним важным аспектом является то, что большинство систематизированных (кодифицированных) законов были приняты начиная с 1990-х годов. В частности, с 1990 по 2000 год было принято 15 таких кодексов, с 2001 по 2010 год — 17, и с 2011 по 2020 год — 14 кодексов. При этом в них неоднократно вносились изменения. Мы можем увидеть, что в течение последних 30 лет в странах-членах ВОИС регулирование происходило путём принятия именно систематизированных законов.

Следует отметить, что в кодифицированных законах присутствуют и административно-правовые нормы. Они включают правила создания и использования результатов творческой деятельности, нормы о патентных поверенных, положения об объектах интеллектуальной собственности, созданных в рамках служебных обязанностей, патентные сборы и нормы коллективного управления правами.

На наш взгляд, принятие новой редакции Гражданского кодекса, решающее вопрос кодификации, является целесообразным. Принятие этого кодекса, учитывающего особенности данной сферы и обладающего как гражданско-правовым, так и административно-правовым характером, имеет значение для дальнейшего развития отрасли.

В Гражданском кодексе должны быть определены общие положения об интеллектуальной собственности и единые принципы для всех объектов, охраняемых законом. Правила, касающиеся объектов промышленной собственности, можно оставить в отдельных специальных законах. Это оправдано, так как развитие рынка объектов промышленной собственности, поддержка правообладателей и создание системы подготовки кадров требуют особого правового регулирования. Целесообразно принять отдельный законодательный акт, который охватил бы такие аспекты, как поддержка исключительных прав правообладателей, определение их правового статуса, предоставление им определённых льгот и стимулов, а также развитие системы подготовки специалистов в данной области.

Список использованных источников

1. Agreement on Trade-Related Aspects of Intellectual Property Rights (TRIPS) (2017, January 23) // WTO. - URL: https://www.wto.org/english/docs_e/legal_e/31bis_trips_01_e.htm (date of access: 19.04.2024).
2. Зокиров, И. Б. Гражданское право : учебник / И. Б. Зокиров. – Ташкент : ТГЮИ, 1996. – Т.1.
3. Сергеев, А. П. Патентное право : учебное пособие / А. П. Сергеев. - М. : Издательство БЕК, 1994. - 202 с.
4. Конституция Республики Узбекистан. – Ташкент, 2023. – 80 с.
5. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть четвертая : принят Гос. Думой 24 нояб. 2006 г. : Одобр. Советом Федерации 8 дек. 2006 г. // КонсультантПлюс. Россия : справ. правовая система (дата обращения: 23.01.2024).
6. О мерах по совершенствованию государственного управления в сфере интеллектуальной собственности : Постановление Президента Республики Узбекистан, от 08.02.2019 г. № ПП-4168 // LexUz : Национальная база данных законодательства Республики Узбекистан (дата обращения: 22.04.2024).

7. О мерах по организации деятельности Агентства по интеллектуальной собственности при Министерстве юстиции Республики Узбекистан : Постановление Президента Республики Узбекистан, от 01.07.2019 г. № ПП-4380 // LexUz : Национальная база данных законодательства Республики Узбекистан (дата обращения: 22.04.2024).
8. О дополнительных мерах по дальнейшему развитию сферы интеллектуальной собственности : Постановление Президента Республики Узбекистан от 26 апреля 2022 года № ПП-221 // LexUz : Национальная база данных законодательства Республики Узбекистан (дата обращения: 22.04.2024).
9. О мерах по совершенствованию системы охраны объектов интеллектуальной собственности : Постановление Президента Республики Узбекистан, от 28.01.2021 г. № ПП-4965 // LexUz : Национальная база данных законодательства Республики Узбекистан (дата обращения: 22.04.2024).
10. О собственности в Республике Узбекистан : Закон Республики Узбекистан, от 31.10.1990 г. № 152-XII // Ведомости Верховного Совета Республики Узбекистан. – 1990. - № 31-33. - ст. 371.
11. Налоговый кодекс Республики Узбекистан // LexUz : Национальная база данных законодательства Республики Узбекистан (дата обращения: 22.04.2024).
12. Блинец, И. А. Право интеллектуальной собственности в Российской Федерации : теоретико-прикладное исследование: дисс. ... д-ра. юрид. наук / И. А. Блинец. – М. : Рос. акад. государственной службы при Президенте Росс. Федерации, 2003. - 381 с.
13. Лосев, С. С. Кодификация как инструмент системного развития законодательства Республики Беларусь об интеллектуальной собственности / С. С. Лосев // Правовая защита интеллектуальной собственности: проблемы теории и практики : электрон. сб. материалов междунар. науч.-практ. конф., Новополюцк, 27 мая 2022 г. / редкол.: В. А. Богоненко (отв. ред.) [и др.]. – Новополюцк : Полоц. гос. ун-т им. Евфросинии Полоцкой, 2022. – С. 68-77.
14. Тошев, Б. Авторское право : учебник / Б. Тошев. – Ташкент : ЖИДУ, 2011. – 164 с.
15. Насриев, И. Содержание личных нематериальных прав, их реализация и перспективы расширения в гражданском праве: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / И. Насриев. – Ташкент, 2006. - 51 с.
16. Окюлов, О. Четвертая часть Гражданского кодекса: достижения и проблемы / О. Окюлов // Проблемы совершенствования Гражданского кодекса : материалы научно-теоретической конференции. – Ташкент : ТДЮИ, 2007. – С. 35.
17. Имомов, Н. Ф. Новые объекты интеллектуальной собственности / Н. Ф. Имомов ; отв. ред.: О. Окюлов. - Ташкент: Издательство ТГЮИ, 2011. - С. 37-38.
18. European patent // University of Pittsburgh. – URL: <http://aei.pitt.edu/41701/1/A5855.pdf> (date of access: 10.05.2024).
19. Таджибаева, М. Меры и последствия борьбы с недобросовестной конкуренцией в гражданском праве : дис. ... доктора философии по юрид. наукам / М. Таджибаева. – Ташкент : ТДЮИ, 2023. – 152 с.
20. Раджапов, Х. Правовые основы формирования конкуренции сфере естественных монополий / Х. Раджапов // Review of Law Sciences. - 2020. - № 3. - С. 111-115.
21. Правила составления, подачи и рассмотрения заявки на выдачу патента Республики Узбекистан на изобретение : Приказ директора Государственного патентного

- ведомства Республики Узбекистан, зарегистрировано 22.03.2004 г., рег. номер 1329. 22 марта 2004 г. // LexUz : Национальная база данных законодательства Республики Узбекистан (дата обращения: 22.04.2024).
22. Об утверждении Положения о патентных поверенных: Постановление Кабинета Министров Республики Узбекистан, от 01.07.2003 г. № 298 // LexUz : Национальная база данных законодательства Республики Узбекистан (дата обращения: 22.04.2024).
23. О признании утратившим силу приказа «Об утверждении Правил аттестации и регистрации кандидатов в патентное представительство и аттестации патентных представителей», а также изменений и дополнений к нему : от 12 августа 2022 г. Регистрационный № 3203-2 : Приказ министра юстиции Республики Узбекистан // LexUz : Национальная база данных законодательства Республики Узбекистан (дата обращения: 22.04.2024).
24. Ковалевская, Т. В. Анализ подходов по систематизации (кодификации) законодательства в сфере интеллектуальной собственности в зарубежных странах / Т. В. Ковалевская // Правовая защита интеллектуальной собственности: проблемы теории и практики : электрон. сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф., Новополюцк, 27 мая 2022 г. / редкол.: В. А. Богоненко (отв. ред.) [и др.]. – Новополюцк : Полоц. гос. ун-т им. Евфросинии Полоцкой, 2022. – С. 48-52.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ОТНОШЕНИЙ
В ОБЛАСТИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА
(В ПОРЯДКЕ МОДЕЛЬНОГО ЗАКОНОТВОРЧЕСТВА
ГОСУДАРСТВ-УЧАСТНИКОВ СНГ)

Н.С. Минько

кандидат юридических наук, доцент, ведущий научный сотрудник
Института правовых исследований Национального центра
законодательства и правовых исследований
Natallia.Minko@gmail.com

Аннотация. В статье представлены предложения для проекта Модельного закона «О технологиях искусственного интеллекта», которые касаются цели и задач государственной политики в сфере искусственного интеллекта, мер стимулирования научной, научно-технической и инновационной деятельности в сфере искусственного интеллекта, прав и обязанностей субъектов рассматриваемых отношений, а также отдельных сфер использования технологий искусственного интеллекта.

Ключевые слова: искусственный интеллект; технологии; инновации; государственная политика в сфере искусственного интеллекта; меры государственной поддержки и стимулирования; права и обязанности субъектов.

Abstract. The article presents proposals for the draft Model Law "On Artificial Intelligence Technologies", which relate to the purpose and objectives of the state policy in the field of artificial intelligence, measures to stimulate scientific, scientific-technical and innovative activity in the field of artificial intelligence, rights and obligations of the subjects of the relations under consideration, as well as individual areas of use of artificial intelligence technologies.

Keywords: artificial intelligence; technologies; innovations; state policy in the field of artificial intelligence; measures of state support and stimulation, rights and obligations of subjects.

Искусственный интеллект (далее – ИИ) и робототехника – приоритетные направления научной, научно-технической и инновационной деятельности в Беларуси на 2021–2025 гг. Искусственный интеллект рассматривается как комплекс технологических решений, включающий в себя электронную среду, программное обеспечение, процессы и сервисы по обработке данных и поиску решений без заранее заданного алгоритма, который позволяет имитировать когнитивные функции человека (в том числе самообучение и поиск) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые как минимум с результатами интеллектуальной деятельности человека.

«Ввиду отсутствия концептуальных теоретических основ цифрового права и целостного законодательного регулирования, учитывающего специфику применения технологий ИИ, эксперты предпочитают заниматься решением прикладных вопросов регулирования отдельных видов цифровых технологий, однако развитие технологий ИИ ставит новые вызовы перед национальной правовой системой, а также формирует новые задачи на уровне наднационального (модельного) нормотворчества. В ряде стран уже существует первичное (базовое) правовое регулирование применения технологий ИИ. Концептуальные перспективные направления развития законодательства в данной сфере содержат программные документы стратегического характера» [2, с. 268].

В этой связи Межпарламентская Ассамблея государств – участников Содружества Независимых Государств (СНГ) приступила к разработке Модельного закона «О технологиях искусственного интеллекта». В рамках настоящего исследования представлены предложения для данного Модельного закона.

Важно определить цели и задачи государственной политики в сфере искусственного интеллекта. Цель государственной политики в сфере искусственного интеллекта состоит в формировании гибкой комплексной системы регулирования общественных отношений, возникающих в связи с развитием и использованием технологий искусственного интеллекта, направленной на улучшение качества жизни населения, обеспечение национальной и личной безопасности и государственного суверенитета, а также повышение эффективности экономики за счет стимулирования разработки, внедрения и использования технологий искусственного интеллекта.

Основными задачами государственной политики в сфере искусственного интеллекта являются: создание благоприятных правовых и организационных условий для развития технологий искусственного интеллекта, содействие государственным и частным инвестициям в исследования и разработки для стимулирования инноваций в области надежного искусственного интеллекта; формирование и развитие единого рынка законных, безопасных и заслуживающих доверия приложений искусственного интеллекта; обеспечение справедливого и оптимального баланса интересов между всеми участниками общественных отношений в области искусственного интеллекта; гарантирование безопасности использования технологий искусственного интеллекта, их соответствие принятым нормам и правилам,

соблюдение прав человека; создание гибких механизмов, позволяющих динамически адаптировать правовую основу по мере развития технологий искусственного интеллекта и возникновения новых правоотношений и др.

Государственное регулирование отношений в сфере искусственного интеллекта предусматривает:

- определение приоритетности направлений общего развития и мероприятия в области применения технологий искусственного интеллекта;
- разработку правил, стандартов, руководящих принципов, норм, обеспечивающих развитие технологий искусственного интеллекта на принципах устойчивого развития и этичности;
- обеспечение соответствия национальным стандартам и правилам, которые способствуют использованию технологий искусственного интеллекта и предотвращают риски;
- содействие стимулированию инвестиций в разработки, направленные на повышение безопасности технологий искусственного интеллекта, их объяснимости и прозрачности, доверия, а также проверки и валидации, защиты от атак и др.;
- по мере развития технологий искусственного интеллекта разработку и реализацию политики в области передовых методов их применения, обучения субъектов их безопасной эксплуатации;
- повышение прозрачности и справедливости решений, лежащих в основе применения технологий искусственного интеллекта;
- эксперименты и тестирование цифровых инноваций в реальных условиях; улучшение качества и доступности цифровых ресурсов и сервисов; стимулирование добросовестной конкуренции и повышение эффективности управления; привлечение инвестиций в цифровую экономику;
- консультации государственного сектора по вопросам этического регулирования и реализации искусственного интеллекта. В качестве инструментов по повышению информированности допускается создание Комитета по этике искусственного интеллекта, который будет рассматривать влияние технологий на основные права субъектов.

Поддержка государством научной, научно-технической и инновационной деятельности в сфере искусственного интеллекта реализуется на основе программного подхода и измеримости целей, доступности и публичности оказания государственной поддержки, приоритетности дальнейшего развития результатов в сфере научной, научно-технической

и инновационной деятельности в отношении технологий искусственного интеллекта.

К государственным мерам стимулирования научной, научно-технической и инновационной деятельности в сфере искусственного интеллекта относятся: финансовые меры стимулирования; предоставление образовательных, информационно-консультационных услуг, в том числе содействие в разработке проектной документации; оказание содействия в правовой охране, защите и управлении правами на результаты интеллектуальной деятельности; формирование спроса на инновационную продукцию, в том числе посредством использования государственных закупок и системы технического регулирования; стимулирование экспорта инновационной продукции, и технологий, прав на результаты интеллектуальной деятельности, полученные при осуществлении научной, научно-технической деятельности, развитие и защита внутреннего рынка, включая рынок инновационной продукции и рынок прав на результаты интеллектуальной деятельности; имущественные меры стимулирования, в том числе стимулирование создания и функционирования объектов инфраструктуры научной, научно-технической и инновационной деятельности, а также необходимой для лиц, осуществляющих такую деятельность, социальной, прежде всего жилищной, инфраструктуры; государственно-частное партнерство, создание специальных территорий с особым правовым режимом осуществления хозяйственной деятельности и иные.

Национальным законодательством определяются формы и порядок взаимодействия Главы государства, Правительства, Координационного совета в сфере искусственного интеллекта, уполномоченного государственно-го органа в сфере искусственного интеллекта. Правительство определяет приоритетность направлений общего развития и конкретные мероприятия в сфере искусственного интеллекта, в том числе применительно к отдельным регионам (территориям) с учетом предложений, поступивших от региональных исполнительных органов государственной власти.

В контролируемой среде (условиях) допускается установление экспериментального правового режима технологий искусственного интеллекта, который подразумевает применение в отношении его участников в течение определенного периода времени специального (отличающегося от общего) регулирования, упрощающего внедрение технологий искусственного интеллекта в определенных сферах: (медицинская деятельность, производство и эксплуатация транспортных средств, сельское хозяйство, финансовый рынок и других, определяемых Правительством).

Государство создает необходимые нормативные правовые, экономические и социальные условия для участия физических и юридических лиц, органов государственной власти, органов местного самоуправления (управления) в осуществлении регулирования и реализации технологий искусственного интеллекта. Государство способствует проведению исследований по оценке научной, интеллектуальной и имущественной баз технологий искусственного интеллекта, а также их последующей экономической эффективности.

Субъекты отношений в сфере искусственного интеллекта – исследователи, разработчики, производители технологий искусственного интеллекта, лица, осуществляющие финансирование исследований и разработок в сфере искусственного интеллекта, собственники, владельцы, операторы, пользователи технологий искусственного интеллекта, иные лица, взаимодействующие в сфере искусственного интеллекта, в том числе уполномоченные государственные органы.

Экономическое стимулирование разработчиков технологий искусственного интеллекта осуществляется за счет ассигнований, предусматриваемых в государственных и местных (муниципальных) бюджетах, специальных фондах, а также за счет других законно полученных или привлеченных средств (в том числе в виде предоставления налоговых льгот) в соответствии с национальным законодательством.

Государство осуществляет адресную финансовую или иную имущественную поддержку отдельных мероприятий по реализации технологий искусственного интеллекта в регионах с более высоким уровнем цен на ресурсы и, соответственно, уровнем затрат на проведение указанных мероприятий.

Уполномоченные государственные органы в сфере искусственного интеллекта обязаны:

- обеспечить организацию разработки и исполнения стратегических и программных документов, нормативных правовых актов в сфере искусственного интеллекта;
- принимать меры по защите прав и свобод граждан, а также законно находящихся на территории данного государства иностранных граждан и лиц без гражданства, прав и интересов юридических лиц и интересов государства;
- определять статус и полномочия Координационного совета в сфере искусственного интеллекта, полномочия органов местного самоуправления

(управления) в сфере искусственного интеллекта; принимать решение о создании Комитета по этике искусственного интеллекта;

- координировать деятельность государственных органов по совместному проведению мероприятий по реализации стратегических и программных документов, нормативно-правовых актов в сфере искусственного интеллекта;

- определять меры государственной поддержки и стимулирования научной, научно-технической и инновационной деятельности в сфере искусственного интеллекта;

- определять порядок и условия применения экспериментальных правовых режимов в сфере искусственного интеллекта;

- осуществлять иные полномочия по вопросам создания и функционирования технологий искусственного интеллекта.

Исследователи, разработчики, производители технологий искусственного интеллекта, лица, осуществляющие финансирование исследований и разработок в сфере искусственного интеллекта обязаны:

- обеспечивать максимальную безопасность человека, общества и государства, исходя из принципа верховенства права и ответственной разработки технологий искусственного интеллекта (ответственных инноваций);

- знать и соблюдать требования законодательства, действующего там, где используются технологии искусственного интеллекта или планируется их использование («применимое законодательство»), а также учитывать иные применимые правила, включая этические и религиозные нормы;

- применять системный подход к управлению рисками на каждой фазе жизненного цикла технологий искусственного интеллекта на постоянной основе с учетом установленных стандартов для устранения рисков, связанных с искусственным интеллектом, включая конфиденциальность, цифровую безопасность, надежность;

- обеспечивать прозрачность и возможность отслеживания при разработке технологий искусственного интеллекта, в том числе в отношении наборов данных, процессов и решений, принятых в течение жизненного цикла системы искусственного интеллекта, для обеспечения возможности анализа результатов выполнения операций и ответов на запрос, соответствующих ситуации и согласующихся с уровнем развития техники;

- соблюдать требования надежности и безопасности технологий искусственного интеллекта, в том числе «проектируемой безопасности», со-

гласно которым защита от причинения вреда не может быть обеспечена исключительно соблюдением нормативных правовых актов; правила, обеспечивающие такую защиту, должны быть заложены в саму архитектуру программного обеспечения по умолчанию на протяжении всего цикла разработки технологий искусственного интеллекта;

- создавать механизм распределения ответственности всех субъектов, задействованных в процессе разработки технологий искусственного интеллекта, предусмотреть систему раннего предупреждения пользователей обо всех уязвимостях технологии искусственного интеллекта;

- соблюдать требования по поиску и устранению ошибок в ИТ-архитектуре;

- проводить анализ технологий искусственного интеллекта в режиме реального времени;

- проводить учет контекста при возникновении уязвимостей, использование специальных мер защиты в виртуальной среде;

- прогнозировать возможность предполагаемого влияния разработок на охраняемые законом общественные отношения;

- соблюдать требования «проектируемой конфиденциальности», имплементированные в национальное законодательство о персональных данных путем создания технологических продуктов и решений, позволяющих обеспечить конфиденциальность и защиту персональных данных «по умолчанию»;

- обеспечивать реализацию комплекса защитных мер: защита личной информации по умолчанию; своевременное уведомление о сборе личной информации; предоставление пользователю свободы выбора в удобной и понятной форме. Сбор, обработка и хранение пользовательских данных должны осуществляться с заранее определенной целью на основании конкретно выраженного свободного информированного однозначного согласия субъекта данных с возможностью его последующего отзыва;

- обеспечивать контролируемость разработки технологий искусственного интеллекта, включая наборы данных, процессы и решения, принятые в течение жизненного цикла системы искусственного интеллекта с учетом нормативных предписаний в данной сфере (режимы коммерческой тайны, авторского и патентного права, товарные знаки, договорные нормы, технические средства охраны, устанавливаемые разработчиками и др.);

- обеспечивать совместимость информационных систем и устройств (технических средств), применяемых при разработке технологий искусственного интеллекта (открытая среда разработки);
- обеспечивать использование достоверных наборов данных, не допускающих дискриминации по какому-либо признаку;
- обеспечить предварительное проведение тестирования соответствующей технологии искусственного интеллекта;

Исследователи, разработчики, производители технологий искусственного интеллекта, лица, осуществляющие финансирование исследований и разработок в сфере искусственного интеллекта имеют право:

- на доступ к различным массивам данных;
- обрабатывать данные для целей машинного обучения (права на процессинг данных для обучения, тестирования и валидации систем машинного обучения).

Данная деятельность должна быть подконтрольной государству для защиты персональных данных пользователей и иной охраняемой законом информации

- на возмещение вреда, причиненного технологиями искусственного интеллекта;
- на реализацию государственных мер поддержки научной, научно-технической и инновационной деятельности в сфере искусственного интеллекта и др.

Лица, осуществляющие финансирование исследований и разработок в сфере искусственного интеллекта должны ответственно относиться к социальным и экономическим явлениям и обстоятельствам, которые могут возникнуть как результат внедрения технологий искусственного интеллекта, и стремиться предотвращать связанные с ними любые существенные негативные последствия.

Лицо, осуществляющее ввод технологии искусственного интеллекта в эксплуатацию, обязано обеспечить предварительное проведение тестирования данной технологии с учетом требований открытости, объяснимости, подконтрольности, точности, надежности, цифровой устойчивости.

Собственники, владельцы, операторы, пользователи, а также иные лица, взаимодействующие с технологиями искусственного интеллекта, обязаны:

- обеспечивать защиту информации, содержащейся в информационных системах, посредством применения организационных и технических

мер защиты информации, а также посредством осуществления контроля за эксплуатацией информационной системы и технологий искусственного интеллекта;

- воздерживаться от вмешательства в нормальное функционирование технологий искусственного интеллекта, в том числе посредством модификации программного кода, аппаратного обеспечения и т.д.;

- обеспечивать безопасность и минимизацию рисков на всех этапах жизненного цикла технологий искусственного интеллекта, включая этап эксплуатации;

- обладать соответствующей квалификацией, позволяющей им обеспечивать безопасность на всех этапах жизненного цикла системы;

- осуществлять проверку и обеспечение готовности технологий искусственного интеллекта к функционированию (выполнению задания);

- воздерживаться от использования технологий искусственного интеллекта в случае обнаружения неполадок в аппаратном или программном обеспечении;

- обеспечивать документирование, сохранность, регистрацию принятых технологиями искусственного интеллекта решений, а также всего процесса их принятия (включая описание сбора, маркировки данных и используемого алгоритма),

- при необходимости предоставлять данные «черного ящика» уполномоченным органам в установленном порядке;

- осуществлять регистрацию и страхование ответственности и др.

Собственники, владельцы, операторы, пользователи, а также иные лица, взаимодействующие с технологиями искусственного интеллекта, вправе:

- взаимодействовать с иными информационными системами на условиях и в соответствии с требованиями, которые установлены национальным законодательством;

- взаимодействовать с органами государственной власти, осуществляющим функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере искусственного интеллекта.

- быть проинформированными о взаимодействии с искусственным интеллектом, о характеристиках технологий искусственного интеллекта, ограничениях и условиях их использования, правилах эксплуатации;

- принимать обоснованные самостоятельные решения относительно использования технологий искусственного интеллекта, а также контролировать их функционирование (в той мере, в которой это возможно с учетом требуемой степени автономности технологий искусственного интеллекта);

- на разработку механизма отмены или изменения решений (уведомительных отмен), принимаемых технологиями искусственного интеллекта и лицами, которые ими управляют с идентификацией субъекта, ответственного за принятие решений, в том числе обеспечение объяснимости процессов принятия решений;

- право на возмещение вреда, причиненного системой искусственного интеллекта и др.

Нормативными правовыми актами государств не должны ограничиваться виды и объем ущерба, причиненного технологиями искусственного интеллекта, который может быть компенсирован, а также формы такой компенсации.

Технологии искусственного интеллекта в промышленности могут применяться в целях: внедрения инструментов цифровизации; внедрения интеллектуальных датчиков в оборудование и производственные линии; внедрения роботизированных технологий; хранения информации и проведение вычислений посредством перехода с мощностей собственных средств вычислительной техники на распределенные ресурсы (облачные технологии); сквозной автоматизации производственных и управленческих процессов и их интеграцию в единую информационную систему; использование совокупной массы собираемых данных для формирования аналитических информационных массивов (технологии больших данных); оцифрования (перевода в электронный формат) технической документации и осуществления электронного документооборота (безбумажных технологий); цифрового проектирования и моделирования технологических процессов, объектов и субъектов промышленности (отраслей промышленности), изделий на всем жизненном цикле от оформления в электронном формате идеи (эскиза) до ввода в эксплуатацию (с применением инженерного программного обеспечения); активизации цифрового производства во всех отраслях промышленности государства; создания и использования во всех отраслях промышленности государства эффективно функционирующих интеллектуальных сетей для повышения в данных отраслях качества и эффективности управления (в том числе цифрового управления) на каждом его уровне.

Технологии искусственного интеллекта в строительстве используются для создания виртуальных моделей городских пространств, включая анализ транспортной инфраструктуры, определение зон с повышенной потребностью в жилой площади, а также прогнозирование развития города в будущем, позволяют оптимизировать дизайн зданий для максимальной энергоэффективности и др. Генеративное проектирование (генеративный дизайн), предпроектная подготовка, технологии интеллектуального мониторинга строительных площадок, технологии проверки оборудования с искусственным интеллектом, цифровое управление строительными проектами, модульная сборка и печать домов, возможности для проектирования САПР и BIM, анализ и прогнозирование стоимости проекта, технологии управления рисками и безопасностью в строительстве и др. обеспечивают оптимизацию процессов.

Технологии искусственного интеллекта в сфере экологии позволяют проводить дистанционное зондирование Земли, мониторинг состояния экосистем, изменения параметров окружающей среды и инфраструктуры водоснабжения, обеспечивают прогнозирование потребления воды и загрязнения воздуха, содействуют повышению качества фильтрации воздуха, обеспечивают прогнозирование стихийных бедствий и чрезвычайных ситуаций, содействуют развитию систем промышленной сортировки мусора, экологического комплаенса и др.

Технологии искусственного интеллекта в энергетике используются для повышения доли электроэнергии, вырабатываемой с помощью экологически чистых возобновляемых источников энергии, оптимизации работы топливных электростанций, сокращении потерь электроэнергии при ее транспортировке из места выработки к потребителям, снижения потребления электроэнергии за счет управления освещением и отоплением, оптимизации энергоэффективности и др.

Технологии искусственного интеллекта в сфере образования могут применяться в целях развития адаптивного обучения (языковые и аналитические технологии) и прокторинга – контроля за аттестацией (технологии компьютерного зрения), а также содействуют администрированию образовательного процесса, выступают в качестве личного тьютора. Это позволяет индивидуализировать образовательный процесс, адаптировать материалы под уровень знаний и потребности обучающихся. Технологии искусственного интеллекта в сфере научной сферы могут применяться для проведения фундаментальных и прикладных научных исследований; подготовки и аттеста-

ции научных работников высшей квалификации; апробации результатов научных исследований; организации и проведения государственной научной и государственной научно-технической экспертиз и др.

Технологии искусственного интеллекта в сфере здравоохранения могут применяться как отдельно, так и в составе иного медицинского изделия в виде: программного обеспечения, аппаратно-программного комплекса (роботизированной системы), программного обеспечения, поставляемого как сервис. Порядок разработки и регистрации в качестве медицинского изделия соответствующих технологических решений определяется национальным законодательством (в том числе с учетом требований международных стандартов).

Технологии искусственного интеллекта в государственном управлении могут применяться в целях: выработки государственной политики; предоставления государственных услуг; осуществления действий разрешительного характера (административных процедур); рассмотрения обращений; осуществления мероприятий по планированию, мониторингу и оценке результатов государственных органов, контрольно-надзорных мероприятий, с целью формирования официальной статистики, администрирования доходов, аудита результативности бюджетных расходов и реализации иных государственных функций и др.

Технологии искусственного интеллекта в банковской сфере могут применяться в целях обеспечения: персонализированного финансового руководства (включая первичный скоринг); интерактивных систем голосового реагирования (IVRS); службы поддержки клиентов, в том числе распознавания оптических, графических, кодированных и цифровых образов клиента дистанционно; безопасность и идентификации признаков мошенничества; мобильного банкинга; алгоритмической торговли, преобразования данных в цифровой формат и др.

Технологии искусственного интеллекта в налоговой сфере могут применяться в целях обеспечения: единой системы интеллектуальной обработки данных плательщиков; автоматизации и оптимизации процессов налогового администрирования и контроля; использования “ботов” для помощи налогоплательщикам и др.

Технологии искусственного интеллекта могут применяться в области дорожного движения и транспортной деятельности при освоении производства интеллектуальных автокомпонентов и систем для автотранспортных средств; развитии беспилотного вождения; интеграции элементов дорожно-

транспортной системы в единую интеллектуальную транспортную систему с центром управления движением; управление транспортной работой, оптимизации навигации и городского трафика и др.

Первоначальным обладателем исключительных прав на результаты, создаваемые системами искусственного интеллекта можно определить собственника (владельца) системы искусственного интеллекта либо ее пользователя (в случае предоставления системы во временное пользование) на момент создания результата, рассматривая в этих целях систему искусственного в качестве сложной вещи. На результат, созданный системой искусственного интеллекта, представляющей собой компьютерную систему в виде совокупности алгоритмов, программ для ЭВМ, баз данных и аппаратного обеспечения, работающих на основе технологий искусственного, признается исключительное право без признания личных неимущественных прав и иных прав (право следования, право доступа и другие).

Исключительное право на результат, созданный системой искусственного, может принадлежать собственнику (владельцу) системы искусственного интеллекта либо пользователю системы искусственного интеллекта, если иное не предусмотрено договором между ними. Исключительное право на результат, созданный системой искусственного интеллекта, может быть передано собственником (владельцем) системы искусственного интеллекта либо ее пользователем другому лицу по договору, а также может перейти к другим лицам по основаниям, установленным национальным законодательством. Исключительное право на результат, созданный системой искусственного интеллекта, может принадлежать нескольким лицам совместно.

Права на произведения науки, литературы и искусства, а также программы для ЭВМ и базы данных, созданные системами искусственного интеллекта можно отнести к категории смежных прав, выделив отдельный вид смежных прав. Для охраны изобретений, промышленных образцов и топологий интегральных микросхем, созданных системой искусственного интеллекта, использовать условия и порядок охраны традиционных объектов патентных прав и топологий интегральных микросхем, адаптировав при этом некоторые действующие механизмы, предусмотрев необходимые исключения и особенности, связанные с отсутствием автора. Собственнику (владельцу) системы искусственного интеллекта либо пользователю системы искусственного интеллекта, если иное не предусмотрено договором аренды между собственником (владельцем) системы искусственного интеллекта и поль-

зователем, принадлежит исключительное право на созданные системой искусственного интеллекта изобретения и промышленные образцы.

Патент на созданные системой искусственного интеллекта изобретение и промышленный образец удостоверяет приоритет созданных системой искусственного интеллекта изобретения и промышленного образца и исключительное право на них. Право на получение патента на созданные системой искусственного интеллекта изобретение и промышленный образец принадлежит собственнику (владельцу) системы искусственного интеллекта либо пользователю системы искусственного интеллекта, если иное не предусмотрено договором между ними.

Порядок формирования, подготовки, разметки и использования наборов данных для создания и тестирования технологий искусственного интеллекта в сфере интеллектуальной собственности определяется национальным законодательством в соответствии с общими принципами конфиденциальности, защиты персональных данных и коммерческой тайны.

На уровне специального законодательства возможна конкретизация прав и обязанностей субъектов по обеспечению безопасности и соблюдения существующего законодательства, защищающего основные права на протяжении всего жизненного цикла систем искусственного интеллекта, в соответствии с отраслевыми особенностями.

Список использованных источников

1. Минько Н.С., Слижеская О.В. Направления государственной политики в сфере цифровой трансформации и развития технологий искусственного интеллекта // Динамика правоустановления и правореализации в сфере публично-правовых отношений: сб. науч. статей / Национальный центр законодательства и правовых исследований Республики Беларусь; редколл.: О.И. Чуприс (гл. ред.) [и др.]. – Минск: ИВЦ Минфина, 2023. – Вып. 5. – С. 261–269.

ПРОБЛЕМЫ МАШИННОЙ АЛГОРИТМИЗАЦИИ НОРМОТВОРЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Е.В. Перепелица

кандидат юридических наук, доцент, старший научный сотрудник отдела научно-методического обеспечения правовой информатизации управления правовой информатизации Национального центра законодательства и правовой информации Республики Беларусь
mkatkova@hse.ru

Аннотация. *Статья посвящена машинной алгоритмизации нормотворчества. Подвергаются сомнению слишком оптимистичные прогнозы и ожидания от данного процесса. Показана сложность и неоднозначность перемен, вызываемых к жизни алгоритмизацией нормотворческого процесса как творческой деятельности. Автор призывает к осторожности и предупреждает о негативных последствиях поспешной дигитализации нормотворчества.*

Ключевые слова: *дигитализация; технонаучные инновации; регуляторные решения, машинный алгоритм; машиночитаемое право; нормотворческая техника, технологический суверенитет.*

Abstract. *The article is devoted to machine algorithmization of rule-making. Optimistic forecasts and expectations from this process are being questioned. The complexity and ambiguity of the changes brought to life by the algorithmization of the rule-making process as a creative activity is shown. The author calls for caution and warns about the negative consequences of hasty digitalization of rule-making activities.*

Keywords: *digitalization; technoscientific innovation; regulatory decisions; machine algorithm; machine readable law; rule-making technology, technological sovereignty.*

В текущий исторический момент роль триггера общественного развития выполняет не столько цифровизация, сколько интеллектуальная алгоритмизация, а вслед за ней роботизация. Вопросы, связанные с развитием «умных» технологий и технологических систем, занимают ведущие позиции в перечнях направлений инновационной деятельности. Исследованием технонаучных инноваций вплотную занята юриспруденция.

При этом многие вещи нуждаются в объективной, критической и взвешенной оценке. Подчас на неординарные явления переносятся «готовые» категории, что обусловлено перманентно растущей скоростью технологических преобразований и тем, что принятый в праве терминологический аппарат не успевает адаптироваться к происходящим переменам. Последние почти не оставляют шансов для глубокой рефлексии.

В свою очередь экстраполяция апробированного тезауруса на новые процессы не всегда положительно сказывается на принимаемых регуляторных решениях.

Пристального внимания от юридической доктрины и практики потребовали технологии искусственного интеллекта, все больше пронизывающие нашу повседневную жизнь и профессиональную деятельность. Их разработка, производство и эксплуатация стали настоящим вызовом для устоявшейся системы нормативного регулирования. «Современная промышленная революция рождает условия для подлинной революции права. Впервые в истории права новые технологии стали напрямую влиять на сам характер права, правореализацию, добиваясь до самых классических и, казалось бы, вечных юридических форм и институтов – договора, субъектов, юридической ответственности, юридического процесса» [1, с. 11].

Киберфизические системы избавляют человека от участия в монотонных процессах, сокращают излишние затраты. Ставка на эти системы объясняется желанием быть в тренде, идти в ногу со временем. Совсем недавно автоматизированным устройствам делегировалось выполнение узко специализированных (физических) задач, сейчас они функционально адаптируются к тому, чтобы усиливать умственную деятельность человека. Возрастает способность машинных алгоритмов к обучению и самообучению. Предыдущие поколения систем с искусственным самосознанием распознавали естественный язык и выдавали искомые результаты, нынешние – вполне эффективно справляются с обработкой символьной информации. Им доступны все более сложные уровни решения проблем, совершение когнитивных операций – восприятия, рассуждения и пр.

Различные юрисдикции отчаянно борются за первенство в развитии технологий искусственного интеллекта. Многие государства приняли соответствующие стратегии и программные документы. Осуществляется поиск регуляторных решений, направленных на извлечение максимальной пользы от высокотехнологических устройств.

Зреет уверенность, что при помощи сквозных цифровых технологий можно усовершенствовать традиционные юридические процессы. Отдельные правовые порядки заявили о намерениях по созданию машиночитаемого права и ставят смелые эксперименты по переводу законов в машиночитаемую форму. Вопрос о применимости перспективных технологий в процессе создания будущего законодательства – по сути дела вопрос о том, в какой степени данному виду юридической практики присущ творческий характер.

Потребность интеграции инновационных технологий в данную локацию ощущается в Республике Беларусь. Определение правовой природы объектов, сгенерированных искусственным интеллектом, а также идентификация субъекта прав на них – одна из насущных задач, поставленных Стратегией Республики Беларусь в сфере интеллектуальной собственности до 2030 года.

В актуальной повестке – машинная алгоритмизация нормотворческой деятельности. Эта непростая задача предполагает разработку нормативных правовых актов, регулирующих сферу высоких технологий, а также наличие необходимых технологических решений, обеспечивающих оптимальную степень интеллектуальной поддержки нормотворческого процесса.

Возможны различные сценарии дигитализации нормотворчества: один из них – создание технологий, распознающих естественный, человекочитаемый язык, на котором написаны тексты нормативных правовых актов; другой – конструирование технологий, переводящих правовые нормы в программный код; третий – изначальная формулировка правовых актов в машиночитаемом виде. Проблема в том, что любой вариант дигитализации сопряжен с существенной переработкой правил нормотворческой техники и адаптацией этих правил к новым условиям. В нашей стране еще не произошло такого «срастания юридических и цифровых технологий» [2, с. 60], когда можно было бы приступить к уверенному осуществлению одного из обозначенных сценариев.

Разработки по созданию цифровых платформ смарт-законодательства ведутся сегодня в отдельных правовых порядках. В то же самое время соответствующие правовые порядки, как правило, располагают высоким уровнем технологического суверенитета и им не приходится заимствовать чужие программные продукты. Таким образом, практическое осуществление амбициозной задачи по внедрению искусственного интеллекта в нормотворческую деятельность зависит от степени информационного суверенитета, наличных интеллектуальных и материальных ресурсов.

В качестве яркого примера того, как в этом смысле поступают другие юрисдикции, назовем Сингапур. Специалисты приводят буквально следующую информацию: «в 2020 г. правительством Сингапура было выделило 10,8 миллиона долларов на программу, посвященную управлению исследованиям в области юридических технологий (Legaltech), целью которой является оцифровка различных законов, правил и соглашений в стране.

Грант получен юридическим факультетом Сингапурского университета менеджмента (SMU), на базе которого создан Центр вычислительного права (CCL). Заявленная исследовательская программа рассчитана на 5 лет. В качестве отправного этапа ее реализации были обозначены проектирование и разработка предметно-ориентированного языка компьютерного программирования высокого уровня» [3].

Такие инвестиции и не снились отечественным экспертам, теоретикам и практикам. На фоне приведенного примера мало реалистичным представляется достижение цели по интеграции технологий искусственного интеллекта в нормотворческий процесс. Ресурсы, которые задействованы в нашей республике, просто несопоставимы с тем, что будет на выходе – алгоритмизированный и, как ожидается, усовершенствованный нормотворческий процесс.

Как мы знаем, проблемы в сфере сквозных цифровых технологий, с которыми сталкиваются разные юрисдикции, в чем-то похожи и даже однотипны. Тем не менее, серьезные средства, вкладываемые в профессиональные исследования, значительно повышают шансы на успех. Скромное финансирование соответствующих разработок в Республике Беларусь – далеко не единственная и не главная проблема.

Не стоит забывать, что нормы, которые принимаются в виде компьютерного кода, в конечном итоге будут наделены той же юридической силой, как и нормы, принятые в обычном порядке. Коль скоро речь идет о искусственной алгоритмизации нормотворчества, то необходимо обеспечить прозрачность и подотчетность машинных алгоритмов. Однако же этот важнейший аспект далеко не всегда принимается во внимание. Во всяком случае те белорусские авторы, которые ратуют за скорейшую механизацию нормотворчества и масштабирование данного процесса (ввиду получаемых при этом плюсов), вряд ли задаются вопросом о том, каким именно юридическим и техническим требованиям должны удовлетворять искусственные алгоритмы, насколько эти вещи проверяемы и каких изменений следует ожидать от интегрирования непрозрачных алгоритмов в нормотворчество. Между тем это прагматические и вполне закономерные вопросы, без решения которых не приходится всерьез рассчитывать на получение улучшенного качества нормативного материала. В таком случае рассуждения о пользе искусственной алгоритмизации нормотворческого процесса утрачивают смысл.

Задача не меньшего уровня сложности – аудит (контроль), которым должно сопровождаться применение «умных» технологий на всех стадиях нормотворческого процесса. Получается, что помимо самих технологий интеллектуализации должны присутствовать адекватные возможности проверки их корректной работы с тем, чтобы избежать сбоев, погрешностей и ошибок или хотя бы минимизировать их отрицательные последствия. Отсутствие такой двойной инфраструктуры заставляет сомневаться в том, что дигитализация принесет нормотворческому процессу ожидаемые улучшения.

Иллюзорными представляются надежды на то, что машинная алгоритмизация усовершенствует нормотворческие решения ввиду ускорения обработки данных и генерации правового контента. Как показывает практика, даже элементарные операции по ускоренному сбору и алгоритмической обработке информации нередко открывают ящик Пандоры [4]. Вместо ожидаемого упрощения нормотворческой деятельности, вытеснения на обочину затратного и ненужного человеческого труда и других привилегий искусственный интеллект и агрегированные с ним технологии могут списать со счетов того, кто не выдержит конкуренции с разумными агентами, роботами-советчиками, киборгами, ИИ-ассистентами.

Самым многообещающим технологиям нельзя доверить «организацию смысловой структуры правовых документов» [5, с. 8–9]. Здесь существуют риски, связанные с действием апгрейдов «на основании ценностей, которые человеческие существа не разделяют» [6, с. 11].

В целом можно констатировать, что без трезвого и осторожного отношения «умные» технологии окажутся не только не полезными, но наносящими огромный и непоправимый вред. Важно не допустить превращение предсказаний о цифровом Армагеддоне в реальность. Работа сверхсложных технологических систем связана с большими и непредсказуемыми рисками. При всех оговорках нормотворчество – креативный вид деятельности, в осуществлении которого специалист, профессионал, Человек ни при каких обстоятельствах не заменим машинным интеллектом. Регуляторные решения в соответствующей области должны вырабатываться с учетом незаменимости природного интеллекта искусно смоделированным.

Список использованных источников

1. Синюков, В. Н. Право XX и XXI веков: преемственность и новизна / В. Н. Синюков // Lex russica (Русский закон). – 2021. – № 2. – С. 9–20.

2. Залоило, М. В. Искусственный интеллект в праве: науч.-практич. пособие / М. В. Залоило ; под ред. д-ра юрид. наук, проф. Д. А. Пашенцева. – М. : Инфотропик Медиа, 2021 – 132 с.
3. Legaltech : Singapore Government Pledges \$10.8 Million towards Program Supporting Legal Technology Research, which Will «Digitize» Local Laws // Crowdfund Insider [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.crowdfundinsider.com/2020/03/158943-legaltech-singapore-government-pledges-10-8-million-towards-program-supporting-legal-technology-research-which-will-digitize-local-laws/>. – Дата доступа: 11.04.2024.
4. Сурков, В. Безлюдная демократия и другие политически чудеса 2021 / В. Сурков [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://actualcomment.ru/bezlyudnaya-demokratiya-i-drugie-politicheskie-chudesas-2121-goda-2110111125.html>. – Дата доступа: 22.03.2024.
5. Стризое А. Л. Текст правового документа в информационном обществе / А. Л. Стризое, В. А. Храпова // Язык права: доктрина, практика, тенденции развития : моногр. / кол. авторов; под ред. М. Л. Давыдовой, М. Ю. Козловой. – М. : РУСАЙНС, 2023. – С.8–14.
6. Хлебников, Г. В. Философия информации: Н. Винер, Л. Флориди, Т. Байнам (аналитический обзор) / Г. В. Хлебников // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. – Сер. 3. Философия : Реферативн. журнал. – 2011. – № 2. – С. 5–48.

**ОХРАНА СПОСОБА ЛЕЧЕНИЯ
КАК ОБЪЕКТА ПАТЕНТНОГО ПРАВА:
НАЦИОНАЛЬНАЯ И ЗАРУБЕЖНАЯ ПРАКТИКА**

О.Н. Рубинова

заместитель директора ОДО «Горячко, Недвецкий и партнеры»,
евразийский патентный поверенный
mail@gnp.by

Аннотация. В работе рассмотрены некоторые аспекты охраны интеллектуальной собственности в сфере медицины, позиций национального и зарубежных патентных ведомств по вопросу правовой охраны изобретений, относящихся к методам оказания медицинской помощи. Показаны законодательные возможности переформулирования решений для получения патента на изобретения, относящихся к способам лечения, диагностики и реабилитации.

Ключевые слова: патент; методы оказания медицинской помощи; исключительное право.

Abstract. The article discusses some aspects of intellectual property protection in the field of medicine, positions of national and foreign Patent Offices on the issue of legal protection of inventions related to methods of medical treatment. The articles also discloses legislative options of reformulating solutions for obtaining a patent for inventions relating to methods of treatment, diagnostics and rehabilitation.

Keywords: patent; methods of medical treatment; exclusive right.

Наиболее эффективным с точки зрения охраны и защиты технических решений является патентование результатов интеллектуальной деятельности в качестве изобретений. Характерными объектами патентования в области медицины являются изобретения, представляющие собой устройства, вещества, композиции, а также применение новых и известных веществ и композиций. С такими материальными объектами как устройства медицинского назначения, вещества и композиции особых проблем для патентования не возникает, однако методы оказания медицинской помощи не во всех странах признаны объектами изобретений, чем и задают определенные задачи исследователям и практикам.

Законодательством Республики Беларусь до 7 июля 2018 г. не запрещалась патентная охрана технических решений, относящимся к способам лечения.

В соответствии с действующим законодательством, а именно с п. 3 ст. 2 Закона Республики Беларусь «О патентах на изобретения, полезные

модели, промышленные образцы» от 16 декабря 2002 г. в ред. от 9 января 2023 г. не признаются патентоспособными методы оказания медицинской помощи (медицинской профилактики, диагностики, лечения, медицинской реабилитации и протезирования), а также изобретения, противоречащие общественным интересам, принципам гуманности и морали.

Вместе с тем Республика Беларусь является Договаривающимся государством – участником Евразийской патентной конвенции, ратифицированной 8 мая 1995 г. Патентная инструкция к Евразийской патентной конвенции не содержит запрета для патентования методов оказания медицинской помощи, кроме тех, коммерческое использование которых необходимо предотвратить в целях охраны общественного порядка или морали, включая охрану жизни и здоровья людей и животных. В соответствии с гл. 6 ч. IV Руководства по экспертизе заявок на выдачу патентов на изобретения исключаются из числа охраноспособных как противоречащие морали способы клонирования человека, способы и средства эвтаназии, эксперименты на животных, которые не имеют целью получение пользы для человека или животного.

Таким образом, медицинские методы лечения, диагностики, реабилитации по Евразийской процедуре патентования могут быть защищены как способы на территории Республики Беларусь. В реестре Евразийского патентного ведомства зарегистрировано большое количество таких действующих на территории Беларуси патентов: например, патенты № 42970 «Способ лечения заболевания, связанного с TNF- α » (дата подачи 29.08.2018), № 45873 «Безопасный и эффективный способ лечения псориаза специфичным к ИЛ-23 антителом» (дата подачи заявки – 19.11.2019), № 43005 «Способ лечения межпозвонковых дисков при межпозвонковых грыжах» (дата подачи 27.12.2021).

Такая коллизия порождает правовую неопределённость, как у правообладателей, так и у третьих лиц. Патентообладатель наделен исключительным правом запрещать использование метода оказания медицинской помощи, защищенного патентом, которого по национальному законодательству на территории Беларуси в принципе быть не должно. При рассмотрении споров о нарушении исключительных прав правообладателя или вопросов охраноспособности изобретения на территории Республики Беларусь (при оспаривании решения Апелляционного совета) Коллегия по делам интеллектуальной собственности Верховного суда Республики Беларусь должна применять противоположные нормы, предполагая сразу

несколько вариантов решения одного и того же правового вопроса, тем самым затрудняется правоприменительная деятельность. До настоящего времени судебных разбирательств по делам такого рода в Беларуси еще не было, что, вероятно, связано, в том числе, с трудностями выявления нарушений исключительного права на способ лечения, диагностики, реабилитации с использованием лекарственных средств.

Автор статьи надеется, что законодатель в скором времени установит механизмы разрешения такой коллизии.

В сложившейся ситуации во избежание как судебных разбирательств, так и отказа в предоставлении охраны по национальной процедуре на способы лечения, диагностики и реабилитации, медицинским учреждениям и врачам-изобретателям можно рекомендовать патентовать применение нового вещества или композиции в способе хирургии, терапии или диагностики. Это приводит к формуле «применение продукта с определенным назначением», имеющей следующий вид:

Применение вещества или композиции X [конкретные характеристики вещества или композиции] в медицинском методе Y.

Любой метод, исключаемый в соответствии с п.3 ст.2 Закона, теоретически может быть представлен в таком формате формулы, если только метод основан на действии вещества или композиции. Новизна и изобретательский уровень такого пункта могут быть получены из применяемого вещества или композиции.

Если вещество или композиция уже использовались ранее в медицине, то для охраны конкретного нового способа применения может быть использован пункт формулы на продукт с определённым назначением. Новым способом применения может быть новое заболевание, подлежащее лечению, или другой способ лечения того же заболевания, которое ранее лечилось этим продуктом. Новизна и изобретательский уровень могут быть основаны на характеристиках или этапах способа, указанных в пункте формулы, например, новая дозировка, новый способ введения, новый режим введения или новая группа пациентов. Такие конкретные новые способы могут быть защищены формулой изобретения в следующем формате:

Применение вещества или композиции X для лечения заболевания Y, включающее [конкретные действия способа].

Примером служит патент на изобретение Республики Беларусь № 24115 «Средство для лечения акушерской раны, осложненной гипотони-

ей матки», в котором защищено применение раствора левофлоксацина в объеме 20 мл, разведенного в 20 мл хлоргексидина для лечения акушерской раны, осложненной гипотонией матки, при котором осуществляют введение раствора с помощью шприца в полость матки струйно 1 раз в сутки в течение 5 дней.

Таким образом, поскольку методы оказания медицинской помощи, к которым относятся способы лечения заболеваний (в том числе хирургическое воздействие), симптоматической терапии или профилактического лечения исключены из числа патентуемых в соответствии со ст.2 Закона, наличие одного этапа, оказывающего терапевтический, реабилитирующий, профилактический эффект, делает пункт формулы на способ лечения непатентоспособным, но открывает возможность его переработки в пункт формулы на применение продукта по определенному назначению.

Стоит отметить, что положение п.3 ст.2 Закона Республики Беларусь «О патентах на изобретения...», определяющее методы оказания медицинской помощи как решения абсолютно непатентоспособные, не конкретизирует объект, которому оказывают медицинскую помощь. В соответствии со ст.1 Закона «О здравоохранении» медицинская помощь подразумевает комплекс услуг, направленных на сохранение, укрепление и восстановление здоровья пациента. В то же время, в «Медицинском толковом словаре» дано определение медицины как науки и практики диагностики, лечения и предотвращения различных заболеваний без указания только человека как объекта.

Применим ли термин медицинская помощь исключительно в отношении людей? Можно ли использовать термин «медицинская» к оказанию помощи животному? Термин ветеринарная медицина широко используется в обществе, например, факультет ветеринарной медицины «Витебской государственной академии ветеринарной медицины» готовит абитуриентов по специальности врач ветеринарной медицины.

По мнению автора, формулировка п.3 ст. 2 Закона об изобретениях позволяет двоякое прочтение положения о запрете методов оказания медицинской помощи.

Как видно из государственного реестра изобретений, экспертиза выносит положительное решение о выдаче патента на изобретения, преследующие терапевтические, хирургические, диагностические цели, которые применяются к животным.

Например, патенты Республики Беларусь на изобретения:

№ 24151 «Способ снижения эмбриональных потерь у крысы при смоделированном глубоком термическом ожоге кожи, полученном в раннем периоде беременности» (дата подачи – 22.07.2022),

№ 24129 «Способ комбинированного лечения перевитой подкожно лимфосаркомы Плисса в эксперименте *in vivo* (дата подачи – 15.09.2022),

№ 24225 «Способ лечения острого экспериментального панкреатита у лабораторного животного» и т.д.

Таким образом, запрет по закону на патентование методов оказания медицинской помощи патентное ведомство относит только к людям, а оказание медицинской помощи животным является потенциально патентоспособным. По мнению автора, в положении Закона об изобретениях, о запрете методов оказания медицинской помощи необходимо либо конкретизировать объект, либо сослаться на Закон о здравоохранении.

Российским патентным законодательством, в отличие от белорусского национального законодательства, таким объектам как методы оказания медицинской помощи правовая охрана в качестве изобретений предоставляется. В качестве исключения следует указать решения, касающиеся способов, связанных с модификацией генома и клонированием человеческого организма и его эмбрионов, решения, нарушающие нормы морали и нравственности, применение методик нетрадиционной медицины (в данном случае речь идет об использовании в регистрируемой технологии непризнанных официальной наукой явлений, например, таких как биоэнергетические поля, торсионные поля, экстрасенсорика, свойства космической энергии и т.д. – ввиду отсутствия промышленной применимости).

Способы лечения, заявляемые на выдачу патента в ФИПС, условно разделены на три группы. К первой группе отнесены способы лечения, предусматривающие использование известных лекарственных средств или физических факторов, в которых они выполняют присущую им функцию. Патентоспособность таких изобретений, как правило, определяется изменением режимов, новыми сочетаниями или дозировкой препаратов, выбором новой мишени. В этом случае для подтверждения реализации заявленного назначения может быть достаточно теоретического обоснования на основании уровня техники.

Ко второй группе отнесены способы, основанные на применении известных веществ по новому назначению или на использовании их но-

вого свойства с обеспечением нового, ранее неизвестного результата. В этом случае теоретических рассуждений недостаточно, и следует привести экспериментальные доказательства на живой модели или клинические данные.

Третья группа – способы с использованием новых биологически активных веществ или факторов, а также известных, но впервые применяемых в медицине веществ. Эта группа по необходимому объему представляемых данных сходна со второй группой, но предполагает дополнительное раскрытие выбираемых доз и режимов, поскольку средство не использовалось ранее в медицине.

По мнению российской общественности [1,2,3], патентование лечения продвигает медицинские знания, поощряя разработку новых лекарственных средств и хирургических методов, которые, в свою очередь, увеличивают общественное благо и, в частности, качество медицинской помощи сообщества. Патентование способов лечения также будет выполнять стимулирующую функцию, так как выплаты вознаграждений по лицензионным договорам покроют расходы медицинских работников и медицинских учреждений на проведение клинических испытаний и оплату патентных пошлин.

В мировой научной литературе отмечается неоднозначность позиций по такому вопросу.

Верховный суд США признает непатентоспособными способы диагностики, если они представляют собой доказательство общеизвестного естественного закона, исходя из того, что, если способ не создает принципиально новое решение, а только демонстрирует и доказывает явление, встречаемое в природе, это не может считаться изобретением. Однако при этом, способы лечения признаются потенциально патентуемыми изобретениями, когда в ходе клинических испытаний доказана определенная взаимосвязь использования лекарственного средства и состояния испытуемого с учетом его заболевания и биологических особенностей.

Способ медицинского лечения не подлежит патентованию в Канаде. Этот запрет обусловлен опасением, что предоставление монополии на способы медицинского лечения пациента может помешать врачам в их умениях и суждениях при лечении пациентов.

В отличие от формулы на способ медицинского лечения, формула на применение соединения или устройства для медицинского лечения забо-

лечения может быть охраноспособной, если она не ограничивает квалификацию и суждения врача. Например, в Канаде патентоспособным объектом считается решение, описываемое в пункте формулы следующего вида:

Применение соединения X для лечения расстройства Y.

Приведенный выше пункт формулы относится к использованию продаваемого продукта (т.е. соединения X) для лечения расстройства Y и не охватывает никаких действий врача по своему усмотрению во время лечения.

Однако, как только в формуле на применение вещества появляется диапазон дозирования соединения, как например:

Применение соединения X для лечения расстройства Y в диапазоне от 13 до 15 мг/кг/день, изобретение будет признано неохраноспособным, поскольку врач должен выбрать какую дозировку назначить для лечения.

В отличие от подходов белорусского патентного ведомства изобретение, охарактеризованное в формуле, относящейся к применению фармацевтической композиции, вводимой в суточной дозе 13-15 мг/кг для лечения первичного билиарного цирроза, было признано Федеральным судом Канады способом медицинского лечения. Федеральный суд постановил, что «существует различие между дозировкой в капсуле и диапазоном дозировок, основанным на весе пациента... в формуле патента акцент делается на диапазоне дозировок, а диапазон дозировок не является товарным продуктом, следовательно, врач должен решить в какой дозировке пациенту следует применять указанный продукт» [4].

Формулировка «применение» в преамбуле пункта формулы не является определяющей для патентоспособности. Вместо этого законодательство Канады предписывает необходимость проанализировать всю формулу, чтобы определить, посягает ли она на умение и навыки врача и может ли считаться способом лечения. При этом немедицинское лечение, способы диагностики, способ косметического лечения, способ лечения естественного состояния (в отличие от патологического состояния), такого как старение или беременность, не исключаются из охраны.

В Европейских странах в соответствии со ст. 53 Европейской патентной конвенции не являются объектами исключительных прав способы лечения людей, животных с помощью хирургических или терапевтических методов, а также методы диагностики, применяемые для людей и животных. Однако, новые вещества, используемые для лечения, диагностики, применение известных веществ по новому назначению

не исключаются из объектов охраны в качестве изобретений. Следует отметить, что не все способы хирургического вмешательства исключены из объектов исключительного права. Так, если дело касается косметического хирургического вмешательства, преследующего цель улучшения эстетического внешнего вида человека, то такое вмешательство как способ медицинского воздействия может потенциально быть защищен в качестве изобретения [5]. Например, способ хирургического вмешательства для получения худощавой фигуры, патентоспособен, а тот же способ для лечения ожирения – исключен из охраны. Таким образом, те действия медицинской помощи, которые преследуют цель – поддержание или восстановления здоровья человека или животного, не являются объектами изобретения.

Запрет на патентование способов лечения, сформулированный в положениях Европейской патентной конвенции, основывается на том, что медицинские услуги являются специфическим видом услуг, оказываемых медицинскими работниками, несущими огромную ответственность за жизнь и здоровье пациентов, поэтому нельзя расценивать медицинское ремесло как банальную торговлю услугами.

Государства и наднациональные объединения определяют стратегию патентования медицинских технологий и инновационных решений фармацевтических компаний, опираясь на медико-социальные аспекты. Медицина тесно связана с биоэтикой, грань которой четко не определена. Этот вопрос лежит не только в этической, но и правовой плоскости, поскольку связан с возможностью получать монопольное право на осуществление или применение определенных методов оказания медицинской помощи в лечебных учреждениях, запрещая другим лечебным учреждениям оказывать идентичную медицинскую помощь, что можно рассматривать как необоснованное противопоставление интересов патентообладателя интересам общества. По мнению автора статьи, за счет патентования способов лечения с использованием уже защищенного более ранним патентом действующего вещества/композиции/лекарственной формы, продлевается срок монополизации рынка правообладателем. До истечения срока патентной защиты по такому патенту способ лечения не может включаться в инструкцию по медицинскому применению лекарственного препарата. Кроме того, продление монополии правообладателя мешает введению в гражданский оборот генериков, цена которых ниже оригинальных лекарственных средств, ограничивая тем самым их доступность для пациентов.

Таким образом, по мнению автора, для повышения доступности лекарственных средств для пациентов из-за конкурентного снижения цен на них, реализации возможности получения медицинской помощи в любом учреждении здравоохранения, запреты и ограничения на патентование методов оказания медицинской помощи на территории Республики Беларусь видятся оправданными.

Выводы:

1) Патентное право Республики Беларусь исключает из охраны решения, относящиеся к методам оказания медицинской помощи, при этом применение веществ, композиций, лекарственных средств в методах оказания медицинской помощи являются патентоспособными.

2) Существует законодательный пробел в регулировании правоотношений в случае существования Евразийского патента, защищающего способ лечения, действующего на территории Республики Беларусь, до сих пор не восполненный ни судебной практикой, ни нормативными актами.

3) Изучение законодательства и правоприменительной практики может помочь как при совершенствовании национального законодательства, так и при уточнении методики патентной экспертизы.

Список использованных источников

1. Гайдук, И. Е. Способ лечения как объект патентного права / И. Е. Гайдук, Н. А. Новокшонова // Журнал Суда по интеллектуальным правам. – 2018. - № 21. - С. 51-60.
2. Кравченко, Н. В. Патентование и внедрение медицинских технологий в России: теоретические и практические аспекты / Н. В. Кравченко // Актуальные проблемы российского права. - 2023. - Т. 18, № 11. - С. 83-96.
3. Шахматова, Т. Б. Особенности реализации исключительного права на изобретение, относящееся к способу диагностики, лечения, профилактики заболеваний людей и распоряжения данным правом / Т. Б. Шахматова, М. В. Никитина // Вестник трансплантологии и искусственных органов. – 2009. - № 11. - С. 81-85.
4. What is a Method of Medical Treatment? // YORKU. - URL <https://www.yorku.ca/osgoode/iposgoode/2021/12/03/what-is-a-method-of-medical-treatment/> (дата обращения: 18.05.2024).
5. Ford, H. Patentability of Medical Methods in Europe / Hazel Ford, Philip L. Cupitt // Finnegan. – URL: <https://www.finnegan.com/en/insights/blogs/european-ip-blog/patentability-of-medical-methods-in-Europe.html> (дата обращения: 18.05.2024).

ЗАЩИТА ПРАВ АВТОРОВ ОНЛАЙН-КУРСОВ

К.Д. Савицкая

*магистр юридических наук, старший преподаватель кафедры гражданского права
учреждения образования «Полоцкий государственный университет
имени Евфросинии Полоцкой»
ул. Блохина. 29, 211440, Новополоцк, Республика Беларусь
kristina-leonkina@yandex.ru*

Аннотация. В статье рассматривается проблема защиты прав авторов онлайн-курсов. Отсутствие специального правового регулирования онлайн-курса как объекта авторского права, на практике порождает негативные последствия в виде неопределенности механизмов защиты прав его авторов. В статье проанализированы способы защиты авторских прав на онлайн-контент.

Ключевые слова: автор; авторское право; депонирование; защита авторских прав; интеллектуальная собственность; нарушение авторских прав; онлайн-курс; онлайн-образование.

Abstract. The article considers the problem of protecting the rights of authors of online courses. The absence of special legal regulation of an online course as an object of copyright, in practice, gives rise to negative consequences in the form of uncertainty of mechanisms for protecting the rights of its authors. The article analyzes the methods of illegal use of online course materials, and examines methods of protecting copyrights to online content.

Keywords: author; copyright; depositing; copyright protection; intellectual property; intellectual property rights violation; online course; online education.

Основной проблемой защиты прав авторов онлайн-курса является неопределенность их правового режима, обусловленная сложностью их структуры, поскольку они объединяют множество разнородных элементов разных институтов правовой охраны прав на объекты интеллектуальной собственности [1, с.111].

Действующее законодательство не раскрывает понятие «онлайн-курс». Необходимо определить, является ли онлайн-курс объектом авторского права. В Гражданском кодексе Республики Беларусь нет прямого указания о том, что онлайн-курс можно отнести к объектам авторского права. Вместе с тем, в соответствии с пп.11 п.1 ст. 993 Гражданского кодекса перечень объектов авторского права не является исчерпывающим. Согласно п.1 ст. 992 Гражданского кодекса, авторское право распространяется на произведения науки, литературы и искусства, являющиеся результатом творческой деятельности, независимо от назначения и достоинства произведения,

а также от способа его выражения. Следовательно, если онлайн-курс является результатом творческой деятельности, выраженным в объективной форме, то он будет являться объектом авторского права.

Выбор способа защиты прав авторов онлайн-курса зависит от его содержания. Способ защиты визуального контента и самой идеи различается.

В Республике Беларусь идеи, методы, способы, принципы не охраняются авторским правом (п. 2 ст. 7 Закона Республики Беларусь от 17 мая 2011 года № 328-З «Об авторском праве и смежных правах»). Для защиты идей, концепций, информации о разрабатываемом онлайн-курсе отдельные правообладатели используют институт коммерческой тайны. Для защиты методов и способов обучения - патент на изобретение. Правовая защита методов и способов обучения используется, как правило, для предотвращения недобросовестного использования конкурентами таких методов, а также в целях получения прибыли от продажи разрешений на их использование.

Защитить контент онлайн-курса можно с помощью определения условий его использования. Правообладатели могут включить раздел, посвященный интеллектуальной собственности в оферту о заключении договора оказания услуг для пользователей онлайн-курса, конкретизируя права и обязанности пользователей, а также размер ответственности за нарушение прав на объекты интеллектуальной собственности.

Например, в п. 1.3 публичной оферты по оказанию услуг ЧУП по оказанию услуг «Юридическая компания Ильи Латышева» заказчик не имеет права передавать ссылки на видеоматериалы исполнителя третьим лицам. В случае нарушения данного условия, заказчик должен уплатить исполнителю штраф в размере 100 (ста) базовых величин, действующих на день уплаты штрафа (п.5.2 указанной публичной оферты) [2].

Размер компенсации определяется в зависимости от масштаба нарушения, количества нарушений, репутационного ущерба, срока при котором допущено нарушение и иных заслуживающих усмотрения обстоятельств, включая реальный ущерб и упущенную выгоду» [3]. Отдельные правообладатели устанавливают более высокий размер штрафа за распространение материалов их продукта на сайтах-складчинах, чем за распространение продукта иными путями [4]. Указанные способы позволяют защитить контент онлайн-курса и предоставляют юридические доказательства ознакомления пользователя с условиями предоставления прав на него.

Еще один превентивный способ защиты прав на обучающие материалы онлайн-курса – размещение его на специальных платформах со встроенными

механизмами и технологиями защиты контента, которые затрудняют загрузку и использование материалов без согласия автора. Например, на платформе GetCourse встроена защита от складчины: функционал включает в себя запрет одновременной авторизации, поиск подозрительных профилей и закрытие урока, если он открыт с нескольких устройств. На платформе для онлайн-обучения Learme доступ к объекту предоставляется с конкретных доменов, доступны водяные знаки и защита от скачивания [5].

Некоторые правообладатели используют многофакторную аутентификацию (MFA) для получения доступа к курсу. Этот процесс подтверждения личности пользователя с помощью нескольких методов проверки, таких как пароль и SMS-код или биометрические данные, значительно усложняет несанкционированный доступ к контенту.

Одним из способов подтверждения существования произведения в определенный момент времени является депонирование - регистрация произведения и принятие на хранение в течение определенного времени экземпляра произведения, а также документов и материалов, содержащих информацию об этом произведении [6, с.17]. Таким образом, депонирование – это фиксация копии произведения, производимая лицом в добровольном порядке. Процедуру депонирования в Республике Беларусь осуществляет Национальный центр интеллектуальной собственности.

Целью депонирования произведения является дополнительное удостоверение фактов:

- существование произведения на определенную дату;
- указание лица в качестве автора или иного правообладателя на экземпляре произведения на определенную дату;
- указание сведений, содержащихся в заявке на оказание услуг и прилагаемые к ней документы и материалы [6, с.17].

Способность защитить права автора по белорусскому законодательству не связана с депонированием. Депонирование не гарантирует правообладателю, что его исключительные права не будут нарушены, и что правообладателю не придется предоставлять дополнительные доказательства в суде для подтверждения своих прав на онлайн-курс. Депонирование лишь подтверждает существование в определенный момент времени экземпляра определенного произведения.

На основании проведенного исследования, можно сделать следующие выводы.

Анализ судебной практики демонстрирует, что авторы и правообладатели онлайн-курсов сталкиваются с разнообразными способами нарушения авторских прав. Распространённым нарушением авторских прав на онлайн-курс являются:

- копирование материалов онлайн-курса и его распространение на безвозмездной основе без согласия правообладателя;
- копирование и распространение материалов онлайн-курса с целью получения прибыли без разрешения правообладателя;
- изучение материала онлайн-курса и перезапись его от своего имени;
- копирование и размещение отдельных элементов онлайн-курса на других интернет-платформах с целью бесплатного распространения или перепродажи;
- размещением материалов онлайн-курса на платформах «складчины».

Выбор способа защиты прав авторов онлайн-курса зависит от его содержания. Способы защиты визуального контента, идей и методов онлайн-курса различаются, поскольку последние не охраняются авторским правом.

Список использованных источников

1. Савицкая, К. Д. Правовой режим массовых открытых онлайн-курсов / К.Д. Савицкая // Правовая защита интеллектуальной собственности: проблемы теории и практики : электрон. сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф., Новополоцк, 26 мая 2023 г. / редкол.: В. А. Богоненко (отв. ред.) [и др.]. – Новополоцк : Полоц. гос. ун-т им. Евфросинии Полоцкой. – 2023. – С. 111–115.
2. Публичная оферта по оказанию услуг 30 октября 2023 г. // Авторская обучающая программа ИДИР. – URL: <http://www.ilat.info/wp-content/uploads/2023/11/publichnaya-oferta-na-dogovor.by-ЮКИЛ.pdf>. (дата обращения: 12.04.2024).
3. Оферта о заключении договора оказания услуг // Авторская обучающая программа ИДИР. – URL: <https://www.idir.ru/offer-20190522.html?ysclid=m03wi5kvr937286328> (дата обращения: 12.04.2024).
4. Договор-оферта на оказание услуг по проведению образовательных курсов // 101 секрет любви. – URL: http://101lovesecret.ru/wppage/soglash_oferta/ (дата обращения: 12.08.2024).
5. 5. Как защитить инфопродукт от слива, складчины и воровства? // n'RIS. – URL: <https://nr.is.ru/blog/kak-zashitit-infoproduct-ot-sliva-skladchiny-i-vorovstva/> (дата обращения: 07.08.2024).
6. Ильина, О. Добровольная регистрация и депонирование объектов авторского права в Национальном центре интеллектуальной собственности / О. Ильина, В. Шадрина // Интеллектуальная собственность в Беларуси. – 2022. – № 1. – С.16–20.

СООТНОШЕНИЕ ДОМЕННОГО ИМЕНИ С ОХРАНЯЕМЫМИ СРЕДСТВАМИ ИНДИВИДУАЛИЗАЦИИ

Т.В. Семёнова

*старший преподаватель кафедры гражданского права юридического факультета
учреждения образования «Полоцкий государственный университет
имени Евфросинии Полоцкой»
t.siamionava@psu.by*

Аннотация. *Статья посвящена анализу соотношения доменного имени с охраняемыми средствами индивидуализации. Сделан вывод о недостатке законодательного регулирования правоотношений по регистрации и использованию доменных имен в Республике Беларусь, что приводит к значительному ослаблению положения правообладателя доменного имени перед исключительным правом на охраняемые средства индивидуализации.*

Ключевые слова: *знак обслуживания, доменное имя; коммерческая ценность; средство индивидуализации; товарный знак; фирменное наименование; функция индивидуализации.*

Abstract. *The article is devoted to the analysis of the correlation between a domain name and protected means of individualization. The author concludes that there is a lack of legislative regulation of legal relations on registration and use of domain names in the Republic of Belarus, which leads to a significant weakening of the position of the domain name right holder before the exclusive right to protected means of individualization.*

Keywords: *service mark, domain name; commercial value; means of individualization; trademark; trade name; individualization function.*

Вероятность воспроизведения охраняемых средств индивидуализации, (товарных знаков, знаков обслуживания, географических указаний, личных имён и проч.) в доменном имени дала начало длительной проблеме соотношения прав правообладателя доменного имени с правами на данные обозначения.

Представляется, что доменное имя может обладать собственной ценностью, когда стало общеупотребительным названием (указателем) полностью взаимосвязанную у потребителей (пользователей) с интернет-сайтом и содержанием интернет-ресурса, к примеру, «oz.by», «kufar.by», «onliner.by» и проч. Доменное имя само по себе являет ценность, не будучи зарегистрированным для определенного товарного знака.

По мнению А. Осокина, сегодня Интернет больше не является каналом передачи информации из реального мира в виртуальный, он сам становится

рынком осуществления сделок [1, с. 35]. При этом доменное имя является важным самостоятельным объектом данного рынка. Выявление данной проблемы показывает неизбежность дальнейшего совершенствования законодательства о правовой охране доменных имён.

Правовая коллизия доменного наименования и товарного знака разрешима в случае адекватного национального законодательного регулирования в данной сфере, включающего, помимо всего прочего, четко прописанный принцип приоритетной регистрации доменных имен для правообладателей одноименных товарных знаков. Нарушение прав владельцев товарных знаков происходит независимо от уровня домена: «использование товарного знака может иметь место не только в домене второго, но и третьего, четвертого и других уровней» [2, с. 74].

Столкновение прав на доменное имя и прав на охраняемые средства индивидуализации происходит по причине схожих функций данных объектов, только у доменного имени функция индивидуализации является вторичной, т.е. факультативной по своей правовой природе.

Стоит отметить, что доменные имена могут совпадать полностью или частично с охраняемыми средствами индивидуализации, а также личными именами, которые могут быть зарегистрированными лицами, абсолютно несвязанными этими объектами.

В п.7 Инструкции № 47 сказано: «При выборе доменного имени, в том числе в случае его регистрации по результатам проведения аукциона, заявителю следует избегать названий, тождественных или сходных до степени смешения с наименованиями зарегистрированных средств индивидуализации участников гражданского оборота, товаров (работ, услуг), если заявитель не является обладателем права на фирменное наименование, владельцем товарного знака и знака обслуживания, лицом, обладающим правом пользования географическим указанием» [3].

Соответственно, регистрант доменного имени несет ответственность как за выбор доменного имени, так и за возможные нарушения прав третьих лиц, связанные с выбором и регистрацией домена, несет риск убытков, обусловленных такими нарушениями.

Вполне закономерно, что это обстоятельство возложения ответственности на регистранта привело к судебным разбирательствам в виду регистрации доменных имён, соответствующим охраняемым средствам индивидуализации, личных имён и псевдонимов как в Республике Беларусь, так и за рубежом (с учётом такой же ситуации с возложением ответственности

на регистранта). В силу природной уникальности доменного имени в каждой доменной зоне подобные регистрации были препятствием для реализации исключительного права на охраняемые средства индивидуализации либо неотчуждаемого субъективного права на имя.

Доменные имена, которые на сегодняшний день не имеют четко прописанного на законодательном уровне режима, по всей видимости, из всех объектов гражданского оборота ближе всего стоят именно к данной категории объектов права – средствам индивидуализации участников гражданского оборота, товаров, работ и услуг. По этой причине следует акцентировать внимание на сходствах и различиях между доменным именем и объектами интеллектуальной собственности в целях определения места доменного имени в гражданском сегменте законодательного комплекса Республики Беларусь.

Говоря о средствах индивидуализации участников гражданского оборота, товаров, работ или услуг объекта, особо стоит отметить связь именно товарного знака и доменного имени, которые чаще всего и становятся предметом судебных разбирательств, как в отечественной, так и зарубежной судебной практике.

Доменные имена не отнесены белорусским законодательством к охраняемым результатам интеллектуальной деятельности и средствам индивидуализации: защите подлежит не само доменное имя, а охраняемое средство индивидуализации, если оно содержится в доменном имени.

Наличие конфликтов между правообладателями охраняемых средств индивидуализации и правообладателями доменных имен, которые первоочередно преследуют цель установить, кто имеет право использовать обозначение в доменной зоне (а иногда в нескольких доменных зонах), связано с рядом причин:

- доменное имя является уникальным для своей доменной зоны, соответственно регистратор доменного имени обладает «монопольным» правом на наименование (указатель);

- необходимость и возможность обладателей исключительных прав на средства индивидуализации обозначить своё присутствие в цифровом пространстве с идентичным доменным именем (к примеру, товарный знак «GEELY» номер регистрации 34765 – доменное имя «geely.by», товарный знак «АТЛАНТ» номер регистрации 6517 – доменное имя «atlant.by»);

- наличие у доменного имени факультативной функции индивидуализации, что означает наличие коммерческой ценности – реальной или потенциальной.

Может сложиться так, что лиц, желающих стать правообладателем, будет больше, чем лиц, которые этим правом могут реально обладать. К примеру, правообладатели аналогичных товарных знаков, зарегистрированных в отношении товаров или услуг с различными классами международной классификации товаров и услуг (далее – МКТУ), фирменных наименований, но только один может использовать обозначение в доменной зоне «.by». При этом лицо, уже использующее доменное имя, может быть не связанным с правообладателями, используя доменное имя в некоммерческих целях (научные, общественные либо личные цели). Например, общество с ограниченной ответственностью «Производственно-коммерческая фирма "ШАНС"» – товарный знак «ШАНС» номер регистрации 8807: 25 кл., 35 кл., 37 кл., 39 кл., Международный благотворительный фонд помощи детям «Шанс» (регистрационный номер 805001111) – доменное имя «chance.by», кроме того зарегистрированы Благотворительное общественное объединение помощи беспризорным животным «ШАНС» (регистрационный номер 390540880), ОБЛАСТНОЙ СПОРТИВНЫЙ КЛУБ ИНВАЛИДОВ «ШАНС» (регистрационный номер 300080668), Крестьянское (фермерское) хозяйство «Шанс» (номер регистрации 700005686) и проч.

Разрешение споров между правообладателями доменных имен и правообладателями сходных обозначений осложнено рядом причин:

- отсутствие законодательного регулирования отношений, связанных с использованием доменных имен и правовой охраной доменных имён;

- отсутствие правового регулирования пределов осуществления исключительных прав в цифровом пространстве.

Как отмечает Р.В. Козорезова «Отсутствие законодательного регулирования отношений, возникающих в результате использования доменных имен, затрудняет и усложняет подготовку исков по данной категории дел адвокатами и рассмотрение судом споров о доменных именах. Среди проблем, возникающих при рассмотрении таких споров, можно выделить следующие:

- определение источников правового регулирования анализируемых правоотношений;

- решение вопросов о применимом праве, юрисдикции и других вопросов международного частного права в сфере интеллектуальной собственности;
- сбор доказательств при рассмотрении споров о правонарушениях в сети Интернет;
- реальное исполнение судебных постановлений, вынесенных по спорам об использовании объектов интеллектуальной собственности в сети Интернет и др.» [4].

Недостаток законодательного регулирования правоотношений по регистрации и использованию доменных имен в Республике Беларусь приводит к значительному ослаблению положения правообладателя доменного имени перед исключительным правом на охраняемые средства индивидуализации.

Например, совпадение доменного имени и товарного знака трактуется в Республике Беларусь как использование товарного знака, фирменного наименования правообладателем доменного имени, а отсутствие у него средств индивидуализации приравнивается к отсутствию прав на доменное имя [5; 6; 7]. Подобная практика приводит к достаточно простому механизму фиктивной защиты прав на товарный знак с целью последующего получения желаемого доменного имени.

Законодательное регулирование соотношения прав на доменное имя и охраняемые средства индивидуализации ограничивается следующими положениями законодательства:

- п.2 ст. 1014 ГК «Коммерческая организация имеет исключительное право использовать свое фирменное наименование в качестве средства индивидуализации любым не противоречащим закону способом, в том числе на товарах, их упаковке, в рекламе, вывесках, проспектах, печатных изданиях, официальных бланках и иной документации, связанной с ее деятельностью, а также при демонстрации товаров на выставках и ярмарках, которые проводятся на территории Республики Беларусь, в глобальной компьютерной сети Интернет (в том числе в доменном имени, при иных способах адресации)» [8].
- п. 1.5 ст. 20 Закона Республик Беларусь «О товарных знаках и знаках обслуживания «Использование товарного знака для индивидуализации товаров, в отношении которых зарегистрирован товарный знак, осуществляется в том числе путем применения товарного знака: в глобальной ком-

пьютерной сети Интернет (в том числе в доменном имени, при иных способах адресации) [9].

Следует особо отметить, что в п.2 Модельного Закона «О цифровых правах» указывается: «Обладатель домена вправе использовать доменное имя, в том числе путем создания поддоменов, размещения рекламы и другими не противоречащими закону и нормам морали и нравственности способами. Право на доменное имя может быть использовано только одним лицом – обладателем домена либо лицом, которому право на использование доменного имени предоставлено по договору с обладателем домена» [10].

Безусловно, совпадение доменного имени и товарного знака либо фирменного наименования не будет однозначно удостоверять использование охраняемого средства индивидуализации или намерение правообладателя доменного имени его использовать.

Соответственно, для установления нарушения исключительных прав на товарный знак необходимо наличие следующих составляющих:

1) тождественность или сходство до степени смешения с зарегистрированным на территории Республики Беларусь товарным знаком, знаком обслуживания;

2) использование доменного имени в критерии направленности на территорию Республики Беларусь;

3) использование доменного имени для деятельности, вида товаров или услуг, в отношении которых этот охраняемое средство индивидуализации зарегистрировано либо однородно (п.3. ст. 3 Закона Республики Беларусь «О товарных знаках и знаках обслуживания»: «Нарушением исключительного права на товарный знак признается использование товарного знака или обозначения, сходного с ним до степени смешения, без разрешения владельца товарного знака, выражающееся в совершении действий, предусмотренных пунктом 1 статьи 20 Закона, в отношении однородных товаров, а также неоднородных товаров, обозначенных товарным знаком, признанным общеизвестным в Республике Беларусь»).

Несоблюдение хотя бы одного из факторов будет исключать использование товарного знака, знака обслуживания либо фирменного наименования.

По делу N 12-01/70-2020 «Доказательств, подтверждающих использование ответчиками обозначения i....a.by в отношении услуг, для которых на имя истца на территории Республики Беларусь знаку обслуживания "I....A" была предоставлена правовая охрана, суду не представлено». Судебная

коллегия по делам интеллектуальной собственности Верховного Суда Республики Беларусь решила: «К. в удовлетворении иска к совместному обществу с ограниченной ответственностью "И" и Б. о пресечении действий, нарушающих исключительное право на знак обслуживания по свидетельству Республики Беларусь N 63135, а также в требовании о возмещении судебных расходов по уплате государственной пошлины за подачу в суд искового заявления, отказать» [11].

Есть примеры подобных судебных решений в Российской Федерации: Решение Арбитражного суда Приморского края от 13.02.2012 по делу № А51- 15824/2011 [12], Решение Арбитражного суда г. Москвы от 04.05.2021 по делу № А40-95186/20-27-705 [13].

Стоит отметить, что использование доменного имени в некоммерческих целях (например, блог, научно-просветительский либо благотворительный информационный ресурс, и проч.), не создающего смешения с правообладателем товарного знака, нельзя квалифицировать как нарушение его исключительных прав.

При этом судебная коллегия исходит из того, что оценка однородности деятельности сторон по данной категории споров является обязательной, поскольку именно использование ответчиком в доменном имени обозначения, сходного до степени смешения с фирменным наименованием истца, при производстве однородных товаров и (или) оказании однородных услуг, в том числе посредством сети Интернет, может расцениваться как нарушение исключительного права на принадлежащее истцу средство индивидуализации» [14].

В связи с вышеизложенным актуальны следующие авторские предложения:

В случае, если доменное имя полностью или частично воспроизводит, сходно до степени смешения с охраняемым средством индивидуализации участников гражданского оборота, товаров работ или услуг, права на которое принадлежат третьему лицу, при использовании доменного имени для деятельности, вида товаров или услуг, в отношении которых этот охраняемое средство индивидуализации зарегистрировано либо однородно, регистрация доменного имени должна быть аннулирована принудительно в судебном порядке либо добровольно по соглашению сторон. Приоритет даты регистрации доменного имени, используемого для неоднородной деятельности, иных вида товаров или услуг, в отношении которых охраняемое средство индивидуализации зарегистрировано, является основанием для отказа в защите исключительного права.

Если же признать, что доменное имя – это товарный знак, используемый в цифровом пространстве, то прекращение права на товарный знак неизбежно должно вести к потере права лица и на доменное имя.

Говоря о средствах индивидуализации и их связи с доменными именами, стоит отдельно выделить средства индивидуализации, используемые физическими лицами, – имена и фамилии. Так как доменное имя может воспроизводить имя и/или фамилию лица, что может быть расценено как нарушение прав гражданина, данных ему ГК, в частности, статьей 18 пунктом 5: «Вред, причиненный гражданину в результате неправомерного использования его имени, подлежит возмещению в соответствии с законом». При этом в случае искажения либо использования имени гражданина способами или в форме, затрагивающими его честь, достоинство или деловую репутацию, применяются правила, предусмотренные статьей 153 ГК «Защита чести, достоинства и деловой репутации» [8].

Взаимосвязь этих двух категорий вытекает также из того факта, что в большинстве стран мира, в том числе и в Республике Беларусь, запрещено такое использование имени физического лица, которое создавало бы впечатление, что информация содержащаяся на сайте с одноименным доменным именем, публикуется с одобрения носителя или самим носителем данного имени. Конечно, в связи с вышеизложенным возникает множество противоречий (к примеру, однофамильцы, граждане с идентичными именами и фамилиями), которые не могут быть предусмотрены законодательством в полном объеме и поэтому должны рассматриваться судами в индивидуальном порядке.

Итак, конфликты между правообладателями доменных имен и правообладателями охраняемых средств индивидуализации не ограничиваются совпадением обозначений и однородностью товаров и услуг. Тем не менее, слишком узкая направленность норм об использовании товарных знаков и фирменных наименований и отсутствие других норм в гражданском законодательстве создают дополнительные сложности в правоприменительной практике.

Список использованных источников

1. Осокин, А. Правовой статус наименований доменов: соотношение наименований доменов и товарных знаков / А. Осокин // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. – 2002. – № 7. – С. 34–35.

2. Серго, А. Г. Доменные имена / А. Г. Серго. – М. : Бестселлер, 2006. – 368 с.
3. О регистрации доменных имен в национальной доменной зоне: Приказ Оперативно-аналитическим центра при Президенте Республике Беларусь от 18.06.2010 г. № 47: в ред. Приказа Оперативно-аналитическим центра при Президенте Республике Беларусь от 04.04.2024 № 69 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь : [сайт]. – Минск, 2003–2024. – URL: <http://www.pravo.by> (дата обращения: 08.04.2024).
4. Козорезова, Р. В. Защита прав на средства индивидуализации в случае их незаконного использования в доменном имени / Р. В. Козорезова // Промышленно-торговое право. – 2010. – № 2. – С. 53–63.
5. О взыскании компенсации в связи с нарушением исключительного права на знак обслуживания, судебных расходов по уплате государственной пошлины : Решение судебной коллегии по делам интеллектуальной собственности Верховного Суда Республики Беларусь от 12 дек.. 2022г., № 1ИГИП2295 // iLex : информ. правовая система (дата обращения: 23.04.2024).
6. О прекращении нарушения исключительного права на знак обслуживания и запрете использовать сходные до степени смешения с указанным знаком обозначения : Решение судебной коллегии по делам интеллектуальной собственности Верховного Суда Республики Беларусь от 14 июля 2021 г. // iLex : информ. правовая система (дата обращения: 23.04.2024).
7. О пресечении действий, нарушавших исключительное право на фирменное наименование, передаче истцу права на администрирование доменных имен, сходных до степени смешения с его фирменным наименованием, и обязанности ответчика внести в базу данных доменных имен, зарегистрированных в национальной доменной зоне, сведения об изменении владельца указанных доменов : решение судебной коллегии по делам интеллектуальной собственности Верховного Суда Республики Беларусь, 04 ноября 2022 г., N 1ИГИП2299 // Верховный Суд Республики Беларусь: [сайт]. – Минск, 2003–2024. – URL: <https://court.gov.by/ru/firmennye/naimenovaniya/2c65234fac2d4fee.html> (дата обращения: 08.04.2024).
8. Гражданский кодекс Республики Беларусь: Кодекс Респ. Беларусь, 7 декабря 1998 г. №218-З: принят Палатой представителей 28 октября 1998 г.: одобрен Советом Респ. 19 ноября 1998 г.: в ред. Закона Респ. Беларусь от 22.04.2024 N 365-З // iLex : информ. правовая система (дата обращения: 03.05.2024).
9. О товарных знаках и знаках обслуживания : Закон Республики Беларусь, 5 февр. 1998 г., № 2181-XII: в ред. Законов Республики Беларусь от 09.01.2023 г. // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 20.04.2024).
10. О цифровых правах : Модельный Закон от 14.04.2023 N 55-12 // iLex : информ. правовая система (дата обращения: 03.05.2024).
11. О пресечении действий, нарушающих исключительное право на знак обслуживания: Решение судебной коллегии по делам интеллектуальной собственности Верховного Суда Республики Беларусь от 19 июля 2020 г., № 12-01/70-2020 // iLex : информ. правовая система (дата обращения: 03.05.2024).
12. О защите исключительных прав на товарные знаки: Решение АС Приморского края, 05 февр. 2013 г. № А51-15824/2011 // СудАкт: Судебные и нормативные акты РФ. – URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/uhMvAqFwaSNs/> (дата обращения: 08.08.2024).

13. О защите исключительных прав на товарные знаки: Решение АС г. Москвы, 04 мая. 2021 г. № А40-95186/20-27-705. – URL: https://www.kartoteka.ru/poisk_resheniya_arbitrazhnogo_suda/ed94ca5bfdfa5e1bb41352ea95b7b94a/ (дата обращения: 08.05.2024).
14. О пресечении действий, нарушающих исключительное право на фирменное наименование. Обстоятельства: В связи с несвоевременной оплатой услуг по использованию доменного имени домен, сходный с фирменным наименованием истца, стал доступен для приобретения и переоформления на ответчика: Решение судебной коллегии по делам интеллектуальной собственности Верховного Суда Республики Беларусь от 22 ноября 2017 г. // iLex : информ. правовая система (дата обращения: 03.05.2024).

АККАУНТ В ЦИФРОВОЙ СРЕДЕ: ВОЗМОЖНОСТИ И ПРОБЛЕМЫ ПРИЗНАНИЯ ЕГО КАК ОБЪЕКТА ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

А.С. Смотрикова

студентка 4 курса юридического факультета БИП
Университета права социально-информационных технологий
agatasmotrikova9@gmail.com

Аннотация. Данная тема исследует возможность признания аккаунта в социальных сетях в качестве объекта интеллектуальной собственности. В работе рассматриваются различные аспекты этой проблемы, включая необходимость разработки процедур регистрации и защиты аккаунтов, а также вопросы о признании аккаунта источником дохода для владельца. Исследование имеет целью выявить правовые и практические аспекты признания аккаунта как объекта интеллектуальной собственности и определить его влияние на развитие цифровой экономики и защиту прав владельцев аккаунтов в контексте современных технологических изменений.

Ключевые слова: интеллектуальная собственность; авторское право; аккаунт; контент; объекты интеллектуальной собственности; социальные сети.

Abstract. This topic explores the possibility of recognizing an account in social networks as an object of intellectual property. The paper discusses various aspects of this problem, including the need to develop procedures for registering and protecting accounts, as well as issues about recognizing an account as a source of income for the owner. The research aims to identify the legal and practical aspects of the recognition of an account as an object of intellectual property and to determine its impact on the development of the digital economy and the protection of the rights of account holders in the context of modern technological changes.

Keywords: intellectual property; copyright; account; content; intellectual property objects; social networks.

Белорусская цивилистическая наука в рамках цифровизации общества и обеспечения правопорядка в целом продолжает поступательное движение к поиску оптимальных, зачастую идеалистических правовых конструкций, обеспечивающих защиту интересов участников гражданских правоотношений. Одним из актуализированных на сегодняшний момент вопросов следует выделить проблематику правовой регламентации аккаунта. Автор настоящего исследования констатирует, что познание правовой природы аккаунта, его чёткая правовая регламентация позволит участникам правоотношений надлежаще исполнять принятые на себя обязательства и высту-

пит научным маркером, обеспечивающим системный и последовательный характер развития теории и правоприменительной практики.

Правовая природа аккаунта в социальной сети исследовалась в работах К. С. Митягина [1], М. А. Рожковой [2]. Возможность отнесения аккаунта к числу объектов гражданских прав была проанализирована О. И. Босык [3], Е. Е. Кирсановой [4], Л. В. Санниковой [5], С. И. Сусловой [6]. Специфика использования объектов авторского права в социальных сетях была рассмотрена С. С. Лосевым [7].

На сегодняшний день социальные сети стали неотъемлемой частью жизни почти каждого человека. В процессе развития они превратились из платформы для быстрого и удобного общения в полноценный источник доходов. Особый правовой интерес представляет собой, так называемое электронное имущество, чья правовая природа вызывает научную полемику среди учёных-цивилистов и практиков. По мнению большинства исследователей данной правовой категории – это комплекс прав и отношений, находящийся на пересечении институтов и отраслей права таких как, договорные отношения, авторское право на посты и фотографии, личная переписка и тайна личной жизни. Набирает обороты и тенденция коммерциализации аккаунтов, что фактически превращает их в «электронное предприятие».

Стоит отметить, что аккаунты актуальны не только для физических лиц, они имеют значительное правовое и имущественное значение для юридических лиц, чей общий оборот в деятельности страны имеет преобладающее значение. Так, по мнению К.С. Митягина «большинство современных компаний создают свои профили в социальных сетях и используют их в качестве маркетингового инструмента, продвигая с его помощью свои товары и услуги. Ведение профиля компании стало отдельным видом маркетинговой деятельности – SMM (с англ. – маркетинг в социальных сетях), для осуществления которого крупные компании создают целые отделы или заключают договор с фирмой, специализирующейся в данном виде деятельности, тем самым позволяя генерировать дополнительные продажи» [1].

В белорусском законодательстве понятие аккаунта отсутствует. В научной литературе предложено следующее определение этого понятия: «Аккаунт (учетная запись) представляет собой совокупность данных о пользователе, необходимых для его опознавания (аутентификации) и предоставления доступа к его личным данным и настройкам» [8]. При

этом, необходимо отметить, что данное понятие не является полным и исчерпывающим, поскольку, в нем раскрывается лишь внешняя сущность аккаунта, его определенное внешнее выражение. Существование аккаунта, как сложного и многогранного объекта, не определяется и не исчерпывается возможностью лишь «представления данных о пользователе, необходимых для его опознавания». В современном динамично развивающемся мире многие юридические лица, индивидуальные предприниматели и даже физические лица создают аккаунт не столько с целью своего «опознавания» в социальных сетях, сколько с целью извлечение материальной или иной нематериальной выгоды (прибыли). Мы утверждаем, что создание юридическим лицом аккаунта в социальных сетях, в первую очередь, будет определяться возможностью рекламирования или представления (демонстрации) своего продукта, оказываемых работ или услуг. В связи с этим, наиболее полно представленное выше определение будет выглядеть так «Аккаунт (учетная запись) представляет собой совокупность данных о пользователе, необходимых для его опознавания (аутентификации) и предоставления доступа к его личным данным и настройкам, создаваемый как в целях его личного использования, не направленного на извлечение прибыли и (или) иной нематериальной выгоды, так и (или) в целях его использования, направленного на извлечение прибыли и (или) иной нематериальной выгоды».

Помимо предложенного определения, под аккаунтом в социальной сети можно представить компьютерный код, содержащий сведения о пользователе, которые лицо самостоятельно сообщает о себе компьютерной системе, а также личную страницу, содержащую совокупность сведений на определенном интернет ресурсе. [3, с. 90].

Однако, несмотря на все их преимущества, аккаунты также становятся источниками нарушений авторских и смежных прав. В настоящее время аккаунты в социальных сетях не признаются объектами интеллектуальной собственности согласно статье 980 Гражданского кодекса Республики Беларусь. Это означает, что в белорусском законодательстве отсутствуют правовые инструменты для защиты этих аккаунтов от нарушений. Тем не менее, многие исследователи считают, что в будущем аккаунты в социальных сетях могут быть приравнены к объектам интеллектуальной собственности.

Для того чтобы включить аккаунты в социальных сетях в перечень объектов интеллектуальной собственности, белорусскому законодательству

необходимо быть гибким и приспособленным к грядущим изменениям. Хотя уже существуют некоторые нормативные основы, возможно, их потенциала недостаточно для решения многих актуальных проблем, связанных с защитой аккаунтов.

Важно разработать соответствующие правовые механизмы, которые позволят предотвратить нарушения авторских и смежных прав, связанных с аккаунтами в социальных сетях. Это может включать в себя усиление мер защиты, установление ответственности за нарушения и разработку процедур для разрешения споров.

В конечном итоге, обеспечение защиты аккаунтов в социальных сетях является важной задачей, поскольку они становятся все более значимыми для пользователей и представляют собой ценные активы. Только благодаря эффективной правовой защите можно обеспечить безопасность пользователей социальных сетей.

Однако, уже на сегодняшний день есть возможные подходы по урегулированию аккаунта как объекта интеллектуальной собственности.

Во-первых, аккаунт можно рассматривать как базу-данных и исходя из положений ст. 14 и п.1 ст. 11 Закона Республики Беларусь от 17 мая 2011 г. №262-З «Об авторском праве и смежных правах» (далее- Закон об авторском праве и смежных правах) он может соответствовать признакам составного произведения. В данном случае необходимо доказать, что аккаунт является не просто совокупностью разнообразных постов в виде фотографий, текстовых заметок, видеороликов и иных материалов, но и то, что подбор этих материалов и его расположение является результатом творческого труда. Мы считаем, что последний подход в данном вопросе наиболее обоснован. Выбор правового режима аккаунта должен зависеть от специфики содержания страницы и характера деятельности, связанной с ее созданием. В соответствии с пунктом 31 статьи 4 Закона об авторском праве и смежных правах, аккаунт может рассматриваться как составное произведение, состоящее из материалов, отобранных и расположенных с творческим подходом. Такие материалы должны отражать результаты творческого труда и быть представлены в оригинальной системе [9, с. 17]. В отношении аккаунта в социальной сети это означает, что он не просто является совокупностью отдельных элементов - постов (текстов, включая иллюстрации, видеоролики, фотографии, ссылки на другие страницы в сети Интернет и т. д.), но и представляет собой результат творческой работы по отбору и расположению этих материалов [1].

Во-вторых, страница в социальной сети может быть признана сложным объектом. В законодательстве Республики Беларусь не закреплено понятие сложного объекта в контексте интеллектуальной собственности, что, к примеру, нашло своё закрепление в Гражданском кодексе Российской Федерации (п. 1 ст. 1240 ГК РФ), в случае, если материалы являются самостоятельными объектами авторских прав. Доказывать творческий характер подбора материала и его расположения в такой ситуации не надо. По мнению российских ученых-цивилистов, к сложным относятся те объекты, которые, с одной стороны, представляют собой единое целое (единый объект), а с другой - имеют сложный состав, образуемый совокупностью разнородных (разнотипных) результатов интеллектуальной деятельности. В рамках сложного объекта целесообразно рассматривать аккаунт социальной сети либо как мультимедийный продукт, либо как базу данных. Законодатель не закрепляет определение мультимедийного продукта. По мнению Е.С. Гринь, под ним следует понимать «выраженный в электронной (цифровой) форме объект авторских прав, который включает несколько охраняемых результатов интеллектуальной деятельности (таких, как программа для ЭВМ, произведения изобразительного искусства, музыкальные произведения и др.) и с помощью компьютерных устройств функционирует в процессе взаимодействия с пользователем» [10].

Также необходимо исследовать и решить вопрос о том, как определить наличие творческого труда в профиле социальной сети, чтобы можно было отнести его к объектам интеллектуальной собственности. Это вызвано тем, что не во всех профилях виртуального пространства содержится исключительно авторский контент. Обычно пользователи публикуют в своих аккаунтах не только свои собственные работы, но и результаты интеллектуальной деятельности других людей, такие как цифровые поздравительные открытки, широко известные стихотворения и т.д. Из-за этого становится сложным объявлять все профили в социальных сетях объектами интеллектуальной собственности, поскольку они не обладают главным признаком всех охраняемых законом результатов интеллектуальной деятельности – оригинальностью и творческим началом.

Для решения описанной проблемы можно предложить следующую идею: считать объектом интеллектуальной собственности тот аккаунт в социальной сети, который официально используется его автором с целью получения материальной выгоды. В качестве обоснования данной точки зрения можно привести слова Е.А.Суханова, который утверждал, «В развитом

гражданском обороте объектами интеллектуальной собственности являются не только вещи и связанные с ними имущественные права, но и результаты творческой (интеллектуальной) деятельности, обладающие экономическими свойствами, получившие правовую охрану» [11, с. 239]. Подобные мысли высказал С.А.Жерягин, указывая на то, что развитие законодательства в области рынка интеллектуальной собственности в значительной степени обусловлено желанием создателей интеллектуального труда защитить свои права и использовать результаты своей интеллектуальной деятельности для получения прибыли [12, с. 179].

Для того чтобы присвоить профилю на виртуальной платформе статус объекта интеллектуальной собственности, можно предложить разработать специальную процедуру государственной регистрации результатов интеллектуальной деятельности.

Особенность такой процедуры заключается в том, что владельцу аккаунта необходимо представить письменные доказательства, подтверждающие следующие факты:

- 1) он является законным владельцем конкретного профиля;
- 2) аккаунт содержит только уникальный контент, который не является копией или имитацией других работ;
- 3) аккаунт является основным или дополнительным источником дохода для владельца.

Подводя итог вышеизложенному, следует отметить, что вопрос правового регулирования цифровой собственности должен стать одним из приоритетных направлений развития права. Изложенное выше подчеркивает актуальность и научную новизну разработки эффективных нормативных механизмов для адаптации законодательства в условиях быстро меняющейся цифровой среды. Можно предположить появление в скором времени в действующем белорусском законодательстве понятия аккаунта, отражающего его правовую природу.

Так же необходимо отметить, что в Республике Беларусь аккаунт в социальных сетях может быть признан объектом интеллектуальной собственности. Для этого следует разработать специальную процедуру государственной регистрации результатов интеллектуальной деятельности, которая бы учитывала особенности аккаунта.

Эта процедура должна включать требование предоставления письменных доказательств, подтверждающих, что аккаунт принадлежит кон-

кретному лицу, содержит уникальный контент и является источником дохода для владельца.

Такой подход позволит установить правовую защиту и охрану аккаунта в качестве интеллектуальной собственности.

Узаконивание аккаунта в качестве объекта интеллектуальной собственности способствует развитию цифровой экономики и защите прав владельцев аккаунтов. Это также может способствовать поощрению творческой и инновационной активности в виртуальной среде и стимулировать развитие социальных сетей как платформы для коммерческой деятельности. Однако, для реализации такой концепции необходимо провести дальнейшие исследования и разработать соответствующие правовые нормы и механизмы, чтобы обеспечить четкую защиту прав собственности на аккаунты в соответствии с белорусским законодательством.

Список использованных источников

1. Митягин, К. С. Правовая природа страницы социальной сети / К. С. Митягин // Журнал Суда по интеллектуальным правам. – 2014. – № 5. – С. 74-77.
2. Рожкова, М. А. Цифровые активы и виртуальное имущество: как соотносится виртуальное с цифровым / М. А. Рожкова // Закон.ru. – URL: https://zakon.ru/blog/2018/06/13/cifrovye_aktivy_i_virtualnoe_imuschestvo_kak_sootnositsya_virtualnoe_s_cifrovym (дата обращения: 23.04.2024).
3. Босык, О. И. Страница в социальной сети как объект гражданских прав / О. И. Босык // Наука и инновации XXI века : сборник статей по материалам VI Всерос. конф. молодых ученых, Сургут, 27 сент. 2019 г. – Сургут : Сургутский государственный университет, 2020. – С. 90-94.
4. Кирсанова, Е. Е. Аккаунт как объект гражданских прав / Е. Е. Кирсанова // Вестник арбитражной практики. – 2020. – № 2. – С. 44–48.
5. Санникова, Л. В. Цифровые активы: правовой анализ : монография / Л. В. Санникова, Ю. С. Харитонова. – М. : Издательство «4 Принт», 2020. — 304 с.
6. Суслова, С. И. О проблеме непоименованных объектов гражданских прав на примере аккаунта в социальной сети / С. И. Суслова // Проблемы современного законодательства России и зарубежных стран : материалы IX Междунар. науч.-практ. конф., Иркутск, 2020 г. / Иркутский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России); отв. ред.: А.М. Бычкова, С.И. Суслова. – Иркутск, 2020. – С. 251-256.
7. Лосев, С. С. Использование объектов авторского права в социальных сетях / С. С. Лосев // СПС «БизнесИнфо» : справ. правовая система (дата обращения: 23.04.2024).
8. Охотникова, В. Наследование аккаунтов в социальных сетях / В. Охотникова // Планета закона. – URL: <https://planeta-zakona.ru/blog/nasledovanie-akkauntov-v-sotsialnykh-setyakh.html/> (дата обращения: 10.04.2024).
9. Глуховская, Г. И. Авторское право на составные произведения / Г. И. Глуховская // Судовы веснік. – 2006. – № 4. – С. 17.

10. Гринь, Е. С. Авторские права на мультимедийный продукт : монография / Е. С. Гринь. – М. : Проспект, 2015. – 124 с.
11. Гражданское право: учебник : в 4 т. / под ред. Е. А. Суханова ; 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Статут, 2019. – Т. 2. – 464 с.
12. Жерягин, С. А. Формирование правовой основы и тенденции развития рынка интеллектуальной собственности / С. А. Жерягин // Проблемы экономики и юридической практики. - 2016. - № 5. - С. 179-183.

К ВОПРОСУ О НАДЕЛЕНИИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА АВТОРСКИМИ ПРАВАМИ

Т.А. Старченко

*студентка 2 курса кафедры гражданского права и процесса
Белгородского государственного национального исследовательского университета*

Аннотация. Искусственный интеллект с каждым годом все прочнее укрепляется в жизни современного человека. С помощью нейросети можно создать практически любой медиа-продукт, переработать уже готовую информацию или сгенерировать идею. В связи с этим возникают трудности в решении вопроса о том, как защитить авторское право на контент, созданный при помощи современных технологий. В данной статье рассматривается вопрос о понятии искусственного интеллекта, его общественной значимости; предложены варианты законодательного регулирования авторского права на нейросетевой контент с учётом быстро изменяющейся действительности.

Ключевые слова: авторское право; искусственный интеллект; контент; нейросеть; современные технологии в гражданском законодательстве.

Abstract. Artificial intelligence is becoming more and more firmly entrenched in the life of a modern person every year. With the help of a neural network, you can create almost any media product, recycle ready-made information or generate an idea. In this regard, difficulties arise in solving the question of how to protect the copyright of content created using modern technologies. This article examines the issue of the concept of artificial intelligence, its social significance; offers options for legislative regulation of copyright on neural network content, taking into account the rapidly changing reality.

Keywords: copyright; artificial intelligence; content; neural network; modern technologies in civil legislation.

В настоящее время всё чаще можно услышать об искусственном интеллекте. Каждый день производится огромное количество контента на основе деятельности популярных интернет-чатов, алгоритмов и нейросетей. Обусловлено это простотой и доступностью их использования.

Под искусственным интеллектом можно понимать систему и направление в науке, которые позволяют решать задачи в деятельности человека при помощи анализа огромного объёма данных и их интерпретации в том виде, который требуется для достижения конкретной цели.

Любой желающий сегодня может использовать нейронные сети, которые представляют собой вид алгоритма искусственного интеллекта, основанный на усиленном самостоятельном обучении без контроля. Это приводит к огромному количеству создаваемых текстов, изображений и других медиа

продуктов. Возникают ситуации, когда нейросети используются для создания информации, которая затем представляется как «оригинальный» продукт. Поскольку для генерации контента пользователю нужно предоставить краткое описание желаемого результата, возникают вопросы о том, являются ли такие действия совместным творческим процессом и кому принадлежит право на полученный результат.

В настоящее время в законодательстве Российской Федерации понятие искусственного интеллекта отображено следующим образом: исходя из ст. 2 Федерального закона от 24 апреля 2020 г. № 123-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации – городе федерального значения Москве и внесении изменений в ст. 6 и 10 Федерального закона «О персональных данных», «искусственный интеллект – комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые, как минимум, с результатами интеллектуальной деятельности человека».

Распоряжение Правительства РФ от 19 августа 2020 г. № 2129-р «Об утверждении Концепции развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники на период до 2024 года», указывает, что при существующем правовом режиме отсутствует правовая охрана результатов деятельности систем искусственного интеллекта без вклада человека в творческий процесс.

Таким образом, согласно данному акту, результаты работы искусственного интеллекта не защищены юридически, если человек не принимал участия в творческом процессе.

Среди основных спорных вопросов, выделенных в постановлении, следующие:

- 1) необходимость расширения определения творческого вклада и обеспечения юридической защиты результатов деятельности искусственного интеллекта;
- 2) в случае расширения вышеупомянутого понятия, формулирование определения субъекта, обладающего исключительным правом на интеллектуальную собственность, и методы обеспечения ему правовой охраны.

Для того, чтобы установить, кто является автором произведения, обратимся к Гражданскому кодексу Российской Федерации. Так, согласно, ст. 1257, «автором произведения науки, литературы или искусства признается гражданин, творческим трудом которого оно создано».

Можно сделать вывод о том, что, согласно современному российскому законодательству, искусственный интеллект не может быть субъектом авторского права, так как автором может быть признан только гражданин. А вот вопрос о том, кому принадлежит право на сгенерированный им контент, остаётся открытым.

Так как однозначного ответа на него законодатель не даёт, в правовой науке предлагается несколько возможных вариантов:

Самая распространённая позиция устанавливает такое положение: авторские права на результаты деятельности искусственного интеллекта принадлежат самому пользователю, который, воспользовавшись искусственным интеллектом как инструментом, создал что-либо [1, с. 244]. Однако такая трактовка представляется сомнительной. Действительно, сама нейросеть не создаёт, к примеру, видео и изображения, для этого ей необходима чёткая команда, которая потребует решения поставленной задачи. Возникает закономерный вопрос: можно ли считать творческим труд, который не предполагает «труда» как такового, и приносит результат с минимальными временными и умственными затратами, при отсутствии личного вклада человека в результат. В связи с этим, некоторые полагают, что творческой деятельностью можно считать уже саму постановку конкретной задачи перед нейросетью.

Понятие творческой деятельности неоднозначно, и толковать его можно как расширительно, так и узко. К примеру, В.Н. Штенников приводит два варианта:

- под «творческой деятельностью» характеризуется как «широкое понятие, характерное как для интеллектуальной, то есть умственной деятельности, предполагающей сопоставление данных, анализ, обобщение, так и для художественной деятельности» [2, с. 16]. Представляется, что всё же не вся информация при её анализе или обобщении может быть в полной мере признана созданной творческим трудом, так как она может не включать вложения каких-либо умственных усилий в её преобразование.

- «к творческому (новому) результату можно отнести полученный в результате случайного выбора или перебора всех возможных вариантов,

в результате которого появляется новый продукт, в том числе с минимальными отличиями от аналогов. Однако в этом случае говорить о творческой деятельности не приходится, так как использована давно известная, достаточно примитивная и перешедшая в общественное достояние деятельность – случайный выбор или перебор всех возможных вариантов» [2, с. 17]. Таким образом, автор сокращает содержательную составляющую понятия «творческая деятельность», исключая из неё результат, созданный методом подбора и основанный исключительно на чужом труде без интеллектуального вклада.

1) Авторские права на результаты деятельности искусственного интеллекта принадлежат создателю нейросети, программного продукта, который позволил сгенерировать произведение. В обосновании данной позиции тоже имеется неточность: во-первых, сам создатель нейросети вообще никак не взаимодействует с генерацией конкретного результата по точному запросу определённого лица; во-вторых, вместе с авторским правом возникает и определённая обязанность, а с ней и ответственность за генерируемый нейросетью контент, в связи с чем сам владелец нейросети вероятнее будет препятствовать тому, что ему будет присвоено авторство в отношении всей информации, создаваемой его программой; в-третьих, сам по себе искусственный интеллект предполагает самообучение на основе сотен тысяч текстов, изображений и видео, находящихся в свободном доступе в сети, поэтому вклад создателя нейросети значим только на начальном этапе, а то, как искусственный интеллект развивается, зависит уже не в полной мере от автора программы, поэтому трудно оценить его роль в появлении конкретного результата на запрос пользователя. Так, Д.М. Петрашкин отмечает: «Разработчик, как правило, создает лишь алгоритмы, на которых, впоследствии, будет работать сама система» [3, с. 61].

2) Авторские права на результаты деятельности искусственного интеллекта не могут никому принадлежать, так как они не имеют признаков оригинальной, творческой деятельности, и, соответственно, не могут в принципе являться объектом авторского права. Однако и данная точка зрения является спорной. Так, исходя из п. 80 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 апреля 2019 № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации», «необходимо также принимать во внимание, что само по себе отсутствие новизны, уникальности и (или) оригинальности результата интеллектуальной деятельности не может свидетельствовать о том, что такой результат создан не творческим

трудом и, следовательно, не является объектом авторского права». Кроме того, законодатель закрепляет, что «творческий характер создания произведения не зависит от того, создано произведение автором собственноручно или с использованием технических средств. Вместе с тем результаты, созданные с помощью технических средств в отсутствие творческого характера деятельности человека (например, фото- и видеосъемка работающей в автоматическом режиме камерой видеонаблюдения, применяемой для фиксации административных правонарушений), объектами авторского права не являются».

Интересным представляется и мнение о том, что «все произведения, которые были созданы при помощи искусственного интеллекта, должны признаваться достоянием общественности». М.А. Давтян полагает: «Такая концепция не учитывает того факта, что разработчики искусственного интеллекта, зная об автоматическом лишении их правовой охраны, откажутся от его использования. А это, в свою очередь, экономически нецелесообразно» [4, с. 91].

Стоит также отметить, что не только экономическая заинтересованность разработчиков нейросетей не позволяет отнести результат их деятельности к общественному, но и определённого рода «обесценивание» результатов труда авторов, на чьих работах основано обучение искусственного интеллекта и сам сгенерированный нейросетью контент. Может возникнуть такая ситуация, при которой обладатели авторских прав на исходные материалы просто перестанут чувствовать себя защищёнными, так как их труды станут достоянием общественности. Кроме того, учитывая, что искусственный интеллект может рассматриваться как комплекс технических решений, (что соответствует трактовке, данной законодателем), необходимо выяснить, может ли он также являться и техническим средством. Использование технического средства при создании контента даёт право называть итог «совместной» деятельности человека и техники результатом творческого труда. И если действие этого правила будет распространяться и на искусственный интеллект, то в этом случае, даже при отсутствии особых уникальных качеств готового продукта, он будет считаться объектом авторского права. Хотя, проводя аналогию с уже точно определёнными законодателем техническими средствами, такими как камера для фото- и видеофиксации или устройство для записи звука, стоит отметить, что искусственный интеллект всё же нельзя назвать именно средством. Представляется, что его понимание (совокупность решений)

гораздо шире и объёмнее, и включает в себя не физически представленный предмет для совершения каких-либо вспомогательных действий при творческой деятельности лица, а виртуальную модель человеческого сознания в усовершенствованной форме.

Сложность рассматриваемой проблемы обусловлена и упомянутым ранее фактом: искусственный интеллект обучается на уже созданных кем-то материалах, находящихся в Интернете, которые могут быть защищены авторским правом, и в настоящее время не решён также и сам вопрос о том, не нарушает ли такая программа авторское право других лиц в процессе своей деятельности, может ли она заимствовать какие-то элементы чужих работ для формирования своего, приближенного к человеческому, «творческого, художественного взгляда» на явления действительности.

Точку в вопросе выбора определённой позиции может поставить только законодатель путём принятия конкретного нормативного решения, и с учётом скорости развития отношений в сфере применения таких технологий и того, насколько стремительно развивается искусственный интеллект и появляются вопросы, связанные с принадлежностью права на созданный с его помощью контент, действовать он должен крайне активно.

Список использованных источников

1. Галлямова А. А. Авторское право на произведения, созданные с использованием технологий искусственного интеллекта // Образование и право. – 2023. – №. 4. – С. 240-248.
2. Штенников В. Н. Понятия «творческий» и «творческий труд» в ГК РФ // Биржа интеллектуальной собственности. – 2010. – Т. 9. – №. 2. – С. 15-18.
3. Петрашкин Д. М. Правовое регулирование права авторства на произведения, созданные искусственным интеллектом // Правовое регулирование экономической деятельности. – 2023. – №. 2. – С. 57-64.
4. Давтян М. А. Проблемы признания искусственного интеллекта одним из объектов авторского права // Вестник науки. – 2022. – Т. 1. – №. 2 (47). – С. 88–94.

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ В РЕСПУБЛИКЕ УЗБЕКИСТАН

Б.Р. Топилдиев

*доктор юридических наук, профессор кафедры гражданского права
Ташкентского государственного юридического университета
Bakhromlon1969@mail.ru*

Аннотация. *Статья посвящена вопросам развития интеллектуальной собственности в Республике Узбекистан. Приводятся положительные тенденции совершенствования законодательства указанной области, а также обращается внимание на ряд проблем в формировании нормативно-правовой базы по вопросам интеллектуальной собственности, защиты интеллектуальной собственности при пересечении таможенной границы и многие другие.*

Ключевые слова: *интеллектуальная собственность, защита интеллектуальной собственности, осведомленность населения и бизнеса об интеллектуальной собственности, глобальная интеграция в сфере интеллектуальной собственности.*

Abstract. *The article is devoted to the development of intellectual property in the Republic of Uzbekistan. Positive trends in improving legislation in this area are presented, and attention is also drawn to a number of problems in the formation of a regulatory framework on intellectual property, intellectual property protection when crossing the customs border, and many others.*

Keywords: *intellectual property, intellectual property protection, public and business awareness of intellectual property, global integration in the field of intellectual property.*

В последние годы права интеллектуальной собственности (ИС) становятся все более актуальными и спрос на защиту прав на нее растет. Это связано с активным развитием предпринимательства в Узбекистане и торговли с зарубежными странами.

Хотелось бы особо обратить внимание, что в настоящее время тенденция роста объема ИС резко ускоряется во всем мире, в результате чего стоимость нематериальных активов уже превысила стоимость материальных активов и составляет порядка 65 трлн. долл. К сожалению, одновременно с этим огромные средства (приблизительно 500 млрд. долл.) вкладываются в производство контрафактных товаров, что причиняет значительный ущерб мировой экономике.

На сегодняшний день в Узбекистане сформирована необходимая нормативно-правовая база в сфере ИС, которая в целом соответствует меж-

дународным стандартам. Узбекистан является участником 16 универсальных международных договоров, администрируемых Всемирной организацией интеллектуальной собственности (ВОИС). Почему я на этом акцентирую? Интеллектуальная собственность – это сфера, в которой международные договоры, в частности, Бернская конвенция, Парижская конвенция, в значительной степени определяют содержание национальных законов по охране и защите интеллектуальной собственности. Как вы знаете, соблюдение прав ИС является одним из параметров, определяющих инвестиционный климат любой страны.

В этой связи одной из основных задач является совершенствование законодательства в области ИС, выявление существующих проблем и поиск их эффективного решения на основе изучения международного опыта.

Мы можем с гордостью отметить, что в обновленную Конституцию Узбекистана включена специальная статья (статья 53), посвященная охране ИС, то есть вопрос правовой защиты ИС отныне закреплен на уровне основного закона государства.

Базовыми нормативно-правовыми актами, регулирующими отношения в области ИС, являются Гражданский кодекс и специальные законы, посвященные конкретным объектам ИС.

За последние годы в стране были реализованы существенные инициативы в этой области. В частности, впервые была принята Национальная стратегия развития сферы ИС в Республике Узбекистан на 2022-2026 годы. Стратегия была разработана при поддержке ВОИС и охватывает семь основных направлений, включая вопросы совершенствования законодательства, усиление мер по правовой защите, повышение осведомленности населения и бизнеса об ИС, активное участие в процессах глобальной интеграции в сфере ИС.

Также, при поддержке Продовольственной и сельскохозяйственной организации Объединенных Наций (ФАО) был принят Закон Республики Узбекистан «О географических указаниях», направленный на развитие региональных брендов, в результате чего круг объектов ИС расширился.

Помимо этого, за последние четыре года Узбекистан присоединился к четырем международным договорам в области ИС, таким как Конвенция об охране интересов производителей фонограмм, Договор ВОИС по исполнению и фонограммам, Договор ВОИС по авторскому праву, Марракешский договор.

В интересах защиты прав авторов в гражданских правоотношениях срок действия авторского права увеличен с пятидесяти до семидесяти лет и введен порядок выплаты компенсации в пользу правообладателя за нарушение авторских и смежных прав. Для усиления защиты прав ИС была установлена корпоративная ответственность юридических лиц за нарушение прав ИС.

Также, в целях обеспечения единой судебной практики в данной сфере впервые было принято постановление Пленума Верховного суда по наиболее актуальным вопросам рассмотрения дел, касающихся ИС.

Несмотря на то, что в этой области были осуществлены значительные меры, остается нерешенным ряд проблем, в том числе законодательного характера, которые отрицательно влияет, в первую очередь, на защиту прав ИС.

Как было сказано выше, отношения в сфере ИС регулируются как общим, так и специальным законодательством, а именно Гражданским кодексом и отдельными законами о конкретных объектах ИС (авторское право, изобретения, товарные знаки и т.д.).

Раздел IV Гражданского кодекса Республики Узбекистан посвящен интеллектуальной собственности, который состоит из общих положений и глав, регулирующих уже конкретные объекты.

В общих положениях приводятся перечень (причем не исчерпывающий перечень) объектов интеллектуальной собственности, общие нормы о правовой охране и защите, личных неимущественных и имущественных правах на объекты ИС, лицензионных договорах.

К сожалению, общие положения об ИС, которые регулируются только Гражданским кодексом, состоят всего лишь из 10 статей. В частности, такому важному институту, как лицензионный договор, который является основой реализации исключительных прав на объект ИС, посвящена только одна статья. Вопросу защиты исключительных прав также отведена только одна статья, в которой лишь перечислены некоторые способы защиты с отсылкой на другие законы.

В главах о конкретных объектах ИС в основном содержатся положения, которые являются также предметом регулирования специальных законов (их 9). В то же время, некоторые нормы из этих глав не нашли свое отражение в специальных законах.

Регулирование одних и тех же вопросов в двух актах в отдельных случаях приводят к разночтениям норм. Так, в статье 27 Закона Республики

Узбекистан «О товарных знаках, знаках обслуживания и наименованиях мест происхождения товаров» указано, что использованием товарного знака считается применение его на товарах, для которых товарный знак зарегистрирован, и (или) их упаковке владельцем товарного знака или лицом, которому такое право предоставлено на основании лицензионного договора.

При этом статья 1104 Гражданского кодекса устанавливает, что выдача лицензии на пользование товарным знаком считается его использованием. В данном случае получается так, что не обязательно применять товарный знак на товарах или упаковках, а достаточно лишь заключить лицензионный договор. Такое толкование конечно же не соответствует сущности товарного знака или знака обслуживания, как объекта интеллектуальной собственности. В данном случае можно увидеть некое несоответствие между нормами кодекса и специального закона. Это весьма актуально, если учитывать, что в силу статьи 3 Гражданского кодекса нормы кодекса должны превалировать над другими актами гражданского законодательства. Эта проблема в настоящее время очень актуальна на практике и, к сожалению, имеются разные судебные решения.

В то же время, ссылаясь на статьи 1484 и 1486 Гражданского кодекса Российской Федерации по данному вопросу, можно сказать, что простого предоставления права на использование товарного знака по лицензионному договору недостаточно для признания товарного знака использованным.

Как видите, подход «двойного» правового регулирования создает сложности в правоприменении и определенные неудобства при совершенствовании правовых норм.

Вопрос защиты ИС при пересечении таможенной границы представляет собой чрезвычайно важное значение. В этой связи хотел бы обратить ваше внимание на еще одну норму – исчерпание исключительного права на товарный знак, что связано с вопросом т.н. параллельного импорта. Смысл этой нормы заключается в том, что не является нарушением исключительного права на товарный знак использование этого товарного знака другими лицами в отношении товаров, которые были правомерно введены в гражданский оборот непосредственно владельцем товарного знака или с его согласия. Оно играет важную роль в обеспечении защиты прав ИС, в связи с чем необходимо правильное регулирование и применение положения

об исчерпании прав, общее содержание которого предусмотрено в ст. 1107¹ Гражданского кодекса и статье 26 Закона “О товарных знаках, знаках обслуживания и наименованиях мест происхождения товаров”.

Указанные статьи не определяют, какой принцип применяется в данном случае – национальный или международный. Одно дело, когда товар введен в гражданский оборот на территории страны, другое – когда за пределами страны.

Хотя по общему правилу представляется, что в таком случае должен применяться национальный режим, на практике встречаются случаи различного подхода компетентных органов и судов к вопросу о параллельном импорте.

Для сравнения, статья 1487 Гражданского кодекса РФ конкретно определяет национальный режим касательно вопроса исчерпания исключительного права на товарный знак.

В последнее время усилился процесс присоединения Узбекистана к Всемирной торговой организации (ВТО). Как вы знаете, одним из аспектов вступления в ВТО является соответствие национального законодательства в области правовой охраны и защиты ИС в каждой стране-кандидате минимальным требованиям, изложенным в Соглашении по торговым аспектам интеллектуальной собственности (ТРИПС).

Следует отметить, что ряд положений национального законодательства не соответствует требованиям ТРИПС. Хотелось бы остановиться на вопросе, который касается сегодняшней темы.

Так, статья 46 ТРИПС регулирует вопросы конфискации и уничтожения контрафактных товаров, материалов и орудий производства. При этом в указанной статье предусмотрено, что по отношению к товарам с неправомерно используемыми товарными знаками простое удаление незаконно проставленного товарного знака не является достаточным, кроме исключительных случаев.

Кроме того, несмотря на то, что в статье 1040 Гражданского кодекса предусмотрено изъятие материальных объектов, с помощью которых нарушены исключительные права, и материальных объектов, созданных в результате такого нарушения в качестве одного из способов защиты исключительных прав на объекты интеллектуальной собственности, существующие положения в национальном законодательстве не в полной мере соответствуют статье 46 ТРИПС.

В частности, согласно статье 1107 Гражданского кодекса, вопрос уничтожения контрафактной продукции предусматривается только в случае невозможности удаления изображения с товара или его упаковки незаконно используемого товарного знака.

Для сравнения хотел бы привести пример из зарубежного опыта правового регулирования. Согласно ст. 1515 Гражданского кодекса РФ и раздела 18 Закона «Об охране товарных знаков и других обозначений» Германии, правообладателям предоставлено право требовать изъятия из оборота и уничтожения за счет нарушителя контрафактных товаров, этикеток, упаковок товаров, на которых размещен незаконно используемый товарный знак.

Также, определены специальные случаи, когда правообладатель будет ограничен только требованием об изъятии из оборота контрафактных товаров, этикеток, упаковок, а не самих товаров.

В заключении хотелось бы подчеркнуть, что в рамках данной статьи в основном были подняты лишь отдельные проблемные вопросы, которые имеют важное практическое значение с точки зрения защиты интеллектуальной собственности. Решение этих вопросов требует комплексного, взвешенного подхода с учетом нынешнего уровня осведомленности общества об ИС.

Список использованных источников

1. Бернская конвенция об охране литературных и художественных произведений // WIPO. - URL: <https://www.wipo.int/treaties/ru/ip/berne/> (дата обращения 20.04.2024).
2. Парижская конвенция по охране промышленной собственности // WIPO. - URL: <https://www.wipo.int/treaties/ru/ip/paris/> (дата обращения: 22.04.2024).
3. Соглашение по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности // WIPO. - URL: <https://www.wipo.int/wipolex/ru/treaties/details/231> (дата обращения: 22.04.2024).
4. Конституция Республики Узбекистан // LexUz : Национальная база данных законодательства Республики Узбекистан (дата обращения: 22.04.2024).
5. Гражданский кодекс Республики Узбекистан // LexUz : Национальная база данных законодательства Республики Узбекистан (дата обращения: 22.04.2024).
6. О товарных знаках, знаках обслуживания и наименованиях мест происхождения товаров : Закон Республики Узбекистан, от 30.08.2001 г. № 267-II // LexUz : Национальная база данных законодательства Республики Узбекистан (дата обращения: 22.04.2024).
7. О географических указаниях : Закон Республики Узбекистан, от 03.03.2022 г. № ЗРУ-757 // LexUz : Национальная база данных законодательства Республики Узбекистан (дата обращения: 22.04.2024).

8. О дополнительных мерах по дальнейшему развитию сферы интеллектуальной собственности : Постановление Президента Республики Узбекистан, от 26.04.2022 г. № ПП-221 // LexUz : Национальная база данных законодательства Республики Узбекистан (дата обращения: 22.04.2024).
9. О некоторых вопросах рассмотрения дел, связанных с интеллектуальной собственностью : Постановление пленума Верховного суда Республики Узбекистан, от 23.06.2023 г. № 19 // LexUz : Национальная база данных законодательства Республики Узбекистан (дата обращения: 22.04.2024).
10. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть четвертая : принят Гос. Думой 24 нояб. 2006 г. : Одобр. Советом Федерации 8 дек. 2006 г. // КонсультантПлюс. Россия : справ. правовая система (дата обращения: 23.03.2024).
11. Об охране товарных знаков и других обозначений : Закон Федеративной Республики Германии // WIPO. - URL: <https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/988> (дата обращения: 22.04.2024).
12. Daren Tang – A Selection of Speeches // WIPO. - URL: https://www.wipo.int/about-wipo/en/dg_tang/speeches/index.html (дата обращения: 22.04.2024).

**ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОЙ ЗАЩИТЫ
ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ В БИЗНЕСЕ:
НАЦИОНАЛЬНОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ
НА ПРИМЕРЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН**

Ю.М. Ходжиев

*кандидат юридических наук, преподаватель кафедры гражданского права
Ташкентского государственного юридического университета
yunushodjiev@mail.ru*

Аннотация. В данной статье рассматриваются способы защиты прав правообладателей интеллектуальной собственности в предпринимательской деятельности. Раскрываются способы и методы защиты товарных знаков и фирменных наименований. Также анализируется международная практика в сфере защиты прав интеллектуальной собственности.

Ключевые слова: интеллектуальная собственность; предпринимательская деятельность; товарный знак; фирменные наименования; защита; методы защиты.

Abstract. This article discusses ways to protect the rights of intellectual property rights holders in business activities. The ways and methods of protecting trademarks and brand names are revealed. International practice in the field of protection of intellectual property rights is also analyzed.

Keywords: intellectual property; entrepreneurial activity; trademark; brand names; protection; methods of protection.

Современное право принципиально воздерживается от вмешательства во «внутреннюю жизнь» личности — так же, как и от вторжения в сферу интимных отношений между людьми. Пока мысль не выражена, она для права просто не существует. Нельзя заставить человека мыслить, творить. Можно лишь создать такие условия, чтобы возникла возможность мышления, творчества. Без определенных условий такая возможность появиться не может. Но сам процесс творчества всегда остается за пределами действия правовых норм. «Право бессильно устанавливать границы в духовном производстве», — писал Гегель [1, с. 2].

Но как только результат творчества приобретает объективную форму, вступают в действие нормы права, обеспечивающие общественное признание этого результата, устанавливающие правовой режим соответствующего объекта и защиту прав и законных интересов его творца. Результаты интеллектуальной деятельности могут становиться объектами правоотношений только

тогда, когда они приобретают какую-либо объективную форму, обеспечивающую их восприятие другими людьми. Так, обязательным основанием для предоставления авторско-правовой защиты является внешнее выражение замысла автора в той или иной объективной форме.

При этом не имеет значения, зафиксирована ли идея, образ, мысль на материальном носителе или просто оглашена в месте, где присутствует значительное число лиц, не принадлежащих к обычному кругу семьи. До тех пор, пока замысел автора не стал доступен для восприятия других людей, объекта охраны просто не существует.

Именно объективно выраженный результат интеллектуальной деятельности может участвовать в экономическом обороте, становиться товаром, функционировать на рынке. Такой объект должен и может быть защищен государством, обществом, правом.

Последнее время в Узбекистане значительно изменилось законодательство, направленное на регулирование отношений в сфере интеллектуальной собственности. Основу данного законодательства составляют международно-правовые договоры, в которых принимает участие Узбекистан. В связи с этим, актуально имплементировать действующее международное законодательство во внутреннее законодательство Республики Узбекистан регулирующие отношения по созданию и использованию объектов авторского права, патентные вопросы и отношения, связанные с использованием средств индивидуализации юридического лица, ноу-хау и др.

Указом Президента Республики Узбекистан от 7 февраля 2017 года № УП-4947 “О стратегии действий по дальнейшему развитию республики Узбекистан” утверждено государственная программа о реализации стратегии действий по пяти приоритетным направлениям развития Республики Узбекистан на 2017-2021 годы в «Год общения с народом и интересов человека».

Глава III в пункте 146 в приоритетных направлениях экономического развития и либерализации поручено Государственному комитету по конкуренции, Агентству Узстандарт, Агентству технического регулирования, Министерству юстиции, Торгово-промышленной палате, министерствам и ведомствам рассмотреть дальнейшее развитие защиты интеллектуальной собственности и прав потребителей, в том числе:

- повышение прозрачности процедур регистрации прав на товарные знаки, промышленные образцы и выдачи патентов;

- обеспечение международного признания прав на объекты интеллектуальной собственности, зарегистрированные в Узбекистане;
- утверждение программ действий против случаев производства и реализации контрафактной продукции;
- пересмотр стандартов (O'zDSt) на соответствие качества и состава ингредиентов их наименованиям и маркам.

В связи с этим было внесено изменения в ряд законов Республики Узбекистан, именно «Об изобретениях, полезных моделях и промышленных образцах», «О товарных знаках, знаках обслуживания и наименованиях мест происхождения товаров», «Об авторском праве и смежных правах», «Об изобретениях, полезных моделях и промышленных образцах».

Субъекты предпринимательства в своем бизнесе имеют право на фирменное наименование, при производстве товаров имеют право на товарные знаки.

Но на сегодняшний день имеют значение многочисленные факты нарушения права на интеллектуальную собственность. В связи с этим принимаются меры по усиленной правовой защите интеллектуальных прав предпринимателей.

Чаще всего нарушения в области интеллектуальных прав связаны с использованием товарных знаков в сети Интернет. Ситуация осложняется тем, что национальные законодательства различных государств имеют отличные друг от друга режимы правовой охраны, т. е. судебные споры об интеллектуальных правах на товарные знаки, осложненные иностранным элементом, в разных странах разрешаются по-разному. Другой проблемой являются новые способы использования товарных знаков в сети Интернет, прежде всего в приложениях к мобильным устройствам и в социальных сетях [2, с. 78].

В гражданских правоотношениях защита имущественных и неимущественных прав — это прежде всего установка, требующая от обладателя права свободного осуществления своих прав, соблюдения интересов собственника имущества, связанных с получением дохода, чтобы другие лица не посягали на это право. В свою очередь, оно воплощает в себе обязанность других лиц соблюдать права правообладателя, направленные на получение материального дохода. К основаниям защиты прав обладателя исключительного права в отношении товарного знака относится комплекс неимущественных прав, которые он осуществляет в соответствии с законода-

тельством. Данное условие исходит из того, что имеются основания для правовой защиты товарного знака и он подлежит правовой защите. В практике применения законодательства, связанного с правовой охраной товарного знака, в ряде случаев даже зарегистрированные и охраняемые законом товарные знаки не будут иметь возможности правовой защиты. В частности, можно перечислить такие факторы, как негативное влияние товарного знака на права и интересы других лиц, нарушение безопасности государства и общества, правил этики.

Под методами защиты абсолютных прав понимаются правовые средства, меры и способы, обеспечивающие признание, соблюдение, исполнение, контроль каждого за такими правами, их восстановление в случае их нарушения, устранение последствий нарушения. Круг таких методов, их виды и порядок реализации определяются законами [3, с.47].

Другие исследователи оценивают это понятие как два разных понятия с точки зрения проявления определенных характеристик.

Например, по мнению Е.П. Гаврилова, защита представляет собой общий правовой режим, и рассматривается как мера, реализуемая в случаях нарушения прав или споров [4, с. 50]. По мнению Н.И. Матузова, защита осуществляется на постоянной основе, и применяется в случаях нарушения прав [5, с. 55].

Если рассмотреть эти понятия в законодательстве Республики Узбекистан, то можно увидеть, что понятия «защита прав» и «обеспечение правопорядка» трактуются как имеющие одно и то же значение.

Статья 1040 Гражданского кодекса Республики Узбекистан определяет защиту исключительных прав лица на товарный знак и согласно ей указываются способы защиты лицом своих исключительных прав, а именно:

- изъятием материальных объектов, с помощью которых нарушены исключительные права, и материальных объектов, созданных в результате такого нарушения. В случае правовой защиты товарных знаков данным способом, в первую очередь, продукция, произведенная с использованием данного товарного знака, может быть изъята как у нарушителя, так и у третьего лица. В таком случае третье лицо имеет право требовать регресса к правонарушителю, изготовившему поддельный или контрафактный товар.
- обязательной публикацией о допущенном нарушении, добавлением в нее сведений о том, кому принадлежит нарушенное право. При этом способ правовой охраны товарного знака по требованию правообла-

дателя на основании решения суда информация о незаконном использовании товарного знака обязательным порядке исполняется нарушителем.

— защита товарного знака может осуществляться и иными способами, предусмотренными законодательством. Однако требуется, чтобы действия, предпринимаемые по правовой охране товарного знака, не отклонялись от практики делового оборота.

Правовая защита товарного знака отличается в зависимости от того, осуществляется ли она в соответствии с национальным или международным законодательством. Правовая защита товарного знака в национальном законодательстве основана на регистрации в соответствии со статьей 6 Закона Республики Узбекистан от 30 августа 2001 года «О товарных знаках, знаках обслуживания и наименованиях мест происхождения», а также в соответствии с международными договорами Республики Узбекистан.

Международно-правовая защита товарного знака осуществляется в соответствии с Парижской конвенцией по охране промышленной собственности, принятой 20 марта 1883 года на основании членства Республики Узбекистан во Всемирной организации интеллектуальной собственности 25 декабря 1991 года.

Правовая защита товарного знака — это правовая защита зарегистрированного государством обозначения того же или сходного товарного знака, а также того же или сходного доменного имени, знака обслуживания, наименования места происхождения товарного знака, являющегося таким же или сходным к ранее зарегистрированному товарному знаку другими способами персонализации. Либо иным образом, под правовой защитой товарных знаков можно понимать применительно к одновременному использованию другими лицами двух схожих, но различных видов товарных знаков.

При этом оно заключается в правовой защите со стороны таможенных органов в случаях ввоза и вывоза обладателя абсолютного права в Узбекистан в особом порядке. Защита владельца исключительного права таможенными органами направлена на защиту не только владельца права, но и внутрипроизводственных отношений и экономических интересов государства.

В правоприменительной практике увеличивается количество случаев, связанных с подделкой товарного знака и доставкой его потребителю различными способами. Правовая защита товарного знака не должна ограничиваться только на соответствующей территории. Например, товарный

знак, зарегистрированный в Узбекистане для производства определенного вида продукции (например, Ниццкая международная классификация товаров и услуг), может одновременно использоваться в США для производства другой продукции или в качестве услуги, или оно может находиться в обращении как доменное имя.

Правовая защита товарного знака в Республике Узбекистан согласно статье 1102 Гражданского кодекса Республики Узбекистан товарный знак защищается законом на основании его регистрации. Из текста настоящей статьи следует отметить, что незарегистрированный знак не защищается законом. Например, если знак, принадлежащий лицу по имени А, идентичен или сходен до степени смешения со знаком, принадлежащим лицу по имени Б, то лицо по имени А не имеет права требовать от лица по имени Б не использовать этот знак. Если бы лицо по имени А использовало его при надлежащей регистрации, то лицо по имени А имело бы право потребовать от лица по имени Б не пользоваться соответствующим товарным знаком.

Первым условием правовой защиты товарного знака является правовая защита от обозначений, сходных с этим товарным знаком. Под правовой защитой товарного знака понимается отношение, связанное с использованием того же или сходного обозначения обладателем исключительного права в торговых отношениях. Товарный знак защищается правом в том случае, когда лицо требует от другого лица, недобросовестно использующего товарный знак прекратить его использование. Незнательное использование другим лицом товарного знака, ранее имевшего статус приоритетного в гражданском законодательстве, не может рассматриваться как нарушение прав обладателя исключительного права. Естественно, что в таком случае обладатель абсолютного права не имеет права требовать возмещения ущерба, причиненного лицу, нарушившему право. Если недобросовестное лицо, использующее товарный знак знает, что этот товарный знак принадлежит другому лицу, в таком случае лицо, право которого нарушено, имеет право требовать возмещения причиненного ему ущерба.

В свою очередь правовая защита товарного знака защищается гражданскими, административными и уголовно-правовыми методами.

Поскольку вопросы, связанные с правовой защитой товарного знака, являются предметом гражданского права, ниже остановимся на гражданско-правовых способах правовой защиты товарного знака.

Защита зарегистрированных в США объектов промышленной и коммерческой собственности осуществляется по следующим направлениям:

- правообладатель вправе установить запрет на перемещение через границу товаров, с использованием его технологий и разработок – такой запрет фиксируется в реестре, а таможенные службы наделены полномочиями по аресту перевозимой продукции;
- даже при выявлении факта угрозы нарушения прав, владелец патента или свидетельства может предъявить письменное требование – о запрете противоправного использования технологии, возмещении убытков;
- в судебные органы можно подать возражения о регистрации прав на смежные технологии, по расторжении лицензионных соглашений, о возмещении убытков или взыскании компенсации;
- система правоохранительных органов США обладает полномочиями по возбуждению уголовных дел по собственной инициативе, либо по обращению правообладателя.

Даже при наличии разрешения от правообладателя, использование объекта интеллектуальной деятельности может быть признан нарушением. Это происходит при недобросовестном использовании либо, когда временный владелец раскрывает коммерческую или конфиденциальную информацию третьим лицам.

На период судебных разбирательств контрафактный товар будет конфискован в качестве обеспечительной меры. Правоохранительные и таможенные ведомства США могут это сделать даже при отсутствии заявления от правообладателя. За счет такого обеспечения происходит возмещение убытков и оплата штрафов в бюджет США, если факт нарушения будет подтвержден в суде [8, с. 2].

Гражданско-правовая охрана товарного знака связана с тем, что лицо, права которого нарушены имеет право требовать от нарушителя возмещения причиненного ему вреда или предостерегать его от повторного совершения этих действий из-за нарушения права или по причине действия, создавшие препятствия на пути реализации этого права. Способы правовой защиты товарного знака состоят из комплекса мер, связанных с защитой товарного знака владельца исключительных прав от недобросовестных действий других лиц.

По мнению О. Окюлова, под методами защиты абсолютных прав можно понимать правовые средства, меры и способы, обеспечивающие

признание, соблюдение, реализацию, защиту всеми таких прав, их восстановление в случае нарушения, устранение последствий нарушения [6, с. 107].

Правовая защита товарных знаков осуществляется следующими методами.

Во-первых, признание права на товарный знак. Данный способ правовой защиты товарного знака, являющийся средством персонализации, показывает, что другие лица признают и уважают права владельца исключительного права на этот товарный знак по факту его регистрации. Признание абсолютного права — это признание абсолютных прав правообладателя в отношении объекта права интеллектуальной собственности третьими лицами либо государственным органом или судом. Этот метод может быть использован как при наличии спора о принадлежности исключительного права правообладателю, так и при отсутствии такого спора, например, для свидетельствования о том, что исключительное право возникло и принадлежит правообладателю.

Во-вторых, восстановление ситуации до нарушения права на товарный знак и предотвращение действий, нарушающих или угрожающих нарушением права. Данный способ, используемый для защиты прав обладателя исключительного права в отношении товарного знака, осуществляется правообладателем и уполномоченным государственным органом. В этом способе правовой защиты есть два аспекта, т.е. первый заключается в восстановлении состояния товарного знака до нарушения его прав, а во-вторых, предотвратить действия, нарушающие право или угрожающие его нарушением.

В-третьих, признание договора не действительным и применение последствий его недействительности. Применение последствий недействительности сделки в результате признания недействительным лицензионного договора на товарный знак становится не действительным и постороннее лицо прекращает использование товарного знака.

Защита прав обладателя исключительного права способом возмещения убытков от нарушителя нарушенному лицу за незаконное использование товарного знака является одним из наиболее распространенных способов в гражданских правоотношениях.

Согласно Закону Республики Узбекистан «О фирменных наименованиях» фирменным наименованием является индивидуальное название юридического лица — коммерческой организации, исключительное право на которое возникает в момент его государственной регистрации. В связи

с этим, после государственной регистрации субъекты предпринимательства имеют исключительное право на фирменное наименование.

Правовая защита фирменного наименования предоставляется с момента государственной регистрации юридического лица, а в отношении фирменного наименования иностранного юридического лица — с даты начала осуществления иностранным юридическим лицом деятельности в качестве участника гражданского оборота на территории Республики Узбекистан. В этих случаях основы условий правовой охраны товарного знака реализуются согласно соответствующим международно-правовым документам, участником которых является Узбекистан.

Список использованных источников

1. Черкасова, О. В. Защита интеллектуальной собственности: учеб. пособие / О. В. Черкасова. - Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2017. - 102 с.
2. Демьянец, М. В. Предпринимательская деятельность в сети Интернет : монография / М. В. Демьянец, В. М. Елин, А. К. Жаркова. - М. : Юркомпани, 2014. – 440 с.
3. Окюлов, О. Право интеллектуальной собственности: общие правила и специальные объекты / О. Окюлов. – Ташкент : ТДЮИ, 2003. - 47 с.
4. Гаврилов, Э. П. Комментарий Закона об авторском праве и смежном правах / Э. П. Гаврилов. - М., 1996. - 489 с.
5. Матузов, Н. И. Правовая система и личность / Н. И. Матузов. Саратов, 1987. - 214 с.
6. Окюлов, О. Теоретические и практические проблемы правового статуса интеллектуальной собственности / О. Окюлов. – Ташкент : ТДЮИ, 2004. – 107 с.
7. Защита интеллектуальной собственности в США // Агентство по защите интеллектуальной собственности Проф-патент. – URL: <https://prof-patent.ru/91zashhita-intellektualnoj-sobstvennosti-v-ssha-osobennosti.html> (дата обращения: 02.05.2024).

АНАЛИЗ ТРЕХСТУПЕНЧАТОГО ТЕСТА И КОНЦЕПЦИИ ДОБРОСОВЕСТНОГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПРОИЗВЕДЕНИЙ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

П.А. Чупракова

аспирант отдела исследований в области гражданского, экологического и социального права Института правовых исследований Национального центра законодательства и правовых исследований Республики Беларусь
p.chuprakova@gmail.com

Аннотация. Простота незаконного использования в сети Интернет произведений без согласия авторов, а также сложности в защите нарушенных в интернете прав, вредит им, принося как моральные, так и материальные потери. В связи с этим защита прав в интернете относится к одним из самых актуальных вопросов в сфере авторского права.

Статья посвящена анализу трехступенчатого теста и доктрины добросовестного использования, которая, в рамках правовой системы США обеспечивает возможность заимствования и последующего использования фрагментов чужой работы. Автор приходит к выводу, что доктрина *fair use* дает правовой системе необходимую гибкость и направлена на устранение сбоев функционирования рыночной системы. Кроме того, белорусскому законодателю уже сегодня необходимо определить, насколько современный подход, основанный на принципах допустимого использования вместо конкретных законодательных ограничений, соответствует потребностям общества.

Ключевые слова: авторское право; исключительные права; свободное использование; трехступенчатый тест; добросовестное использование; сеть Интернет.

Abstract. The ease of illegal use of works on the Internet without the consent of the authors, as well as the difficulties in protecting the rights violated on the Internet, harms them, bringing both moral and material losses. In this regard, the regulation of the issues of protection of rights on the Internet is one of the most urgent issues in the field of copyright.

The article is devoted to the analysis of the three-step test and the doctrine of fair use, which, within the framework of the U.S. legal system provides the possibility of borrowing and subsequent use of fragments of someone else's work. The author concludes that the doctrine of fair use gives the legal system the necessary flexibility and is aimed at eliminating the failures of the market system. In addition, Belarusian legislator already today needs to determine to what extent the modern approach based on the principles of permissible use instead of specific legislative restrictions meets the needs of society.

Keywords: copyright; exclusive rights; free use; three-step test; fair use; Internet.

Обладая исключительным авторским правом, автор или другой правообладатель имеет возможность регулировать использование своего произведения.

С одной стороны, авторское право устанавливает монополию автора в отношении его произведения. Это суть, как авторского права, так и интеллектуальной собственности в целом. Таким образом, у автора есть исключительное право, в связи с которым только он может использовать свое произведение и разрешать другим его использование. В то же время законодателя всегда волнуют вопросы баланса интересов между авторами и пользователями, ведь если бы монополия авторов была абсолютной, это парализовало бы развитие нашей культуры.

Подход к пределам исключительного права в континентально-европейских странах предполагает, что закон должен конкретно указывать случаи, когда разрешено использовать чужое произведение без согласия автора. При таких установлениях законодатель должен учитывать способ, цель, сферу, объем использования и лицо, осуществляющее использование произведения.

В свою очередь, одной из основ американской системы авторского права является доктрина добросовестного использования произведений (*fair use*).

Доктрина добросовестного (свободного) использования – это принцип американского авторского права, который позволяет ограниченное использование объектов, защищенных авторским правом, без необходимости получения согласия от автора (правообладателя). Возникшая в американской судебной практике еще в 1841 году, доктрина *fair use* обеспечивает возможность свободного использования объектов авторского права при условии разумности такого использования [1, с. 137].

Согласно ст. 107 Закона США об авторском праве 1976 года добросовестное использование защищенного авторским правом материала, даже без разрешения правообладателя, не рассматривается как нарушение авторских прав. Так, использование произведения для целей критики, комментирования, новостной информации, обучения (включая создание копий для учебных занятий), исследований или личного образования не считается нарушением авторских прав.

Далее в ст. 107 устанавливаются критерии, которые помогут суду понять, является ли рассматриваемое использование добросовестным. К таким относятся: цель и характер использования (в том числе имело ли

оно коммерческую природу или применялось с некоммерческими образовательными целями); сущность (природу) произведения; количество и значительность заимствования произведения, которое было использовано; эффект, который оказало использование на потенциальный рынок или ценность произведения [2].

Сама идея ограничения исключительного права автора или правообладателя нашла своё отражение также и на уровне международно-правового регулирования. Необходимо обратиться к положениям части второй ст. 9 Бернской конвенции об охране литературных и художественных произведений, которые предоставляют странам-участницам право свободного копирования творческих работ в специфических ситуациях, при соблюдении условия, что такое копирование не окажет негативного влияния на обычное использование произведения, не ухудшит законных прав автора, а также наличия в законодательстве указания на конкретный случай использования. Данный принцип, регулирующий исключительные права с ограничениями, был внедрен в конвенцию в 1967 году и в юридической литературе известен как трехступенчатый тест (англ. three-step test).

В своем исследовании К. Гейгер отмечает, что концепция трехступенчатого теста впервые возникла на Стокгольмской конференции по пересмотру Бернской конвенции, основной целью которой было закрепление права на воспроизведение на международном уровне. Однако, поскольку многие страны уже имели определенные исключения из права на воспроизведение в своих национальных законах и не стремились менять их, в ст. 9 Бернской конвенции был введен абзац, содержащий расплывчатый общий критерий, позволявший странам-участницам вводить исключения из нового права. По мнению Гейгера, именно такая широкая и мало обязывающая формулировка способствовала успеху теста в переговорах по последующим соглашениям в сфере интеллектуальной собственности, поскольку она давала возможность решать спорные вопросы об исключениях, ссылаясь на общую статью, которая могла быть применима как в странах с гражданским законодательством, так и в странах общего права [3, с. 6–7].

В дальнейшем условия таких ограничений появились и в других международных соглашениях по интеллектуальной собственности, в частности в Договоре Всемирной организации интеллектуальной собственности по авторскому праву.

Кроме того, в системе международных договоров, устанавливающих допустимые ограничения исключительных прав, важное значение имеет

Соглашение по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности 1994 года (Соглашение ТРИПС), являющееся частью Договора, учреждающего Всемирную торговую организацию (ВТО). В ст. 13 Соглашения ТРИПС указано, что страны-члены ВТО должны устанавливать ограничения или изъятия в отношении исключительных прав только в особых случаях, которые не противоречат обычному использованию произведения и не ущемляют законные интересы владельца прав. Эта норма представляет собой известный принцип "трехступенчатого теста".

Первое условие «некоторые особые случаи» понимается таким образом, что слово «некоторые» подразумевает, что исключение из имущественного права должно быть четко определено, таким образом, нет необходимости уточнять каждую ситуацию, в которой исключение применяется, если его границы ясно определены. Слово «особые» означает, что исключение должно быть ограниченным в применении или относится только к исключительным случаям. Это подразумевает, что исключение должно быть узким в своем применении и иметь четкую цель. Стоит отметить, что не упомянута обязательность наличия какой-либо общественно значимой или полезной цели, которая бы оправдывала установление ограничения права.

Анализ второго условия сосредоточен на понятии "нормальное использование" и исходит из предположения, что правообладатель не может безусловно ограничивать любое использование своего произведения для осуществления своих имущественных прав. В противном случае, ст. 13 Соглашения ТРИПС и вся концепция были бы лишены смысла. Поэтому ограничение исключительного права считается согласованным с нормальным использованием, если оно ограничено в достаточной мере и не является конкуренцией в экономическом плане для тех способов использования, которыми правообладатель типично получает или ожидает получить выгоду от своих прав.

Наконец, третье условие теста – ущемление законных интересов правообладателя без обоснования – происходит, если ограничение или исключение исключительных прав приводит к значительным потерям дохода от использования произведения.

Обсуждение трехступенчатого теста в юридической доктрине часто сопряжено с дискуссией о том, следует ли применять его критерии (шаги) в строгой последовательности, начиная с первого и заканчивая последним, или же проверка должна прекратиться при невыполнении, например, первого

шага. В преобладающей судебной практике такая интерпретация считается приемлемой, хотя в научном сообществе нет единого мнения по этому вопросу. В конечном итоге, по нашему мнению, не имеет решающего значения, применять ли условия теста строго по очереди или в совокупности. В обоих случаях, если хотя бы один из критериев не выполняется, это должно привести к отказу от рассматриваемого ограничения, при условии, что каждый критерий считается обязательным. В этом контексте более актуальным и значимым представляется другой вопрос: может ли законодатель принимать во внимание другие факторы, помимо теста, при введении ограничений на исключительное право, даже если последнее не полностью соответствует одному из его условий [4].

Закон Республики Беларусь от 17 мая 2011 г. № 262–З «Об авторском праве и смежных правах» содержит главу, описывающую, в каких случаях можно использовать произведение без разрешения правообладателя и почти всегда без выплаты вознаграждения. Так, случаи свободного использования произведения можно разделить на использование в личных, информационных, научных, учебных, культурных, а также публичных целях. К таким случаям относится цитирование произведений для научных, образовательных, полемических, критических или новостных целей, а также копирование произведений для личного использования в одном экземпляре, и публичное исполнение произведений непрофессиональными исполнителями без коммерческих намерений. Кроме того, в рамки свободного использования входит адаптация произведений в форматы, доступные для людей с ограниченными возможностями, включая незрячих и слабовидящих. Также существуют случаи, когда произведения могут свободно использоваться в средствах массовой информации.

Как видно случаев свободного использования в национальном законодательстве достаточно много, главное – внимательно в них разобраться и не выходить за их пределы. Если конкретные обстоятельства использования не подходят под случаи свободного использования, то действует общее правило: для использования произведения необходимо получить разрешение у правообладателя.

Согласно весьма популярной научной концепции «смены парадигм» Т. Куна, когда ученые обнаруживают необъяснимые при помощи универсально принятой модели постановки проблем и их решений аномалии, происходит научная революция [5]. Таким образом, возникновение передовых технологий, принятие новых правил в отношении интеллектуальной

собственности и интенсивное распространение свежих концепций вызывает потребность в изменении основных подходов в области интеллектуальной собственности.

На сегодняшний день все большее число государств делает выбор в пользу концепции добросовестного использования произведений, например, Израиль, Либерия, Малайзия, Филиппины, Сингапур, Южная Корея, Шри-Ланка уже внесли соответствующий институт в национальное законодательство. В дополнение к этому, некоторые правовые системы, не устанавливая добросовестное использование в явном виде, в ходе применения законов существенно расширяют рамки такого использования произведений, что в итоге оно становится практически тождественным данной концепции. Так, мы можем констатировать своего рода «тренд» на распространение доктрины *fair use*.

Данный механизм имеет хорошую адаптивность к развитию современных технологий, появлению новых способов использования произведений и потребностям общества, но при активном использовании современных информационных систем возникают определенные проблемы.

Концепция добросовестного использования обычно охватывает множество ситуаций, которые в континентальной системе права часто рассматриваются как независимые ограничения на авторские права. Это включает в себя использование произведений для критики, обзоров, новостных сообщений, образовательных целей, научных исследований, создания пародий, а также в рамках судопроизводства и прочее. Таким образом, под эту категорию могут попадать и новые формы использования произведений. Вместе с тем применение этой доктрины к некоммерческому использованию имеет свои ограничения.

Что касается перспектив использования доктрины добросовестного использования в странах континентально-правовой системы, то они весьма неоднозначны. В свою очередь В.О. Калятин исходит из того, что концептуально применение данной доктрины достаточно узко – оно направлено на корректировку рыночных механизмов в случаях сбоев и в первую очередь имеет в виду не пользователей, а других авторов – следовательно, применение её в случаях некоммерческого использования весьма ограничено, что делает бессмысленным её внедрение в гражданское законодательство [6].

Кроме того, существует точка зрения, что гибкость, часто упоминаемая как ключевое достоинство доктрины добросовестного использования, также

может быть применима к свободному использованию, так как его критерии зачастую выражены в общих чертах и требуют интерпретации судом [7].

Некоторые исследователи считают, что внедрение принципа добросовестного использования в континентальные правовые системы может способствовать унификации авторского законодательства. Гармоничное внедрение таких открытых правовых концепций, как *fair use*, возможно благодаря формированию устойчивой судебной практики. В то же время, неоднозначное толкование даже тех норм, которые кажутся очевидными, может нанести ущерб правовой определённости.

Особый интерес представляют работы К. Гейгера и Е. Изюменко, направленные на разработку доктрины «европейского добросовестного использования», основанной на праве на свободу слова. В качестве факторов добросовестного использования выделяются характер использования (коммерческий либо некоммерческий; трансформативность использования); цели использования; сущность объекта, степень воздействия на имущественные интересы правообладателя, наличие у ответчика альтернатив использованию чужого объекта авторского права [8].

Таким образом, континентально-правовой подход к определению пределов исключительного права обладает собственной спецификой и основывается на трехступенчатом тесте. Возможность имплементации американского аналога (доктрины добросовестного использования) активно обсуждается в научной литературе, но по сей день ее перспективы выглядят весь неоднозначно.

Как мы видим, авторское право вступает в новую фазу своего развития, характеризующуюся глобальным цифровым использованием творческих работ. Прошедшие годы принесли значительные изменения, но предстоящие трансформации обещают быть ещё более масштабными. Интерес к будущему авторского права широко распространён не только среди учёных, но и обычных интернет-пользователей. Важно определить уже сегодня, насколько современный подход, основанный на принципах допустимого использования вместо конкретных законодательных ограничений, соответствует потребностям общества.

Список использованных источников

1. Калятин, В. О. О некоторых тенденциях в развитии концепции «добросовестного использования» в современном авторском праве стран «общего права» / В. О. Калятин // Право. Журн. Высшей шк. экономики. – 2013. – № 3. – С. 136–150.

2. U. S. Code Title 17 – Copyrights : Legal Information Institute. Cornell Law School. – URL: <https://www.law.cornell.edu/uscode/text/17/> (date of access: 20.04.2024).
3. Гейгер, К. Роль трехступенчатого теста в адаптации законодательства об авторском праве к информационному обществу / К. Гейгер // Бюллетень ЮНЕСКО по авторскому праву. – 2007. – № 1. – URL: <http://unesdoc.unesco.org/images/0015/001578/157848r.pdf> (дата обращения: 25.04.2024).
4. Овчинников, И. В. Трехшаговый тест в авторском праве: проблемы толкования и применения / И. В. Овчинников // Журнал Суда по интеллектуальным правам. – 2022. – № 1. – С. 71–79.
5. Глебкин, В. В. Томас Кун и его «Структура научных революций» / В. В. Глебкин // Исследователь/Researcher. – 2010. – № 1 (2). – С. 6–12.
6. Калятин, В. О. О перспективах применения в России доктрины добросовестного использования / В. О. Калятин // Закон. – 2015. – № 11. – С. 2–9.
7. Ворожевич, А. С. Случаи свободного использования объектов авторских прав: сущность, общий обзор / А. С. Ворожевич, Н. В. Козлова // Вестник гражданского права. – 2019. – № 5. – С. 43–78.
8. Geiger, C. Towards a European "Fair Use" Grounded in Freedom of Expression / C. Geiger, E. Izyumenko // American University International Law Review. – 2019. – Vol. 35, № 1. – P. 28–48.

ЮРИДИЧЕСКИЕ РИСКИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СУБЪЕКТОВ ХОЗЯЙСТВОВАНИЯ

Н.В. Шакель

кандидат юридических наук, доцент, старший юрист,
ООО «Степановский, Папакуль и партнеры. Юридические услуги»
n.shakel@spplaw.by

Аннотация. С учетом возрастающего применения субъектами хозяйствования систем и ресурсов, основанных на работе искусственного интеллекта, в статье рассмотрены юридические рамки соответствующей деятельности. Определены основные проблемы, связанные с введением в гражданский оборот объектов, созданных с использованием нейросетей. Оценены перспективы совершенствования законодательства.

Ключевые слова: искусственный интеллект, нейросеть, юридическое лицо, авторское право, дискриминация

Abstract. Taking into account the increasing use by business entities of systems and resources based on the work of artificial intelligence, the article discusses the legal framework of the relevant activities. The main problems associated with the introduction into civil circulation of objects created using neural networks are identified. The prospects for improving legislation are assessed.

Keywords: artificial intelligence, neural network, legal entity, copyright, discrimination.

«Искусственный интеллект как научное направление сейчас в моде» - отмечал еще в 1992 г. в статье «Искусственный интеллект в Республике Беларусь» В. Голенков [1]. К настоящему моменту можно говорить о том, что искусственный интеллект имеет значение не только как направление научного поиска, но и как практический инструмент, который может использовать практически каждый человек и организация. Соответствующие системы изучаются в том числе и учеными-правоведами, в том числе в рамках комплексных исследований, таких как проведенное коллективом авторов в 2002 г. (М. Н. Сатолина, Н. С. Минько, Д. В. Шаблинская, Ю. В. Кочурко, Д. С. Маркевич, О. Р. Кочерга, Н. Г. Колесень, М. П. Курилович, А. А. Сулейков) [2]. Вместе с тем, правовые аспекты и имеющиеся риски использования искусственного интеллекта в деятельности субъектов хозяйствования на данный момент не получили достаточного внимания.

Развитие искусственного интеллекта в последние годы характеризуется «выходом» соответствующих систем на массовый уровень, как

следствие, простота их использования приводит к «проникновению» соответствующих систем в практически каждодневную деятельность субъектов хозяйствования. Наиболее часто такие системы используют дизайнеры, иллюстраторы, копирайтеры и контент-менеджеры, так как генеративные нейросети позволяют создавать тексты, изображения и иные объекты. Кроме того, кадровые службы организаций зачастую используют системы искусственного интеллекта для того, чтобы оценить кандидатов на работу (проводя их предварительный отбор), либо чтобы по тем или иным критериям анализировать поведение работников (например, чтобы предупредить возможное «профессиональное выгорание» или увольнение). Все эти способы использования требуют учета действующих норм законодательства.

Следует сразу оговориться, что на данный момент специальное комплексное регулирование систем искусственного интеллекта в Республике Беларусь отсутствует. Это, однако, не означает, что соответствующая сфера деятельности лишена регулирования как таковая. На отдельные способы применения искусственного интеллекта распространяются уже действующие нормы права, как следствие, если не учитывать соответствующие положения возможно привлечение к ответственности.

В первую очередь следует отметить, что с точки зрения гражданского законодательства искусственный интеллект представляет собой определенное программное обеспечение, совокупность компьютерных программ. Они могут размещаться на определенных сайтах, или быть в виде мобильного приложения, или быть частью устанавливаемой на устройство программы. С точки зрения регулирования в сфере интеллектуальной собственности это означает, что использование рассматриваемых программ, как и всех иных, требует учета положений законодательства об авторском праве.

Напомним, что компьютерная программа – представленная в объективной форме упорядоченная совокупность команд и данных, предназначенных для использования на компьютере и в иных системах и устройствах в целях обработки, передачи и хранения информации, производства вычислений, получения аудиовизуальных изображений и других результатов. Лицу, правомерно владеющему экземпляром компьютерной программы, принадлежит право ее использования по прямому назначению, включая установку на компьютер или иное устройство, запуск и работу с ней (использо-

вание заложенных в компьютерную программу функциональных возможностей), на условиях, установленных автором или иным правообладателем (ст. 13 Закона Республики Беларусь от 17.05.2011 № 262-З «Об авторском праве и смежных правах»).

Это означает, что правообладатели имеют право устанавливать определенные ограничения для использования их сервисов, в том числе для коммерческого использования в деятельности субъектов хозяйствования. При этом с учетом того, что многие системы искусственного интеллекта разработаны в иноязычных юрисдикциях, установление содержания соответствующих лицензионных и пользовательских соглашений может оказаться затруднительным.

Приведем в качестве примера условия использования сервиса Midjourney (нейросеть, которая может генерировать изображения на основании запроса пользователя). В качестве базового условия сервис указывает, что пользователи сервиса становятся правообладателями всех созданных ими изображений, и даже если срок их подписки на сервис истек, они могут использовать эти изображения по своему усмотрению. Однако далее в пользовательском соглашении имеется важное ограничение: если бизнес пользователя приносит более 1 000 000 (один миллион) долларов США в год, необходимо использование специальных тарифных планов (а не «базового») для использования изображений в коммерческих целях для компании [3; 4]. Юридические риски в этой ситуации связаны еще и с тем, что правообладатель соответствующих систем имеет право в любой момент изменять условия использования, тарифные планы, вводить ограничения на все или отдельные виды изображений. При этом пользователи зачастую не отслеживают при каждом использовании сервиса содержание актуальной версии пользовательского соглашения (или соответствующие условия лицензии, применимой к тому или иному тарифному плану).

Кроме того, не следует забывать и о том, что системы искусственного интеллекта защищаются и с помощью товарных знаков. Так, компания ОупенАИ (OpenAI OpCo, LLC), владелец одной из наиболее известных систем (ЧатДжиПиТи, с англ. ChatGPT) – имеет несколько товарных знаков, зарегистрированных по международной процедуре. В этой связи использование субъектами хозяйствования соответствующих наименований на своих товарах, особенно связанных с использованием компьютерных технологий, может повлечь предъявление соответствующих претензий.

В деятельности организаций, как мы уже указывали выше, системы искусственного интеллекта часто используются для анализа резюме кандидатов. Как отмечают исследователи, например, способность соискателя работать в команде может оцениваться по количеству местоимений «я» вместо «мы» [5]. Еще один достаточно известный пример – анализ «выгорания» сотрудников на основании того, как быстро и эффективно они отвечают на поступающие письма (в том числе путем перенаправления их иным работникам).

Автоматизация и применение систем искусственного интеллекта затронула даже юридическую сферу. Одним из вариантов использования искусственного интеллекта в деятельности соответствующих служб в юридической литературе рассматривался чат-бот, который будет способен давать компетентные ответы на повторяющиеся вопросы (с учетом однотипности вопросов, задаваемых зачастую юристам лицами, не имеющими юридического образования) [6]. Отметим, что в настоящее время при использовании таких систем следует учитывать и регулирование в сфере защиты персональных данных. При использовании чат-бота велика вероятность того, что пользователи будут предоставлять данные о себе, в том числе достаточно чувствительные (например, работник может сообщить о наличии у него инвалидности, иных обстоятельств и сведений, в том числе относящихся к категории «специальных» персональных данных). Кроме того, не всегда лица, которые используют системы искусственного интеллекта, понимают, как их данные будут использоваться далее (в том числе для возможного последующего обучения такой системы). Следует согласиться с тем, что в современных условиях необходим поиск баланса между необходимостью развития новых технологий (большие данные, искусственный интеллект и др.), требующих обработки массивов персональных данных для создания новых сервисов и др., и требованиями законодательства о персональных данных [7].

Следует отметить, что в перспективе ожидается развитие регулирования отношений, связанных с использованием систем, использующих искусственный интеллект. Указом Президента Республики Беларусь от 28.06.2023 № 196 «О Концепции правовой политики Республики Беларусь» было определено, что в сферах гражданского, экономического (хозяйственного) законодательства предстоит урегулировать вопросы обращения цифрового имущества и цифровых имущественных прав, примене-

ния искусственного интеллекта, робототехники, киберфизических систем, беспилотного транспорта.

Вместе с тем, несмотря на длительную историю развития искусственного интеллекта именно с технической точки зрения, можно констатировать, что только в последние годы идет его активное внедрение в практическую жизнь в массовых объемах, нарабатывается практика, как физических лиц, так и субъектов хозяйствования, выявляются новые способы применения и риски. Данные тенденции и процессы касаются не только сферы интеллектуальной собственности, но и иных юридических аспектов. Как следствие, на данном этапе выработка предложений по совершенствованию законодательства представляется достаточно проблематичной, поскольку еще не выявились наиболее существенные проблемы. При этом регулирование в данной сфере должно быть комплексным и не может ограничиваться совершенствованием, например, только положений об авторском праве.

Список использованных источников

1. Голенков, В. В. Искусственный интеллект в Республике Беларусь / В. В. Голенков // Новости искусственного интеллекта. – 1992. – № 1. – С. 54-60.
2. Зарубежный опыт и перспективы правового обеспечения формирования и развития искусственного интеллекта в Республике Беларусь / М. Н. Сатолина, Н. С. Минько, Д. В. Шаблинская [и др.] ; под ред. Н. С. Минько. – Минск : Бел. навука, 2022. – 249 с.
3. Terms of Service // Midjourney. - URL: <https://docs.midjourney.com/docs/terms-of-service> (date of access: 20.04.2024).
4. Can I use my images commercially? // Midjourney. - URL: <https://help.midjourney.com/en/articles/8150363-can-i-use-my-images-commercially> (date of access: 20.04.2024).
5. Дудинская, А. В. Чем поможет искусственный интеллект в кадровых вопросах / А. В. Дудинская // iLex : информ. правовая система (дата обращения: 31.07.2023).
6. Сенюто, Н. С. Legal Tech: искусственный интеллект в помощь юристу / Н. С. Сенюто // iLex : информ. правовая система (дата обращения: 07.02.2023)
7. Постатейный комментарий к Закону Республики Беларусь "О защите персональных данных" / А.А. Гаев, В.И. Диско, С.В. Задиран [и др.] // Нац. Центр защиты персональных данных. - URL: <https://cpd.by/pravovaya-osnova/metodologicheskiye-dokumenty-rekomendatsii/postatejnyj-kommentarij-k-zakonu-respubliki-belarus-o-zashhite-personalnyh-dannyh/> (дата обращения: 21.04.2024).

ОБЪЕКТЫ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА КАК НОВЫЙ ИНСТИТУТ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН: ПОНЯТИЕ И ИХ ПРАВОВОЙ СТАТУС

У.Ш. Шарахметова

*профессор, кандидат юридических наук, профессор кафедры гражданского права
Ташкентского государственного юридического университета
sharaxmetova74@list.ru*

Аннотация. В статье на основе анализа законодательства Республики Узбекистан рассмотрены понятие и правовой статус искусственного интеллекта как новый институт гражданского права Республики Узбекистан. Рассмотрены существенные признаки искусственного интеллекта. ИИ рассматривается как субъект и как объект гражданского права. Разработаны предложения по определению правового статуса искусственного интеллекта в законодательстве Республики Узбекистан.

Ключевые слова: искусственный интеллект; интеллектуальная собственность, правосубъектность, электронное лицо.

Abstract. The article, based on an analysis of the legislation of the Republic of Uzbekistan, examines the concept and legal status of artificial intelligence as a new institution of civil law of the Republic of Uzbekistan. The essential features of artificial intelligence are considered. AI is considered both a subject and an object of civil law. Proposals have been developed to determine the legal status of artificial intelligence in the legislation of the Republic of Uzbekistan.

Keywords: artificial intelligence; intellectual property, legal personality, electronic person.

Появление и активное развитие искусственного интеллекта породило многочисленные научные дискуссии по поводу определения его места и роли в системе общественных отношений, регулирования правовых отношений, возникающих в сфере создания и применения искусственного интеллекта и связанных с ним объектов.

Палитра позиций ученых достаточно широка: от предложений признать искусственный интеллект новым объектом права или даже самостоятельным субъектом права с наделением определенными гражданскими и политическими правами, в связи с чем подчеркивается необходимость в силу специфичности данного объекта (субъекта) разработать качественно новое *sui generis* правовое регулирование, до утверждений о том, что все необходимые категории и правовые режимы уже имеются в существующем

законодательстве, поэтому необходимость в дополнительном правовом регулировании искусственного интеллекта отсутствует.

Легальное определение понятия «искусственный интеллект» закреплено в соответствии со Стратегией «Цифровой Узбекистан – 2030»[1] и в целях создания благоприятных условий для ускоренного внедрения технологий искусственного интеллекта и их широкого применения в стране, обеспечения доступности и высокого качества цифровых данных, подготовки квалифицированных кадров в Постановлении Президента Республики Узбекистан «О мерах по созданию условий для ускоренного внедрения технологий искусственного интеллекта» [2].

В современных реалиях активного развития искусственного интеллекта возникает вопрос о необходимости определения его статуса, создания полноценного правового регулирования деятельности искусственного интеллекта, определения ответственности за действия, совершаемые при помощи искусственного интеллекта, а также требуется обратить внимание на морально-этические вопросы наделения искусственного интеллекта правосубъектностью.

В связи с прогрессивным развитием технологий в научном сообществе обсуждается возможность наделения искусственного интеллекта правосубъектностью, то есть, фактически предлагается предоставить искусственному интеллекту возможность быть субъектом правоотношений и наделить правами и обязанностями. В связи с этим возникают правовые вопросы.

Определяя статус искусственного интеллекта, необходимо отметить, что во всем мире отсутствует единая позиция по указанному вопросу, и в разных юрисдикциях подход к статусу искусственного интеллекта отличается.

В ряде стран искусственный интеллект частично наделен правосубъектностью, например, в 2017 году робот, произведенный гонконгской компанией «Hanson Robotics», стал первой в мире машиной, получившей гражданство (Саудовская Аравия) [3], Япония предоставила чат-боту Shibuya Mirai резидентство, а в ЮАР существует прецедент выдачи искусственному интеллекту патента. В Российской Федерации, хотя и имеется неоднозначный подход к наделению искусственного интеллекта правосубъектностью, но все же он склоняется больше в сторону отсутствия предоставления искусственному интеллекту данной возможности. Поэтому можно говорить

о возможности наделения искусственного интеллекта правосубъектностью в целом и о правовом регулировании правоотношений, связанных с созданием объектов интеллектуальной собственности искусственным интеллектом именно на территории Республики Узбекистан.

В настоящий момент законодательство Республики Узбекистан не содержит правовых норм, регламентирующих деятельность искусственного интеллекта. Однако, в законодательстве уже имеются первые шаги к созданию данного регулирования.

Под искусственным интеллектом понимается комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые, как минимум, с результатами интеллектуальной деятельности человека.

Комплекс технологических решений включает в себя информационно-коммуникационную инфраструктуру, программное обеспечение (в том числе, в котором используются методы машинного обучения), процессы и сервисы по обработке данных и поиску решений.

Из указанного определения необходимо выделить следующие существенные признаки:

- искусственный интеллект – это комплекс технологических решений;
- указанный комплекс технических решений должен позволять имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма);
- результат работы искусственного интеллекта должен быть сопоставим как минимум с результатами интеллектуальной деятельности человека.

У данного понятия имеется ряд существенных недостатков. Во-первых, применение понятия «искусственный интеллект» само по себе является некорректным. Во-вторых, ставится под сомнение возможность искусственного интеллекта имитировать когнитивных функций человека.

Понятие «интеллект» является довольно широким и включает в себя, в том числе, мыслительную деятельность. Сам по себе термин «интеллект» (intelligence) происходит от латинского intellectus - ум, рассудок, разум, мыслительные способности человека. В Докладе Всемирной комиссии ЮНЕСКО «Об этике робототехники» от 2017 года называется четыре основ-

ные характеристики современного робота: мобильность, интерактивность, коммуникативность, автономность, позволяющая анализировать и самостоятельно принимать решения и осуществлять действия без вмешательства и контроля со стороны человека [4].

Ожегов С.И. под искусственным интеллектом понимает мыслительную способность, умственное начало у человека. В словаре методических терминов под искусственным интеллектом понимается разум, рассудок, умственные способности: учиться из опыта, приспосабливаться, адаптироваться к новым ситуациям, применять знание, чтобы управлять окружающей средой или мыслить абстрактно[5]. Кроме того, необходимо иметь в виду существование многообразия видов интеллекта: эмоциональный, вербальный, эстетический, социальный и другие.

Во всех понятиях отражена способность искусственного интеллекта к автономному мыслительному процессу, возможности адаптации к новым ситуациям, самостоятельного принятия решений, умению рассуждать, но на данный период времени искусственный интеллект не достиг такого уровня развития. Ученые полагают, что в будущем способности искусственного интеллекта могут вполне соответствовать человеческим.

В науке существуют различные позиции относительно сроков достижения искусственным интеллектом такого результата. Однако, указанные прогнозы являются довольно абстрактными. Кроме того, достижение искусственным интеллектом невероятно быстрой скорости принятия решений еще не означает возможность сопоставления указанных возможностей с возможностями человека, особенно учитывая то, что мозг человека до конца не изучен. Более того, какой бы серьезной мощностью и «человекоподобным» обликом не обладал искусственный интеллект, он вряд ли сможет обладать сознанием, подсознанием и иметь полную совокупную возможность человеческих чувств. Исходя из самого определения и анализируя признаки искусственного интеллекта, следует вывод, что свойства и возможности искусственного интеллекта в принципе некорректно назвать как таковым интеллектом и тем более сравнивать с когнитивной функцией мозга человека, что по себе исключает возможность наделения искусственного интеллекта правосубъектностью.

Хотя правовой статус искусственного интеллекта в настоящий момент в законодательстве Республики Узбекистан не определен, однако на данный счет существует несколько доминирующих позиций.

- Искусственный интеллект является субъектом права, по содержанию приближено к физическому лицу, но также есть предложение ввести отдельный правовой статус «электронного лица».

- Искусственный интеллект является объектом права и должен по статусу приравниваться к животным, то есть, является имуществом.

- Искусственный интеллект является лишь техническим средством.

Необходимость определения статуса искусственного интеллекта в первую очередь связана с институтом привлечения к ответственности. И дело даже не в карательном характере, а в создании безопасных условий взаимодействия искусственного интеллекта и человеческой особи, в том числе, при создании, использовании и распоряжении объектами интеллектуальной собственности.

В Республике Узбекистан искусственный интеллект не может быть автором результата интеллектуальной деятельности. В соответствии с нормами Гражданского кодекса, как уже отмечалось, «автором произведения науки, литературы или искусства признается гражданин, творческим трудом которого оно создано», то есть, законодательство Республики Узбекистан признает автором произведения именно физическое лицо, т.е. человека [5].

Возникает вопрос, кто в таком случае является автором объекта интеллектуальной собственности. В правоприменительной практике и доктрине до сих пор отсутствует единое мнение, однако можно выделить несколько превалирующих подходов:

- автором результата интеллектуальной деятельности нейросети является разработчик программного обеспечения;

- автором результата интеллектуальной деятельности нейросети является пользователь;

- автором результата интеллектуальной деятельности является собственник оборудования, используемого для запуска и функционирования программы;

- автором результата интеллектуальной деятельности является искусственный интеллект.

Авторство необходимо определять в каждом конкретном случае индивидуально, в зависимости от объема вклада человека в функционирование нейросети для достижения конкретного результата. Однако считаю, что в большинстве случаев автором должен признаваться именно разработчик

программного обеспечения, поскольку именно он закладывает в нейросеть определенные алгоритмы для достижения конкретных результатов.

Еще одним важным критерием возникновения авторского права является наличие творческого вклада. Данная категория в сфере интеллектуальной собственности является очень субъективной и абстрактной и в каждом случае анализируется индивидуально. Но если обратиться к самой семантике слова «творчество», то согласно толковому словарю Ожегова С.И. [5] под творчеством понимается создание новых по замыслу культурных или материальных ценностей. Важным элементом творческого процесса является креативность. Человек в отличие от искусственного интеллекта обладает физиологической способностью к мыслительной деятельности, фантазии. Результат творческой деятельности человека появляется, в том числе, благодаря компиляции определенного опыта, знаний, наблюдений, мировоззрения, образного мышления, ценностей, воспитания. Искусственный интеллект же не обладает всеми указанными свойствами, в отличие от человека, следовательно, любой созданный им продукт фактически является результатом генерирования заложенной в искусственный интеллект информации.

Имеется ли в данном процессе генерирования творческий вклад? На данный вопрос нет однозначного ответа. С одной стороны, процесс генерации является сугубо техническим, с другой, зачастую люди (художники, композиторы и т.д.) черпают вдохновение также из уже существующих результатов интеллектуальной деятельности.

Говоря о наличии в работе искусственного интеллекта творческого вклада, можно искусственный интеллект классифицировать по творческому потенциалу.

1) Слабое влияние на финальный результат. Характеристика: к данной категории относится машинный интеллект, который применяется в текстовых редакторах для исправления ошибок, стилистики, в фотокамерах для автонастройки (ISO, выдержка, размер диафрагмы и т.д.), в аудиоредакторах для шумоподавления. Искусственный интеллект в таких случаях имеет лишь косвенное влияние на результат и почти не проявляет свой творческий потенциал.

2) Влияние на финальный результат, но использование в качестве инструмента (по идее автора-человека). Характеристика: в данной категории искусственный интеллект проявляет свой творческий потенциал, но не в полной мере. Свобода творчества ограничена контекстом или небольшим

количеством данных для анализа и обучения. Такой искусственный интеллект, например, изменяет изображения в графических редакторах.

3) Финальный результат непредсказуем. Характеристика: В этой категории творческий потенциал искусственный интеллект проявляется в полной мере. Системы машинного интеллекта самообучены, а создание финального результата полностью непредсказуемо и является целью функционирования нейросети.

Исходя из приведенных сведений следует вывод, что искусственный интеллект все-таки может обладать творческим потенциалом, однако провести разграничение между технической функцией и творческим вкладом довольно проблематично.

Переходя к морально-этическому аспекту наделения искусственного интеллекта правосубъектностью, необходимо принимать во внимание все возможные риски и последствия, связанные фактически с возможным появлением равноправия человека и искусственного интеллекта. Суть проблемы заключается далеко не в сокращении рынка рабочих мест для обычных людей, а касается гораздо серьезных последствий.

Поскольку искусственный интеллект лишен биологических процессов, чувств, ценностей, в том числе и духовных, он может стать опасным автономным оружием, который действует, исключительно основываясь на когнитивных функциях, исключая морально-нравственные и духовные осознания действий.

Однако, если не предоставить искусственному интеллекту правосубъектность, а также не решить вопрос привлечения к ответственности за действия искусственного интеллекта, это также может привести к негативным и даже страшным последствиям. Искусственный интеллект может превратиться в опасное оружие в руках человека.

Определяя статус искусственного интеллекта и наделяя его определенной ответственностью (в случае признания субъектом правоотношений), есть большая вероятность злоупотребления со стороны человека, которое выражается в перекладывании ответственности на искусственный интеллект.

Следовательно, ответ на вопрос о необходимости наделения искусственного интеллекта правосубъектностью с учетом анализа всех последствий и рисков, скорее отрицательный. Однако, определенно, законодательно необходимо установить детальное правовое регулирование деятельно-

сти, включая детальную проработку вопроса привлечения к ответственности за действия искусственного интеллекта до серьезного прогрессивного развития способностей технологии.

Искусственный интеллект – это комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые, как минимум, с результатами интеллектуальной деятельности человека. Комплекс технологических решений включает в себя информационно-коммуникационную инфраструктуру, программное обеспечение (в том числе в котором используются методы машинного обучения), процессы и сервисы по обработке данных и поиску решений;

Технологии искусственного интеллекта – технологии, основанные на использовании искусственного интеллекта, включая компьютерное зрение, обработку естественного языка, распознавание и синтез речи, интеллектуальную поддержку принятия решений и перспективные методы искусственного интеллекта;

Перспективные методы искусственного интеллекта – методы, направленные на создание принципиально новой научно-технической продукции, в том числе в целях разработки универсального (сильного) искусственного интеллекта (автономное решение различных задач, автоматический дизайн физических объектов, автоматическое машинное обучение, алгоритмы решения задач на основе данных с частичной разметкой и (или) незначительных объемов данных, обработка информации на основе новых типов вычислительных систем, интерпретируемая обработка данных и другие методы);

Технологическое решение – технология, программа для электронно-вычислительных машин (программа для ЭВМ), база данных или их совокупность, а также сведения о наиболее эффективных способах их использования.

В современных теоретико-правовых исследованиях активно обсуждаются проблемы правового регулирования общественных отношений, связанных с разработкой, производством и применением искусственного интеллекта.

Вместе с тем разработка единого доктринального подхода к определению понятия и сущности искусственного интеллекта осложняется многогранностью изучаемого явления. Несмотря на некоторые преобразования

в части стратегического нормотворчества, комплексное правовое регулирование искусственного интеллекта пока не выработано. Вероятно, сложность вызвана неопределенностью, связанной с отнесением искусственного интеллекта к объектам правового регулирования или субъектам права.

При рассмотрении искусственного интеллекта в рамках исторически первого подхода, иными словами, как инновационного технического средства, его следует относить к объектам правового регулирования, на которые воздействует право.

Учитывая второй подход, подчеркивающий способность искусственного разума к самостоятельному принятию решений, искусственный интеллект может рассматриваться как субъект права, способный реализовывать субъективные права и осуществлять юридические обязанности.

Специалисты-правоведы, изучающие искусственный интеллект, склонны именовать его либо специфическим объектом права, либо квазисубъектом права. Исходя из вышесказанного, искусственный интеллект нельзя в полной мере относить ни к объектам, ни к субъектам права.

Иными словами, искусственный интеллект уже нельзя считать классическим объектом правового регулирования, но еще нельзя рассматривать как полноценный субъект права по следующим причинам:

1. Традиционная концепция о субъектах права исходит из того, что участниками правоотношений являются физические и юридические лица.
2. Попытки сравнения искусственного интеллекта с физическими лицами не выдерживают критики с точки зрения физиологии.
3. Когнитивные способности искусственного интеллекта весьма ограничены в сравнении с человеческими функциями мозга.

Несмотря на то, что искусственная нейронная сеть построена по принципу функционирования нервных клеток живого организма, она значительно уступает строению биологической нейронной сети по количеству слоев нейронов. Также в искусственных нейронных сетях слои нейронов срабатывают последовательно; в человеческом мозге обмен информацией между нейронами идет параллельно и асинхронно. Именно поэтому попытки полноценного замещения человеческого мозга искусственным интеллектом несостоятельны, т. к. искусственная нейросеть всегда будет подобием, не способным повторить оригинала.

Ввиду того, что юридические лица являются субъектами права фиктивно, по аналогии с ними искусственный интеллект может также обладать некоторыми признаками субъекта права.

Например, иметь регистрацию и учетный номер, обладать производственно-хозяйственной компетенцией, соответствующей целям его деятельности; обладать материальной ценностью; его можно привлечь к юридической ответственности (например, в виде принудительного отключения или доработки программы, а также утилизации). Такая аналогия предвосхищает идею того, что искусственный интеллект вполне обоснованно можно рассматривать как очередную юридическую фикцию, созданную в целях упрощения правового регулирования.

В научной литературе получил распространение термин «квази-субъект» права, под которым понимается субъект права, не обладающий полноценной правосубъектностью. Некоторые авторы относят к разновидности квази-субъектов публично-правовые образования. Однако, даже для квази-субъектов права характерно наличие такого качества правосубъектности как воля, которой искусственный интеллект не обладает.

Итак, способность к самообучению и автономной деятельности не является достаточным основанием для наделения искусственного интеллекта правосубъектностью. Следует отметить, что с позиции гражданского законодательства к животным применяются общие правила об имуществе, несмотря на их высокие когнитивные способности, возможности самообучения и самосовершенствования.

Таким образом, в ближайшее время искусственный интеллект следует рассматривать в качестве объекта права согласно положениям (статья 81 Гражданского кодекса.) об объектах гражданских прав. По аналогии со статьей 999 ГК ответственность за деятельность, связанную с применением искусственного интеллекта, должны нести лица, использующие искусственный интеллект как объект повышенной опасности [6].

В случае встроенного дефекта или программирования с ошибкой в коде, ответственность в порядке регресса может быть возложена на производителя или разработчика искусственного интеллекта.

Законодатель разграничивает понятия «искусственный интеллект» и «технологии искусственного интеллекта», часто отождествляемые в дискуссиях и литературе. Если обратиться к терминологии патентного права, можно сказать, что данные понятия соотносятся как «изобретение» и «зависимое изобретение». Помимо смещения указанных выше понятий в литературе часто отождествляют искусственный интеллект и материальный объект (устройство), в котором воплощен, – «робот», «робототехническое устройство».

Это неудивительно: как отмечает Р. Кало, «немногие сложные технологии имеют единое, стабильное, неоспоримое определение. Роботы не являются исключением. Однако существует определенный консенсус в отношении идеи о том, что роботы – это механические объекты, которые воспринимают мир, обрабатывают то, что они чувствуют, и в свою очередь воздействуют на мир. В этом случае польза так называемой парадигмы «разум-мышление-действие» заключается в том, чтобы отличать роботов от других технологий [7].

Ноутбук с камерой может в какой-то степени воспринимать и обрабатывать внешний мир. Но ноутбук не воздействует на мир. Автомобиль с дистанционным управлением с помощью камеры воспринимает и физически воздействует на окружающую среду, но в части обработки информации зависит от оператора-человека. Идея робота или роботизированной системы заключается в том, что технология сочетает в себе все три составляющие».

Безусловно, автор имеет в виду робота (робототехническое устройство), оснащенное искусственным интеллектом, а не условного «робота-пылесоса», дать определение которому значительно проще, например: «Машина, предназначенная для автоматического выполнения одного или нескольких заданий со скоростью и точностью» или «устройство, предназначенное для осуществления различного рода механических операций, которое действует по заранее заложенной программе».

Таким образом, не всякий робот оснащен искусственным интеллектом (технологией искусственного интеллекта), и не всякий искусственный интеллект обязательно воплощается в робототехническом устройстве, следует это учитывать во избежание путаницы в определении правовой природы и режимов данных объектов.

Соответственно, в круг объектов, включаемых в понятие «искусственного интеллекта», входит и его материальное воплощение в форме робота (робототехнического устройства). Пользуясь терминологией права интеллектуальной собственности, данные понятия можно соотнести как «результат интеллектуальной деятельности» и «материальный носитель (вещь), в котором выражен результат интеллектуальной деятельности».

Возвращаясь к определению искусственного интеллекта, предложенному в данных нормативных актах, обратим внимание на словосочетание «результаты, сопоставимые, как минимум, с результатами интеллектуальной деятельности человека». Данные объекты не смешиваются в литературе с

самим искусственным интеллектом, но также требуют определения правового режима, в частности, определения круга таких объектов, возможности распространения на них режима интеллектуальных прав, установления правообладателя, способов использования, сроков правовой охраны и другие [11].

Изложенное позволяет сделать вывод о том, что в перечень объектов в сфере искусственного интеллекта входят:

- искусственный интеллект;
- технологии искусственного интеллекта;
- устройства, в которых выражен искусственный интеллект;
- результаты деятельности искусственного интеллекта.

Из данного перечня объектами, имеющими достаточно определенный правовой режим, на наш взгляд, выделяются устройства, в которых выражен искусственный интеллект, – в соответствии с существующей классификацией объектов гражданских прав они относятся к вещам, и на них распространяется вещно-правовой режим.

Что касается остальных объектов, их правовой режим на законодательном уровне не определен и единство мнений ученых по данному вопросу отсутствует, однако актуальность вопроса о разработке теоретической модели регулирования и дальнейшего ее воплощения в нормативно-правовых актах возрастает по мере научно-технического развития общества.

Список использованных источников

1. Об утверждении Стратегии «Цифровой Узбекистан-2030» и мерах по ее эффективной реализации : Указ Президента Республики Узбекистан от 05.10.2020 г. № УП-6079 // LexUz : Национальная база данных законодательства Республики Узбекистан. – URL: <https://lex.uz/uz/docs/5031048> (дата обращения: 19.02.2024).
2. О мерах по созданию условий для ускоренного внедрения технологий искусственного интеллекта : Постановление Президента Республики Узбекистан от 17.02.2021 г. № ПП-4996 // LexUz : Национальная база данных законодательства Республики Узбекистан. – URL: <https://lex.uz/docs/5297051> (дата обращения: 19.02.2024).
3. Правосубъектность искусственного интеллекта: возможно ли? Правовой и морально-этический аспект // Зуйков и партнеры. – URL: <https://zuykov.com/about/articles/pravosubektnost-iskusstvennogo-intellekta-vozmozhno-li-pravovoi-i-moralno-eticheskii-aspekt/> (дата обращения: 24.04.2024).
4. Рекомендация об этических аспектах искусственного интеллекта // ЮНЕСКО. – URL: https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000380455_rus (дата обращения: 24.04.2024).

5. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка : 80 000 слов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. - М. : ИТИ Технологии, 2003. - 943 с.
6. Гражданский кодекс Республики Узбекистан // LexUz : Национальная база данных законодательства Республики Узбекистан. – URL: <https://lex.uz/docs/111181> (дата обращения: 19.02.2024).
7. Calo, R. Robots as legal metaphors / R. Calo // Harvard Journal of Law & Technology. – 2016. – Vol. 30, N 1. – P. 209–237.
8. Об авторском праве и смежных правах : Закон Республики Узбекистан, от 20.07.2006 г. № ЗРУ-42 // LexUz : Национальная база данных законодательства Республики Узбекистан. – URL: <https://www.lex.uz/acts/1023494> (дата обращения: 19.02.2024).
9. Рустамбеков, И. Имплементация норм международных актов в сфере защиты авторского права в сети Интернет в законодательство Узбекистана / И. Рустамбеков // Вопросы современной юриспруденции. – 2016. - № 1 (52). - С. 56.
10. Бурханова, Л. М. Особенности конституционно-правовой защиты интеллектуальной собственности в Республике Узбекистан: национальный и международный опыт / Л. М. Бурханова // Правовая защита интеллектуальной собственности: проблемы теории и практики : электрон. сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф., Новополюцк, 26 мая 2023 г. / редкол.: В. А. Богоненко (отв. ред.) [и др.]. – Новополюцк : Полоц. гос. ун-т им. Евфросинии Полоцкой, 2023. – С. 10-16.
11. Бурханова, Л. М. Вопросы совершенствования правового регулирования нематериальных благ как особого объекта гражданского права в проекте новой редакции Гражданского кодекса Республики Узбекистан / Л. М. Бурханова // Правовая защита интеллектуальной собственности: проблемы теории и практики : сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф., Новополюцк, 28 мая 2021 г. / редкол.: В. А. Богоненко (отв. ред.) [и др.]. – Новополюцк, 2021. – С. 19-22.
12. Бурханова, Л. М. Защита средств индивидуализации в сетях Интернет посредством доменных имен / Л. М. Бурханова // Правовая защита интеллектуальной собственности: проблемы теории и практики : материалы Междунар. науч.-практ. конф., Новополюцк, 17–18 мая 2019 г. / Полоц. гос. ун-т ; редкол.: В. А. Богоненко (отв. ред.), Н. А. Бесецкая, И. В. Вегера. – Новополюцк, 2019. – С. 43-47.

ПРАВОВАЯ ОХРАНА ПРОИЗВЕДЕНИЙ, СОЗДАНЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

А.И. Шевандо

*преподаватель кафедры права интеллектуальной собственности
юридического факультета Белорусского государственного университета
ShavandaAI@bsu.by*

Аннотация. В статье исследуются вопросы правовой охраны произведений, созданных с использованием искусственного интеллекта. В ходе исследования были выделены два формирующихся подхода к охраноспособности таких объектов. Первый подход предполагает правовую охрану произведений, сгенерированных искусственным интеллектом, лишь в случае наличия творческого вклада человека-автора. Второй подход сводится к правовой охране созданных искусственным интеллектом объектов вне зависимости от участия человека. В статье высказывается критическое мнение по каждому выделенному подходу, а также анализируется опыт Великобритании, Китая, США и Украины по регулированию отношений, связанных с охраной генеративных объектов.

Ключевые слова: авторское право, искусственный интеллект, произведение, творческий вклад, творчество, автор.

Abstract. The article is studying the issues of legal protection of works created with the use of artificial intelligence. The study highlighted two evolving approaches to the protectability of such objects. The first approach assumes legal protection of works generated by artificial intelligence only if there is a creative contribution of a human author. The second approach deals with the legal protection of objects created by artificial intelligence regardless of human participation. The article expresses a critical opinion on each highlighted approach and analyzes the experience of Great Britain, China, the USA and Ukraine in regulating relations related to the protection of generative objects.

Keywords: copyright, artificial intelligence, artwork, creative input, creativity, author.

За последние пару лет искусственный интеллект (далее – ИИ) стал одной из самых обсуждаемых тем в политике, СМИ, научных кругах. Влияние ИИ на жизнь человека сложно переоценить. В повседневной жизни мы постоянно сталкиваемся с ним: специальные алгоритмы настраивают нашу ленту в социальных сетях и сортируют письма в электронном ящике, для решения бытовых и профессиональных вопросов люди все чаще обращаются за помощью к «умным» ассистентам (ChatGPT, Copilot и др.). Модели ИИ широко используются в промышленности для автоматизации производственных процессов, контроля качества продукции, в медицине для диагностики заболеваний и выполнении сложных операций. В некоторых странах

начинают тестировать и запускать сервисы беспилотного такси для перевозки пассажиров.

Использование ИИ поднимает множество вопросов и проблем, для решение которых необходимо выработка адекватного правового регулирования. Среди таких проблем можно выделить: защита прав человека, конфиденциальность, безопасность персональных данных, кибербезопасность, прозрачность алгоритмов, угроза предвзятости и дискриминации при принятии моделями ИИ решений, проблема ответственности за вред, причиненный системами ИИ, негативное влияние на работников. Способность генеративного ИИ создавать контент, который соотносим с произведениями, охраняемыми авторским правом, поднимает следующий вопрос: возможно ли предоставление правовой охраны объектам, сгенерированным ИИ?

Авторское право ставит перед собой задачу стимулирования и защиты творческого труда человека. Оно гарантирует автору вознаграждение за использование его произведений, позволяя ему продолжать свою творческую деятельность. Механизмы авторского права также позволяют предпринимателям окупать те инвестиции, которые они вложили в создание произведений, обеспечивая тем самым развитие прогресса и искусства.

Закон Республики Беларусь от 17.05.2011 № 262-З «Об авторском праве и смежных правах» определяет автора, как физическое лицо, творческим трудом которого было создано произведение. Такой подход является общепринятым в большинстве стран (за некоторыми оговорками, о чем будет сказано далее), несмотря на то, что понятие творческого труда (вклада) может различаться в зависимости от юрисдикции. Появление генеративного ИИ заставляет множество исследователей ставить под сомнение существующие теории, обосновывающие авторское право.

В контексте правового регулирования генеративного ИИ одним из наиболее важных вопросов является необходимость и степень творческого участия человека для признания охраноспособности произведения, созданного ИИ. В рамках данной проблематики можно выделить два подхода, которые постепенно развиваются в доктрине и практике зарубежных государств:

- правовая охрана объекта, сгенерированного ИИ, возможна лишь в случае наличия творческого вклада человека в его создание;
- правовая охрана объекта, созданного ИИ, предоставляется вне зависимости от степени творческого участия человека при его создании.

В рамках первого подхода будут проанализированы актуальные источники права, свидетельствующие о необходимости творческого участия человека при создании произведений с помощью ИИ. Рассмотрение второго подхода будет построено на исследовании доктрины и практики, обосновывающей необходимость предоставления правовой охраны объектам, сгенерированным ИИ, в отсутствие творческой деятельности человека.

Творческий вклад человека как необходимое условие авторско-правовой охраны произведений, созданных с помощью ИИ. С появлением различных технических средств, например, позволяющих фиксировать предметы объективной реальности (фото- и видеозапись), авторское право стремилось выработать подходы к оценке произведений, созданных с помощью такой техники. К примеру, в Российской Федерации в п. 80 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 апреля 2019 г. N 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» указано, что результаты, созданные с помощью технических средств в отсутствие творческого характера деятельности человека (например, фото- и видеосъемка работающей в автоматическом режиме камерой видеонаблюдения, применяемой для фиксации административных правонарушений), объектами авторского права не являются.

Не только российская, но и практика зарубежных государств придерживается такой же позиции: при оценке охраноспособности произведения, созданного с помощью технических средств, анализируется творческий вклад человека в его создание. Однако такая практика была сформирована до появления нынешних моделей генеративного ИИ и сложно не согласиться, что ИИ значительно отличается от обычных технических средств, которые использовались авторами при создании произведений.

В рамках рассматриваемого подхода интересной представляется формирующаяся практика США, где, как и в Республике Беларусь, творческий вклад человека-автора является необходимым условием для предоставления правовой охраны произведению. В Руководстве для сотрудников Бюро авторского права США (далее – Бюро) закреплено, что «Бюро не регистрирует произведения, созданные машиной или простым механическим процессом, которые работают случайным образом или автоматически без какого-либо творческого участия или вмешательства со стороны человека-автора. При решении вопроса об участии человека в процессе создания

произведения учитывается характер использования технических средств, т.е. были ли они вспомогательными устройствами или традиционные составляющие труда человека-автора (литературное, художественное, музыкальное выражение или элементы отбора, аранжировки и т.д.) были «задуманы» и исполнены машиной, а не человеком» [1].

В 2022 году широкую известность приобрела новость о регистрации в Бюро писательницей Крис Каштановой графического романа (комикса) «Zarya of the Dawn», текст и сюжет которого она придумала самостоятельно, в то время как изображения были созданы ей с использованием Midjourney. Этот случай мог бы стать прецедентом, когда человек получил авторские права на произведение, созданное ИИ. Тем не менее, в феврале 2023 года Бюро пересмотрело заявку Крис Каштановой и внесло в нее изменения. В ходе проверки Бюро согласилось с тем, что текст комикса, а также подбор и расстановка текста и изображений являются результатами творческого труда автора, в то время как отдельные изображения – нет, так как они были созданы с помощью Midjourney. Доводы Крис Каштановой о том, что модель ИИ выступала только инструментом, так как изображения были созданы после многочисленных точечных промптов, что требовало огромного труда и времени, не повлияли на выводы Бюро. В своем решении оно указывает, что изображения для комикса, созданные ИИ, «не обладают признаками оригинальности, необходимыми для защиты произведения авторским правом» [2], а то, что пользователи не могут предсказать конкретный результат, генерируемый Midjourney, делает эту модель ИИ «отличной от других инструментов, используемых художниками, для целей авторского права» [2]. По итогам проверки первоначальная регистрация была изменена, новая регистрация закрепляет авторские права Крис Каштановой лишь на текст комикса и порядок расстановки текста и изображений.

Этот подход получил закрепление в судебной практике. В деле *Stephen Thaler v. Shira Perlmutter* (2023) истец утверждал, что является создателем компьютерной программы «*Creativity Machine*», которая по его запросу сгенерировала картину «*A Recent Entrance to Paradise*». Стивен Талер обратился в Бюро за регистрацией авторских прав на картину, где в заявке в качестве автора указал компьютерную программу, а правообладателем себя, мотивировав это тем, что произведение было создано «по найму». Бюро отказало в регистрации прав на изображение, ссылаясь на отсутствие творческого вклада человека в создание произведения. Суд,

рассматривая жалобу истца на отказ в регистрации произведения, справедливо указывает на то, что «человеческое творчество является неотъемлемым условием осуществления авторских прав, даже если это творчество выражается с помощью новых инструментов...» [3]. Подчеркивая, что «авторство человека является основным требованием для признания авторских прав», суд делает вывод о том, что термин «авторство» является синонимом человеческого творения» [3].

Таким образом, правоприменительная практика США указывает на творческий вклад человека-автора как необходимое условие признания авторско-правовой охраны произведения. В марте 2023 года Бюро опубликовало Руководство по регистрации авторских прав на произведения, созданные ИИ. В нем подчеркивается, что авторское право охраняет только произведения, являющиеся результатом творческой деятельности человека. Использование ИИ не будет препятствовать регистрации авторских прав на произведение, однако в таком случае Бюро в отношении каждой заявки будет проводить индивидуальное расследование, выясняя как работает ИИ и как модель была использована для создания произведения [4].

Судам в Китае также пришлось столкнуться с вопросами охраноспособности объектов, созданных ИИ. В деле *Li v. Liu* (2023) Пекинский Интернет-суд рассматривал спор о нарушении права авторства в отношении изображения, сгенерированного ИИ. В своих исковых требованиях истец пояснил, что в феврале 2023 году он создал изображение девушки с помощью модели *Stable Diffusion*, а затем разместил его на своей странице в социальной сети. Позже, истец обнаружил созданное изображение на странице ответчика, который разместил его без разрешения истца и указания на него, как автора изображения. Рассматривая дело суд отметил, что истец совершил множество итераций с изображением, постоянно меняя его параметры, что отражает «эстетический выбор истца и его личную оценку» [5], в связи с чем спорное изображение является объектом авторского права. В своем решении судья пишет: «И творчество, и искусственный интеллект могут развиваться только при надлежащем использовании системы авторского права и законных средств, чтобы побудить больше людей использовать современные технологии для творчества. В таком контексте, пока изображения, созданные искусственным интеллектом, будут отражать оригинальный интеллектуальный

вклад человека, они могут признаваться произведением и охраняться Законом об авторском праве» [5].

Таким образом, в рассматриваемом подходе генеративный ИИ выступает лишь инструментом автора, при этом творческий вклад человека остается основным требованием для распространения авторско-правовой охраны на такое произведение. При обсуждении вопросов о влиянии генеративного ИИ на сферу интеллектуальной собственности, ВОИС в своем отчете указывает следующее: «<...> генеративный ИИ может быть использован в качестве инструмента для создателей, что позволит открывать новые области искусства и творчества. Если автор использует генеративный ИИ как инструмент, но вносит значительный человеческий вклад, результат может быть признан объектом авторского права» [6]. Однако, при таком подходе остается вопрос о том, каким должен быть творческий вклад человека и как его оценивать.

Правовая охрана произведений, сгенерированных ИИ, вне зависимости от творческого вклада человека. Анализ этого направления стоит начать с законодательства Великобритании, подход которой некоторые исследователи рассматривают как потенциально возможный для охраны произведений, созданных ИИ.

Статья 9 Закона Великобритании об авторском праве, промышленных образцах и патентах 1988 года (далее – Закон 1988 года) закрепляет возможность признания авторства на произведения, созданные компьютером (англ. *computer-generated work*), за лицом, которое осуществило необходимые приготовления для его создания. Действительно, распространяя авторско-правовую охрану на произведения, создаваемые компьютерной программой без участия человека-автора, Великобритания отличается своим подходом от общего понимания авторства в праве интеллектуальной собственности [7, с. 184].

В 2022 году Управление интеллектуальной собственности Великобритании, рассматривая вопрос о взаимодействии института авторского права и генеративного ИИ, отметило: «Мы не планируем изменения законодательства в отношении произведений, созданных компьютером. На сегодняшний день нет никаких свидетельств того, что защита таких произведений причиняет вред, при том, что использование ИИ все еще находится на ранних стадиях. Таким образом, правильная оценка вариантов невозможна, и любое изменение может иметь непредвиденные последствия. Мы кон-

тролируем законодательство в этой области и сможем внести изменения или исключить охрану таких произведений в будущем, если будут представлены необходимые свидетельства» [8].

Отсутствие судебной практики, в которой бы судом толковались положения ст.9(3) Закона 1988 года не позволяет нам судить об эффективности применения режима произведений, созданных с помощью компьютера, к произведениям, сгенерированным ИИ. Дж. Ли отмечает, что «Созданные компьютером произведения, воспринимаемые Законом об авторском праве, промышленных образцах и патентах <...> были фиксированными результатами работы программного обеспечения, разработанные и ожидаемые программистом» [7, с. 183]. С учетом того, что действующий закон был принят в 1988 году, навряд ли законодатель представлял прогресс в сфере ИИ, который наступит через 30 лет.

В Украине реализована модель правовой охраны объектов, созданных без участия человека-автора, в режиме *sui generis*. Согласно статье 33 Закона Украины «Об авторском праве и смежных правах» (далее – Закон Украины об авторском праве), под неоригинальным объектом, созданным компьютерной программой, признается объект, отличающийся от существующих подобных объектов и созданный в результате функционирования компьютерной программы без непосредственного участия человека в создании подобного объекта.

При этом вышеназванный закон четко разграничивает объекты, созданные с участием человека и без. Произведения, созданные физическим лицом с использованием компьютерных технологий, не считаются неоригинальными объектами, сгенерированными компьютерной программой (ч.2 п.1 ст.33 Закона Украины об авторском праве).

Подобный подход вызывает множество вопросов, так как содержание права *sui generis* на объекты, созданные компьютером, мало чем отличается от авторских прав на произведение. Среди особенностей правового режима неоригинальных объектов, сгенерированных компьютерной программой, можно выделить:

- отсутствие личных неимущественных прав у правообладателей таких объектов;
- срок правовой охраны созданных компьютерной программой объектов составляет 25 лет.

Объем имущественных прав на неоригинальные объекты, сгенерированные компьютерной программой, совпадает с содержанием исключи-

тельного права на произведение, в связи с чем возникают вопросы о разумности такого подхода. Предоставление неоригинальным объектам схожего правового режима с объектами авторского права влечет за собой риск снижения ценности творческого труда, так как для создания такого объекта требуется лишь доступ к модели ИИ.

Некоторыми исследователями высказывается мнение о возможности правовой охраны объектов, созданных ИИ, в режиме смежных прав. Так, например, по мнению А.И. Балашовой, «в качестве основного варианта предоставления правовой охраны результатам деятельности ИИ, сопоставимым с объектами авторского права и исполнениями, в другом формате видится правовой режим смежных прав» [9].

В.О. Калятин считает, что правообладателем в отношении произведений, сгенерированных ИИ, должно быть лицо организовавшее их появление или лицо, инвестировавшее в их создание. В таком случае, по мнению ученого, «гораздо логичнее говорить не об авторском, а о более узком смежном праве, о предоставлении права организатору процесса создания объекта, подобно права изготовителя фонограммы, организации эфирного или кабельного вещания и т.д. <...> Преимущество указанно модели: стимулирование создание новых результатов интеллектуальной деятельности и возможность владельца приобретенного программного обеспечения эффективно осуществлять его коммерческую эксплуатацию» [10, с.39].

Режим смежных прав предусматривает охрану объектов, которые хоть и не рассматриваются в качестве произведений, однако по своему уровню творчества или затраченным при их создании организационным и техническим усилиям, могут претендовать на признание за ними исключительных и некоторых личных неимущественных прав. А.Г. Матвеев предлагает рассматривать систему смежных прав следующим образом: «<...> смежные права можно разделить на права, охраняющие творческие интересы личности и ее индивидуальность; права, целью признания которых является возврат вложенных в проект инвестиций; и права, охраняющие разнохарактерные интересы бенефициаров нетипичных смежных прав» [11].

Представляется, что основными предпосылками предложений об охране сгенерированных объектов в режиме смежных прав является тот факт, что ИИ не способен к творчеству, а также необходимость защи-

ты инвестиций и труда, вложенных в создание такого объекта. Так, В.О. Калятин пишет: «<...> для полноценной реализации это модели целесообразно введение в законодательство специального регулирования, например, в категории смежных прав. Это также позволит за счет установления разных режимов разграничить деятельность человека и функционирование искусственного интеллекта и соответственно минимизировать риск «инфляции» ценности результатов интеллектуальной деятельности ввиду того, что искусственный интеллект может массово производить такие продукты» [10, с. 40].

Однако такой подход может быть ошибочным по некоторым причинам. Действительно, ИИ не способен к творческой деятельности, так как он не является субъектом права, не способен выступать в качестве участника каких-либо отношений, соответственно ИИ не способен к созидательной деятельности. Несмотря на всю свою техническую сложность и некоторую непредсказуемость, генеративный ИИ является лишь инструментом. Однако само по себе использование ИИ не означает, что полученные результаты будут считаться «нетворческими».

Говоря о введении режима смежных прав в отношении сгенерированных объектов для снижения риска «девальвации» традиционных объектов авторского права, стоит больше опасаться того, что любой человек, который получит доступ к генеративной модели ИИ, не прилагая значительных усилий, сможет претендовать на правовую охрану созданных объектов в режиме смежных прав. С учетом того, что эти объекты формально, по внешним признакам, будут сопоставимы с произведениями, интерес к творческой деятельности будет потерян, так как любое лицо будет осознавать, что, затрачивая минимальные усилия и ресурсы, оно получит гарантированную правовую охрану сгенерированного объекта.

Также стоит учитывать, что, как правило, лицо, использующее модель ИИ для генерации различных объектов, не является создателем такой модели, а получает доступ к ней как к продукту компании-разработчика. Практически любой человек может оплатить подписку на сервисы, предоставляющие доступ к генеративному ИИ и быстро разобраться с интерфейсом модели. С учетом этого, довод о специальном субъекте, который направил инвестиции или организовал процесс создания объекта при помощи модели ИИ и чьи интересы необходимо охранять, звучит довольно сомнительно.

Чтобы не создавать огромный пласт охраноспособных объектов, необходимо рассматривать ИИ лишь в качестве инструмента, а лицо, создавшее такой объект, должно быть готово продемонстрировать уровень своего творческого участия.

Таким образом, можно заключить, что в настоящий момент формируются два направления правовой охраны объектов, сгенерированных ИИ.

В рамках первого направления творческий труд человека остается необходимым требованием для признания произведения охраноспособным. Соответственно, генеративный ИИ должен восприниматься лишь в качестве инструмента для создания произведения, а при возникновении вопросов о правовой охране объекта, созданного с помощью ИИ, должен оцениваться творческий вклад автора.

Второй подход предусматривает предоставление правовой охраны объектам, сгенерированным ИИ, вне зависимости от степени творческого участия человека при их создании. При этом правовая охрана таких объектов может осуществляться либо в режиме смежных прав, либо в специально созданном режиме (*sui generis*).

На сегодняшний день отсутствуют комплексные исследования, которые могли бы нам однозначно ответить к каким последствиям приведет тот или иной способ правового регулирования результатов деятельности генеративного ИИ. Перед законодателем стоит сложная задача сохранения баланса интересов авторов, разработчиков ИИ и пользователей таких моделей: с одной стороны, мы должны поощрять инновационный рост в сфере ИИ, создавать необходимые условия для разработки и развития таких систем, с другой стороны авторское право должно оставаться институтом, защищающим творческую деятельность человека. В свете развития и распространения ИИ авторское право испытывает множество вызовов, но, как нам представляется, должно сохранить свой человеко-ориентированный подход, при котором ИИ будет служить инструментом, облегчающим творческую деятельность человека, но не заменяющий ее.

Список использованных источников

1. Compendium of U.S. Copyright Office Practices § 101 (3d ed. 2021) // U.S. Copyright Office – URL: <https://www.copyright.gov/comp3/docs/compendium.pdf> (дата обращения: 15.05.2024).

2. Correspondence between U.S. Copyright Office and Kristina Kashtanova // U.S. Copyright Office – URL: <https://www.copyright.gov/docs/zarya-of-the-dawn.pdf> (дата обращения: 15.05.2024).
3. 3.1. United States district court for the district of Columbia. - URL : <https://inlnk.ru/vox3YP> (дата обращения : 26.04.2024).
4. Copyright Registration Guidance: Works Containing Material Generated by Artificial Intelligence // U.S. Copyright Office. – URL: https://copyright.gov/ai/ai_policy_guidance.pdf (дата обращения: 15.05.2024).
5. Li v. Liu, 2023, Beijing Internet Court
// URL: <https://english.bjinternetcourt.gov.cn/pdf/BeijingInternetCourtCivilJudgment112792023.pdf> (дата обращения: 15.05.2024).
6. Generative AI // WIPO Conversation. IP and Frontier Technologies – URL: https://www.wipo.int/edocs/mdocs/mdocs/en/wipo_ip_conv_ge_2_23/wipo_ip_conv_ge_2_23_summary.pdf (дата обращения: 16.05.2024).
7. Lee Jyh-An Computer-generated Works under the CDPA 1988 / Lee Jyh-An // The Chinese University of Hong Kong Faculty of Law Research Paper. – 2021. - №.65. – 2021. – P. 177-195.
8. Artificial Intelligence and IP: copyright and patents // UK Intellectual Property Office. – URL: <https://www.gov.uk/government/consultations/artificial-intelligence-and-ip-copyright-and-patents/outcome/artificial-intelligence-and-intellectual-property-copyright-and-patents-government-response-to-consultation> (дата обращения: 16.05.2024).
9. Балашова, А. И. Правовой режим результатов деятельности искусственного интеллекта: единство и дифференциация подходов / А. И. Балашова // Журнал Суда по интеллектуальным правам. – 2023. – № 3 (41). – С. 190-206. – DOI 10.58741/23134852_2023_3_20.
10. Калятин, В. О. Определение субъекта прав на результаты интеллектуальной деятельности, созданные с использованием искусственного интеллекта / В. О. Калятин // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2022. – № 4. – С. 24-50. – DOI 10.17323/2072-8166.2022.4.24.50.
11. Матвеев, А. Г. Идея смежных прав и их разновидности / А. Г. Матвеев // Журнал Суда по интеллектуальным правам. – 2019. – № 24. – С. 54-60.

О ПРИЧИНАХ СНИЖЕНИЯ ИЗОБРЕТАТЕЛЬСКОЙ АКТИВНОСТИ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Ю.А. Щепочкина

*доктор технических наук, профессор,
Заслуженный изобретатель Российской Федерации, профессор кафедры строительного
материаловедения, специальных технологий и технологических комплексов
Ивановского государственного политехнического университета
julia2004ivanovo@yandex.ru*

Аннотация. *Приведены наиболее очевидные причины снижения изобретательской активности в странах, образованных на постсоветском пространстве: материальные проблемы, сложности с квалифицированной помощью изобретателю, слабая популяризация технического творчества.*

Естественно, что приведенный материал далеко не исчерпывает все возможные причины снижения изобретательской активности в бывших советских республиках.

Ключевые слова: *изобретательская активность, постсоветское пространство, техническое творчество, изобретение, внедрение.*

Abstract. *The most obvious reasons for the decline in inventive activity in the countries formed in the post-Soviet space are given: material problems, difficulties with qualified assistance to the inventor, weak popularization of technical creativity.*

Naturally, the above material does not exhaust all possible reasons for the decline in inventive activity in the former Soviet republics.

Keywords: *inventive activity, post-Soviet space, technical creativity, invention, implementation.*

СССР давал почти пятую часть всех технических решений, ежегодно регистрируемых в мире. Сейчас, спустя десятилетия практически все страны, являющиеся бывшими советскими республиками, переживают период общего снижения изобретательской активности. При этом количество создаваемых изобретений в мире увеличивается [1]. В частности, общее количество ежегодно подаваемых заявок на изобретения в мире увеличилось в период с 2000 г. по 2021 г. в 2,5 раза, а количество патентов – в 3,4 раза [2]. Быстрыми темпами развивается, например, Китай, где создается огромное количество новых разработок практически во всех сферах деятельности человека, больших успехов достигли США, где создано и запатентовано уже более 8 млн технических решений, все больше разработок патентуют Южная Корея и Япония.

Каковы же причины того, что изобретать в странах, образованных на постсоветском пространстве, стали все меньше и меньше? По-видимому, их немало. Остановимся на причинах очевидных и, вместе с тем, достаточно острых.

Материальные проблемы. Сейчас изобретателю становится невыгодно, а в некоторых случаях (при низком доходе) и недоступно подать даже одну заявку на охраноспособное техническое решение из-за высоких патентных пошлин. Существующие в некоторых постсоветских странах «льготы» по уплате пошлин, направлены на очень малый круг лиц (ветераны, инвалиды, пенсионеры, учащиеся и др.), обычно в подавляющей своей массе не занимающихся созданием новшеств. Например, в Кыргызской Республике от уплаты пошлин освобождаются только участники Великой Отечественной войны и инвалиды I группы. Возникает вопрос: многие ли из них подают заявки на изобретения? Ответ очевиден. Вместе с тем, физические лица и некоммерческие организации там уплачивают только 10 % от установленных пошлин, а пенсионеры – 5 %. Можно также отметить предусмотренные в Республике Армения 75 % скидки по уплате патентных пошлин для физических лиц и малых предприятий численностью до 25 человек.

К сожалению, действовавшая в последние годы в Российской Федерации бесплатная подача заявок на изобретения (при условии заключения договора об отчуждении патента на условиях, соответствующих установившейся практике), стала формальностью, по существу не реализующейся на этой самой практике.

Юридические лица (образовательные, научные учреждения, промышленные, сельскохозяйственные и иные предприятия) на всем постсоветском пространстве также в большинстве случаев экономят, не желая нести лишних расходов, связанных с изобретательской деятельностью их сотрудников. Нередко предлагают разработчикам нести финансовые расходы (оплачивать пошлины) самостоятельно даже при согласии подать заявку от организации. Конечно, есть и тенденция создания новшеств «для галочки», например, для защиты диссертаций, оформления отчетности и т.д. При этом создаваемые новшества малочисленны, как правило, патенты на них долго не поддерживаются или не поддерживаются вовсе.

Напомним, что в период действия в СССР авторских свидетельств, подать заявку на изобретение бесплатно могло любое физическое или юридическое лицо независимо от материального положения. Авторское свиде-

тельство СССР обеспечивало материальное стимулирование изобретателей, а также препятствовало получению патентов зарубежными фирмами. Была и возможность выбора патента, который обеспечивал исключительные права на изобретение. Однако большинство изобретателей выбирали бесплатное авторское свидетельство, а не патент, в том числе по экономическим соображениям. Например, из 203050 охранных документов, выданных советским гражданам в 1971-1975 гг., было всего лишь 4 патента. Заявки на бесплатное авторское свидетельство подавались и иностранными гражданами [3, с. 79-80].

Кратчайший путь к созданию конкурентоспособной продукции, как известно – это использование изобретений. В конце 80-х годов прошлого столетия в СССР велось больше 150 тыс. научных разработок, но большинство изобретений не применялись вообще, а из примененных 94 % изобретений внедрялись только один раз [4, с. 3]. Всего 16 % новшеств осваивались производством в год их создания, 26 % – в течение двух лет, 8 % – трех лет [5, с. 9]. Сейчас положение на постсоветском пространстве еще более сложное.

Неблагоприятна ситуация обычно складывается, когда внедрением занимается физическое лицо, чаще всего – это сам создатель новшества. Не всегда человек может заниматься и созданием изобретений и их внедрением. Существует достаточно большая группа создателей новшеств, которая не может или неспособна заниматься внедренческой деятельностью. Работа по сменному графику, выходящая за нормы продолжительность рабочего дня (более 8 часов, а иногда 12-14 часов), а также дежурства и частые командировки у большинства людей никаким образом не способствуют ни созданию новшеств ни действиям по их внедрению. Иногда на внедренческой деятельности очень серьезно сказывается состояние здоровья человека, отсутствие у него специальных экономических и юридических знаний. За последние годы перечисленные факторы приобрели особую остроту. Можно констатировать, что даже спустя более трех десятилетий рядовой постсоветский изобретатель не смог перестроиться на «новые» условия работы без соответствующей поддержки со стороны своего государства, индивидуальной адресной помощи. Заметим, что внедрение ранее разработанного почти всегда существенно отнимает время, силы и средства изобретателя на создание нового, других, в том числе более прогрессивных, объектов интеллектуальной собственности. Крайне медленное внедрение новшеств усилиями физического лица – самого изобретателя факти-

чески обесценивает его труд, а в перспективе негативно сказывается на развитии целых отраслей промышленности и сельского хозяйства.

Инерция мышления представителей руководства многих предприятий ограничивает технический кругозор современного руководителя. У многих складывается ошибочное представление об изобретениях как о случайных находках. В то же время создание изобретения является большой и тяжелой работой, связанной с поиском и анализом фактического материала. Да, и расходы на создание изобретения весьма существенны. Вместе с тем, обоснование нового технического решения стоит примерно в 10 раз меньше его конструкторской проработки, а последняя в свою очередь в 10 раз дешевле его опытного внедрения [5, с. 110]. Как раз на реализацию изобретений средств обычно не находится, а если средства и находятся, то сроки осуществления технического решения на практике велики (до нескольких лет). При этом следует понимать, что как раньше, так и сейчас переход от традиционной продукции на новую, связан с опытно-конструкторскими работами, переналадкой производства, дополнительными расходами, а это неизбежное бремя любого предприятия, фирмы, корпорации. В Республике Беларусь, например, в отдельных случаях проблема решается за счет международного сотрудничества типа «от нас идеи и разработки, от вас – внедренческие фирмы» [6].

Иногда предприятия, выпускающие годами типовую продукцию, не видят смысла в приобретении патентов, лицензий и освоении новой продукции и рассматривают эти мероприятия как втягивание в дополнительные расходы. Существует даже такое понятие как «социология невнедрения» [4, с. 73-89].

Чувствительна и такая проблема как незаконное использование чужой интеллектуальной собственности (изобретений) в производстве продукции, оно скрывается, изобретателю практически невозможно установить факт использования, рассчитывать на вознаграждение не приходится.

Таким образом, современный изобретатель (в абсолютном большинстве) четко понимает, что вследствие своей творческой деятельности может понести существенные финансовые затраты и при этом не получить никакого материального и даже морального вознаграждения, а это явно не способствует стремлению создавать новшества.

Сложности с квалифицированной помощью изобретателю. На большинстве предприятий, в вузах, научно-исследовательских институтах, кон-

структорских бюро, ведущих научные исследования и экспериментальные разработки гражданского назначения, сократилось число патентных работников. Во многих организациях патентные подразделения очень слабые, в некоторых – вообще отсутствуют. Закрываются специализированные журналы. Годами не патентуются ни новые материалы, ни новая техника, ни новые технологии.

Зачастую начинающий изобретатель, создавший полезную разработку, не имеет и малейшего представления по вопросам патентования, в результате делает ошибки (например, преждевременные публикации, раскрывающие сущность технического решения), неправильно решает вопросы соавторства, а иногда и просто не может доказать своего авторства и причастности к созданию нового технического решения. В то же время начинающий изобретатель должен обладать научной этикой, не присваивать себе чужие разработки, иметь представление о, так называемом, «служебном» изобретении [7].

К сожалению, изобретателю, особенно проживающему в отдаленном населенном пункте, сельской местности, иногда просто не к кому обратиться с проблемами оформления заявочного материала. В результате новая разработка остается никому неизвестной и, следовательно, не востребованной.

Быструю и квалифицированную помощь в оформлении заявочного материала оказывают коммерческие организации, расположенные в крупных городах Российской Федерации, в основном, это Москва и Санкт-Петербург. Расценки достаточно высоки. Необходимо отметить эффективную организацию, в ряде случаев даже бесплатной, достаточно квалифицированной помощи изобретателям по оформлению заявочного материала в Минске и других крупных городах Республики Беларусь. Вполне доступна за небольшую плату помощь в оформлении заявок на изобретения в Литовской Республике.

Слабая популяризация технического творчества. Известно, что популяризация массового технического творчества среди молодежи, особенно школьников и студентов, способна не только расширить кругозор начинающих изобретателей, но привить им ответственное отношение к своей работе, желание создавать и внедрять новое [7]. Можно также констатировать, что практически во всех бывших союзных республиках тематика, посвященная изобретателям и изобретениям, слабо освещается в средствах массо-

вой информации. Интерес к техническим новшествам, к творчеству у молодежи почти везде потребительский [8, 9]. Большинство молодых людей не интересуется достижениями современной науки и техники. Сохраняется дефицит технических кружков при школах, клубов юных техников. Изготовление моделей космических ракет и кораблей, самолетов и автомобилей, радиоприборов, столярных изделий и другого учащейся и работающей молодежью зачастую подменяется работой за компьютером. Но компьютерное моделирование должно лишь дополнять практику, а не заменять ее. В результате молодые люди оказываются не способны ни спроектировать, ни изготовить самостоятельно своими руками даже самые простейшие конструкции и настольные макеты. Но ведь именно на практике человек учится множеству самых разнообразных и полезных дел: чтению чертежей, конструированию, работе на станках, грамотному использованию инструментов. Конструирование, химические опыты, изобретательство, творческое беспокойство уже не является потребностью человека, погруженного в виртуальный мир. Еще раз подчеркнем, работа за компьютером – это может быть замечательное дополнение к техническому творчеству, но она не должна ни при каких условиях полностью заменять собой практику.

Выводы. Вышеприведенное далеко не исчерпывает все возможные причины снижения изобретательской активности в странах – бывших советских республиках, где за последние три десятилетия сформировались свои особенности и взгляды на техническое творчество, создание и освоение изобретений. Вместе с тем, обращает на себя внимание быстрое и продуктивное развитие изобретательской деятельности за те же последние три десятилетия в странах азиатского региона. Так, среднегодовой прирост количества заявок в странах Азии на протяжении этого времени значительно превысил аналогичный показатель в мире [2]. Главную роль сыграл Китай, достигший наибольших успехов.

Список использованных источников

1. Roca Campaca, A. The IP behind the AI boom / A. Roca Campaca, I. Kitsara, A. Daly // WIPO Magazine. – 2019. – № 1. – P. 2-11.
2. Нечепуренко, Ю. В. Мировые тенденции охраны объектов права промышленной собственности / Ю. В. Нечепуренко // Правовая защита интеллектуальной собственности: проблемы теории и практики / сб. матер. Междунар. науч.-практ. конф., Новополюцк, 26 мая 2023 г. – Новополюцк : ПГУ, 2023. – С. 100-110.

3. Прахов, Б. Г. Справочное пособие по изобретательству, рационализации и патентному делу / Б. Г. Прахов, Н. М. Зенкин. – Киев : «Вища школа», 1980. – 208 с.
4. Пригожин, А. И. Нововведения: стимулы и препятствия (Социальные проблемы инноватики) / А. И. Пригожин. – М. : Политиздат, 1989. – 271 с.
5. Ипполитов, Г. К. Труд создателей новой техники: стимулы и эффективность / Г. К. Ипполитов. – М. : Экономика, 1989. – 112 с.
6. Петкевич, М. А. Место международного научно-технического сотрудничества в формировании национальной стратегии инновационного развития Республики Беларусь / М. А. Петкевич // Информационные технологии в образовании : матер. Междунар. науч.-практ. конф. – Минск, 2009. – С. 280-283.
7. Щепочкина, Ю. А. Роль патентных исследований в подготовке научных кадров / Ю. А. Щепочкина // Высшее образование сегодня. – 2017. – № 6. – С. 16-17.
8. Смирнова, О. В. Ювенильное болото (нравственные аспекты демографической ситуации) / О. В. Смирнова // Актуальные вопросы храмового строительства : сб. матер. науч.-практ. конф. – Иваново, 2006. – С. 72-73.
9. Патреева, О. В. Особенности ценностных ориентаций студентов / О. В. Патреева // Молодая наука – развитию Ивановской области : сб. матер. науч. конф. – Иваново, 2005. – С. 314-317.

ВОЗМОЖНОСТИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ПРИМЕНЕНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В КОРПОРАТИВНОМ УПРАВЛЕНИИ

Ж.И. Юлдашев

*кандидат юридических наук, профессор, заместитель заведующего кафедрой
гражданского права Ташкентского государственного юридического университета*

Аннотация. В данной статье проанализировано современное состояние, возможности и перспективы применения технологий искусственного интеллекта в системе корпоративного управления. Результаты исследования показывают эффективность искусственного интеллекта в принятии корпоративных решений, управлении рисками, финансовом планировании и других областях.

Ключевые слова: искусственный интеллект, нейросеть, юридическое лицо, авторское право, корпоративное управление.

Abstract. This article analyzes the current state, capabilities and prospects for the application of artificial intelligence technologies in the corporate governance system. The results of the study show the effectiveness of artificial intelligence in corporate decision-making, risk management, financial planning and other areas.

Keywords: artificial intelligence, neural network, legal entity, copyright, discrimination.

Сегодня внедрение искусственного интеллекта в корпоративное управление быстро развивается от футуристической концепции (творческого взгляда, основанного на современных технологиях, научных открытиях и социальных тенденциях) к реальности. Все шире используются преимущества технологий искусственного интеллекта, внедренных в корпоративное управление, в процессах принятия бизнес-решений, координации данных, управлении рисками. В эпоху цифровой трансформации системы корпоративного управления сталкиваются с фундаментальными изменениями. Технологии искусственного интеллекта вызывают революционные изменения в этом процессе [1]. В глобальном масштабе рынок искусственного интеллекта составил 387,45 миллиардов долларов в 2022 году, и прогнозируется его рост до 1,345 триллионов долларов к 2030 году, при среднегодовом темпе роста (CAGR) 19,6% [2]. Современные корпорации вынуждены внедрять инновационные технологии для сохранения конкурентоспособности. Согласно исследованиям, проведенным компанией McKinsey, компании, эффективно применяющие технологии искусственного интеллекта, достигают рентабельности на 20-30% выше по сравнению с конкурентами [3].

Это превращает вопрос применения искусственного интеллекта в корпоративном управлении в актуальную научно-практическую проблему.

В Узбекистане ИИ внедряется во многих направлениях, таких как банковское дело, медицина, сельское хозяйство, образование. Кроме того, быстрое развитие мировой торговли и логистики создает необходимость внедрения передовых технологий в корпоративное управление. Также уделяется внимание созданию устойчивого центра данных, основанного на ИИ в Узбекистане, превращению Узбекистана в IT-центр.

Роль технологий искусственного интеллекта в корпоративном управлении изучается научно-исследовательскими учреждениями в ряде стран. Однако в существующих исследованиях недостаточно освещены вопросы комплексного применения искусственного интеллекта в различных аспектах корпоративного управления. На это влияет отсутствие решений по вопросам определения статуса и правового режима искусственного интеллекта.

Однако во многих источниках анализируются случаи достижения высокой эффективности путем внедрения искусственного интеллекта в бизнес-процессы в мировой практике [3]. Если обратить внимание на инновационные технологии, применяемые в корпоративном управлении, мы видим, что они имеют преимущественно аналитическую и отчетную форму. Однако некоторые авторы оценивают возможности искусственного интеллекта еще выше.

Например, по мнению Wilson и других, технологии искусственного интеллекта применяются в различных аспектах корпоративного управления. В частности, алгоритмы машинного обучения приобретают важное значение в процессе принятия решений [2]. Действительно, исследования показывают, что решения, принятые на основе искусственного интеллекта, имеют точность до 35% выше по сравнению с традиционными методами [4].

Сегодня зарубежные компании применяют искусственный интеллект в различных аспектах корпоративного управления исходя из своих возможностей и сферы деятельности. Например, высоко оцениваются возможности искусственного интеллекта в анализе рыночных тенденций, мониторинге деятельности конкурентов, изучении поведения потребителей и оценке инвестиционных возможностей.

Эффективный анализ данных по сравнению с человеком, минимальные затраты времени и рабочей силы входят в круг преимуществ этой тех-

нологии. Среди них, несомненно, применение искусственного интеллекта в управлении бизнес-рисками естественно дает свой эффект.

Опыт банка JP Morgan Chase показывает, что алгоритмы искусственного интеллекта позволяют снизить ошибки, связанные с человеческим фактором, при оценке финансовых рисков на 45% [5]. Анализируя это мнение, можно сказать, что анализ и прогнозирование финансовых возможностей важны для инвестиционной привлекательности бизнеса. Это становится еще более очевидным при анализе финансовых показателей в режиме реального времени, формировании автоматических отчетов, оптимизации финансовых моделей и поддержке инвестиционных решений.

Поэтому необходимо различать искусственный интеллект, применяемый в корпоративном управлении, и современные технические средства, внедренные с целью цифровизации отрасли. Технические средства представляют собой комплекс устройств, аппаратов, обычных программ, технологий, применяемых субъектами корпоративного управления в своей деятельности, которые служат для создания удобства управления и содействуют эффективной деятельности. Сотрудник, использующий их, берет на себя ответственность за правовые последствия, связанные с ошибками и недостатками. Искусственный интеллект же является "умным алгоритмом", который самостоятельно обрабатывает, анализирует, систематизирует информацию и на этой основе получает оригинальные результаты. Деятельность компаний, которые в погоне за цифровизацией используют такие методы, как проведение онлайн-собраний, участие в удаленных собраниях, не отражает сущности управления через искусственный интеллект.

Напротив, искусственный интеллект является сложным программным обеспечением.

Поэтому в современном корпоративном управлении с применением искусственного интеллекта технологии искусственного интеллекта проявляют себя как эффективный инструмент для предварительного выявления и оценки финансовых, операционных и других видов рисков.

При внедрении искусственного интеллекта в корпоративное управление существуют следующие основные проблемы.

Технические проблемы. Для эффективной работы систем искусственного интеллекта требуется анализ качественных и достаточных объемов данных. Для этого должны быть современные технологии, оснащенные совершенным программным обеспечением для хранения и анализа больших данных. Поскольку разрозненность и нестандартизированность данных,

неполнота баз данных, недостаточность механизмов проверки качества требуют, чтобы искусственный интеллект в корпоративном управлении был отдельной инфраструктурой.

Морально устаревшие технические системы, недостаток вычислительных мощностей, ограниченные возможности для доступа и анализа данных и искусственные барьеры в международной интеграции усложняют проблему.

Кроме того, нехватка квалифицированных специалистов является одной из отдельно отмечаемых проблем в этой области. Согласно исследованиям IBM, в глобальном масштабе спрос на квалифицированных специалистов в области AI в 3 раза превышает предложение [6]. Основная проблема заключается в том, что нехватка специалистов по AI, дороговизна высококвалифицированных кадров, сложности переподготовки существующих сотрудников, высокая текучесть кадров создают трудности в полноценном внедрении технологий искусственного интеллекта в компаниях. Поэтому только компании с большими финансовыми возможностями осуществляют положительную работу в этом направлении.

ИИ может принимать решения, связанные с трудовыми отношениями в сфере управления персоналом. Сегодня весь мир выражает серьезную обеспокоенность именно по этому вопросу. Проблема безработицы, которая может возникнуть в результате ИИ, уже сейчас находится в центре внимания. Например, "в последнее время увеличились дебаты, связанные с ИИ. Одни из таких споров наблюдались между Илоном Маском и премьер-министром Великобритании Риши Сунаком. На первой глобальной конференции по ИИ (Великобритания) Илон Маск подчеркнул, что в конечном итоге ИИ избавит людей от необходимости работать, и работать можно будет только для личного удовлетворения. Сунак не согласился с этим мнением и сказал, что верит в то, что "работа придает смысл жизни человека⁵. Следовательно, можно столкнуться с сопротивлением сотрудников в связи с риском потери рабочих мест, трудностями освоения новых технологий, психологическим сопротивлением изменениям и привычкой к существующим методам работы.

Кроме того, несовершенство законодательной базы, отсутствие международных стандартов, сложность требований защиты данных и неопределенность вопросов ответственности оказывают негативное влияние на развитие отрасли.

¹ https://uza.uz/uz/posts/suniy-intellekt-yaratgan-bosh-vazir-yaponlarni-hayazhongasoldi_551326

По нашему мнению, существует ряд эффективных путей решения таких проблем. В частности, в решении технических проблем положительный эффект дает разработка программ улучшения качества данных, поэтапная модернизация технической инфраструктуры.

Также целесообразно, чтобы компания сама разрабатывала программы переподготовки сотрудников, применяла стратегию поэтапного развития путем подготовки специалистов в области AI.

Многие страны не имеют достаточного правового опыта в регулировании отношений по применению искусственного интеллекта. Однако эта проблема постепенно решается. Например, в рамках закона, принятого Европейским союзом, многие страны могут разработать свои правила правового регулирования. Для этого положительный эффект дает разработка внутренних стандартов по этике AI, изучение международного опыта, работа с юридическими консультантами, совершенствование систем кибербезопасности, проведение регулярного аудита для своевременного понимания проблемы, внедрение стандартов безопасности на внутреннем и государственном уровне.

Технологии искусственного интеллекта проявляются как важный фактор в повышении эффективности корпоративного управления. Несмотря на существующие проблемы, в будущем ожидается еще более широкое применение и совершенствование этих технологий. Это позволит вывести системы корпоративного управления на новый уровень.

Список использованной литературы

1. Smith, J. The Role of AI in Modern Corporate Governance / J. Smith, P. Johnson // Corporate Management Review. - 2023. - № 38(4). – P. 412-429.
2. Wilson, T. Machine Learning in Corporate Decision Making: A Strategic Approach / T. Wilson, M. Brown // Strategic Management Journal. - 2023. - № 40(2). - P. 189-206.
3. Chen, H. Artificial Intelligence in Corporate Governance: A Systematic Review / H. Chen, L. Zhang, R. Wang // Journal of Business Management. - 2022. - № 45(3). - P. 278-295.
4. Wang, F. Decision Making in AI-Enhanced Corporate Systems / F. Wang, X. Li, Y. Chen // Decision Sciences Journal. – 2024. - № 42(1), P. 56-73.
5. Thompson, P. Financial Risk Assessment Using AI: JP Morgan Chase Experience / P. Thompson, M. Garcia, K. Brown // Banking Technology Review. 2024. - № 31(2). - P. 145-162.
6. Wilson, M. Manufacturing Optimization with AI: GE Case Study / M. Wilson, R. Davis, T. Johnson // Industrial Engineering Journal. - 2024. - № 45(3). - P. 278-295.

К ВОПРОСУ НАРУШЕНИЯ АВТОРСКИХ ПРАВ ПРИ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ТЕХНОЛОГИЙ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

О.О. Ядревский

кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры права интеллектуальной собственности юридического факультета
Белорусского государственного университета
yadreus@bsu.by

Аннотация. В статье рассматриваются случаи нарушения авторского права при обучении систем искусственного интеллекта. Анализируется зарубежное регулирование указанного вопроса в рамках Европейского Союза, США, Японии. Рассматриваются положения белорусского законодательства, даются рекомендации по разрешению возможных проблемных ситуаций в национальной юрисдикции.

Ключевые слова: интеллектуальная собственность; авторское право; искусственный интеллект; правообладатели; добросовестное использование.

Abstract. The article discusses cases of copyright violation when training artificial intelligence systems. Foreign regulation of this issue within the European Union, USA, and Japan is analyzed. The provisions of Belarusian legislation are considered and recommendations are given for resolving possible problematic situations in national jurisdiction.

Keywords: intellectual property, copyright, artificial intelligence, copyright holder fair use.

Развитие технологий искусственного интеллекта неизбежно влечет возникновение не только этических, социальных и иных проблем, но и вопросов юридического характера, требующих разрешения. Так, с середины 2023 г. против компании OpenAI – разработчика системы Chat GPT – и ее основного инвестора Microsoft было возбуждено более десятка громких судебных процессов и правительственных расследований в разных странах. Несмотря на некоторые различия в предметах указанных исков, основу их составляет то, что компания нарушает закон об авторском праве, обучая алгоритмы искусственного интеллекта [1].

Важность указанных процессов и их результатов заключается в том, что искусственный интеллект обучается на данных не только крупных компаний-правообладателей, но и миллионов простых пользователей интернета. Они тоже вправе потребовать справедливой компенсации за использование результатов своей интеллектуальной деятельности.

Разработчики машинного обучения обосновывают использование объектов авторского права тем, что такое обучение носит преобразующий и ограниченный характер, то есть является добросовестным. Так, ситуацию сравнивают со сканированием книг, защищенных авторским правом, компанией Google Books в деле Гильдии авторов против компании Google, которое в конечном итоге было признано добросовестным использованием, поскольку скопированный контент не был открыт для публичного доступа и его использование носило локальный характер.

Тимоти Б. Ли указывает, что, если истцы добьются успеха, это может сместить баланс сил в пользу крупных корпораций, таких как Google, Microsoft и Meta, которые могут позволить себе лицензировать большие объёмы обучающих данных у правообладателей и использовать свои собственные наборы данных, генерируемых пользователями [2].

Как утверждают исследователи интеллектуальной собственности Брайан Кейси и Марк Лемли, наборы данных настолько велики, что «не существует разумного варианта просто лицензировать все (данные) разрешение (любого генеративного обучения) требовать авторских прав равносильно утверждению: дело не в том, что владельцам авторских прав будут платить, а в том, что использование вообще не будет разрешено» [3].

Следует отметить, что указанные иски подаются в связи со следующими причинами. Системы искусственного интеллекта часто используются в коммерческих целях и обладают высокой эффективностью производства, что увеличивает объем и частоту получаемой прибыли. При этом субъект, изначально владеющий данными, не получает экономической выгоды. Например, об этом говорится в коллективном иске к Stability AI Ltd. и Stability AI, Inc., Midjourney, Inc., DeviantArt, Inc. [4]

Кроме того, серьезным является и вопрос репутации, поскольку качество получаемого искусственным интеллектом продукта не всегда является высоким, при этом в продукте могут использоваться водяные знаки и иные способы фиксации авторства используемых продуктов. В качестве примера можно привести иск Getty Images (US), Inc. v. Stability AI, Inc. [5].

Вместе с тем, противоположной крайностью является ограничение доступа к данным, фактически монополизация обладания данными и установления кабальных договорных условий.

В 2019 году была принята Директива (ЕС) 2019/790 Европейского парламента и Совета от 17 апреля 2019 г. об авторском праве и смежных пра-

вах в рамках единого цифрового рынка, дополняющая Директивы 96/9/ЕС и 2001/29/ЕС

Статья 3 Директивы (ЕС) N 2019/790 возлагает на государства-члены ЕС установить в национальном законодательстве обязательное исключение в отношении воспроизведения и извлечения для целей интеллектуального анализа текстов и данных в целях проведения научных исследований. Данным исключением могут пользоваться только научно-исследовательские организации и учреждения культурного наследия и только в отношении произведений или иных охраняемых объектов, к которым они имеют законный доступ. При этом в п. 14 преамбулы Директивы разъяснено понятие законного доступа. Доступ признается законным, если исследуемый контент имеется в открытом доступе (свободный доступ в сети Интернет) либо на основе договорных обязательств между правообладателями и научно-исследовательскими организациями или учреждениями культурного наследия. Норма п. 2 ст. 3 Директивы, разрешающая сохранение копий произведений или иных охраняемых объектов для целей научных исследований, в том числе для проверки результатов исследований, также является весьма важной.

Статья 4 Директивы разрешает воспроизведение и извлечение для целей интеллектуального анализа текстов и данных более широким кругом субъектов, включая и коммерческие организации. Однако такое воспроизведение и извлечение возможно только в том случае, если к произведению или иному охраняемому объекту имеется законный доступ со стороны пользователя, в том числе, когда оно было доведено до всеобщего сведения в сети Интернет, и, если правообладатели не сохранили за собой надлежащим образом права на воспроизведение и извлечение для целей интеллектуального анализа текстов и данных (ст. 4(3) и абз. 2 п. 18 преамбулы). При этом в случае если охраняемый контент доведен до всеобщего сведения в сети Интернет, надлежащим признается использование машиночитаемых средств, включая метаданные и условия использования веб-сайта или услуги.

В случае, если правообладатель не желает использования своих произведений, он может запретить его использование для указанных целей путем односторонней декларации либо вступления в договорные соглашения.

Таким образом, отличия статей 3 и 4 Директивы заключаются в том, что в первом случае допускается безусловное использование произведений

и иных охраняемых объектов для целей интеллектуального анализа данных и текстов научно-исследовательскими организациями и учреждениями культурного наследия, во втором случае такое свободное использование другими субъектами может быть запрещено правообладателями охраняемого контента.

Данные положения имеют важное значение. С одной стороны, они гарантируют право доступа к охраняемым материалам, в том числе к тем, которые хранятся в чужих базах данных. С другой стороны, они создают условия для формирования научных баз данных и их последующего использования.

В качестве примера других юрисдикций, где введены ограничения исключительного права в целях использования объектов авторского права для обучения систем искусственного интеллекта является Япония.

Так, ст. 30-4 Закона Японии об авторском праве разрешает анализ и использование охраняемых произведений в целях машинного обучения и анализа данных; ст. 47-4 разрешает создание случайных копий произведений, создаваемых в процессе работы компьютера; ст. 47-5 вводит возможность осуществления незначительного использования в рамках компьютеризированной обработки данных и предоставления результатов такой обработки, что важно для исследований, проверки и сохранения результатов, основанных на работе с базами данных.

В Великобритании предложено изменить положение о запрете интеллектуального анализа данных в коммерческих целях, разрешив такой анализ для поддержки развития искусственного интеллекта: Правообладатели по-прежнему будут иметь гарантии защиты своего контента, включая требование законного доступа [6].

В литературе по этому вопросу высказывается мнение, что «только инструменты интеллектуального анализа данных, предполагающие минимальное копирование нескольких слов или сканирование данных и обработку каждого элемента в отдельности, могут использоваться без потенциальной ответственности за нарушение авторских прав» [7].

Для определения возможности использования объектов интеллектуальной собственности в целях майнинга данных в США применяется концепция fair use – добросовестного использования, которая позволяет свободно использовать объекты авторского права, если такое использование является «разумным». Это дает возможность не указывать в законодатель-

стве исчерпывающий перечень ограничений, а также делать изъятия даже в отношении обычно допускаемых действий (ограничивать сферу свободного использования произведений) в зависимости от потребностей бизнеса. Так, согласно статье 17 U.S.C.S. § 107 устанавливается четыре фактора, которые необходимо учитывать при определении того, является ли использование в конкретном случае добросовестным: – цель и характер использования (коммерческое оно или некоммерческое (образовательное)); – характер произведения, защищенного авторским правом (какого оно рода); – объем и существенность используемой части (какая часть произведения используется, насколько она важна для произведения в целом); – влияние использования на потенциальный рынок или ценность произведения (как использование влияет на спрос на произведение или его стоимость).

Каждый из указанных факторов должен взвешиваться судом в свете целей закона об авторском праве, а не рассматриваться как исчерпывающие или определяющие факторы.

Следует отметить, что в белорусском законодательстве об авторском праве отсутствует изъятие, подобное ранее рассмотренным, для интеллектуального анализа данных. Из наиболее похожих можно указать ст. 36 Закона Республики Беларусь от 17 мая 2011 г. № 262-З «Об авторском праве и смежных правах», предполагающую свободное использование произведений в образовательных и исследовательских целях, п. 2 которой гласит следующее: «Статьи и иные малообъемные произведения, правомерно опубликованные в сборниках, а также газетах, журналах и других печатных средствах массовой информации, отрывки из правомерно опубликованных литературных и иных произведений могут быть воспроизведены посредством репродуцирования и иного воспроизведения в образовательных и исследовательских целях».

В то же время указанная статья носит ограничительный характер, поскольку допускает лишь воспроизведение с определенными целями.

Представляется целесообразным на первом этапе применять в судебной практике доктрину добросовестного использования, при этом извлечение данных должно производиться для подготовки интеллектуального анализа данных или в процессе такого анализа, в некоммерческих целях – научных, образовательных, личных. Это способствовало бы развитию технологий искусственного интеллекта и обеспечивало бы баланс интересов разработчиков таких технологий и правообладателей.

Кроме того, полагаем необходимым обязать создателей моделей искусственного интеллекта предоставлять подробную информацию о контенте, используемом для обучения модели искусственного интеллекта, а также о сущности технологии, целях ее разработки и сферах использования, чтобы обеспечить доверие пользователей.

Необходимо также ввести возможность для правообладателя контента ввести запрет на использование его произведений для целей обучения искусственного интеллекта путем публичного оповещения либо конкретного письменного предупреждения, адресованного разработчикам систем искусственного интеллекта.

Список использованных источников

1. Open AI заплатит за нарушение авторских прав и «галлюцинации» Chat GPT? // Хабр. – URL: <https://habr.com/ru/articles/815575/> (дата обращения: 22.05.2024).
2. Stable Diffusion copyright lawsuits could be a legal earthquake for AI // Arstechnica. – URL: <https://arstechnica.com/tech-policy/2023/04/stable-diffusion-copyright-lawsuits-could-be-a-legal-earthquake-for-ai/> (дата обращения: 22.05.2024).
3. The scary truth about AI copyright is nobody knows what will happen next // The verge. – URL: <https://www.theverge.com/23444685/generative-ai-copyright-infringement-legal-fair-use-training-data> (дата обращения: 22.05.2024).
4. Andersen, V. Stability AI Ltd. (3:23-cv-00201) / V. Andersen // CourtListener. – URL: <https://www.courtlistener.com/docket/66732129/andersen-v-stability-ai-ltd/> (дата обращения: 22.05.2024).
5. Getty Images (US), Inc. v. Stability AI, Inc. (1:23-cv-00135) // Copyrightlately. – URL: https://copyrightlately.com/pdfviewer/getty-images-v-stability-ai-complaint/?auto_viewer=true#page=1&zoom=auto,-245,800 (дата обращения: 22.05.2024).
6. Artificial Intelligence and Intellectual Property: copyright and patents: Government response to consultation // UK Government (2023). – URL: <https://www.gov.uk/government/consultations/artificial-intelligence-and-ip-copyright-and-patents/outcome/artificial-intelligence-and-intellectual-property-copyright-and-patents-government-response-to-consultation> (дата обращения: 22.05.2024).
7. Text and Data Mining in the Proposed Copyright Reform: Making the EU Ready for an Age of Big Data. – URL: <https://www.ip.mpg.de/en/publications/details/text-and-data-mining-in-the-proposed-copyright-reform-making-the-eu-ready-for-an-age-of-big-data-legal-analysis-and-policy-recommendations.html> (дата обращения: 22.05.2024).

СПЕЦИФИКА МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ ТОВАРНЫХ ЗНАКОВ

В.И. Яковлев

*кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского права и процесса
Белгородского государственного университета (НИУ БелГУ)
waljacobson68@yandex.ru*

Аннотация. *Автором рассматриваются особенности предоставления на международном уровне правовой охраны такому наиболее распространенному средству индивидуализации, как товарный знак. Актуальность публикации заключается в акцентировании внимания на значимости международных конвенций для целей унификации правового режима товарного знака.*

Ключевые слова: *товарный знак; международно-правовая охрана; международные органы охраны; национальная и международная охрана.*

Abstract. *the author examines the features of providing legal protection at the international level to such a common means of individualization as a trademark. The relevance of the publication lies in focusing on the importance of international conventions for the purpose of unifying the legal regime of a trademark.*

Keywords: *trademark; international legal protection; international protection authorities; national and international protection.*

Основываясь на общих положениях правовой охраны результатов творческой деятельности и средств индивидуализации, закрепленных в гл. 69 Гражданского Кодекса РФ (далее ГК РФ), отмечаем, что ст. 1231 устанавливает одновременно и признак территориальности, и экстерриториальность охраны в частности товарного знака. Территориальность охраны основывается на внутреннем законодательстве нашей страны, а экстерриториальность предусмотрена положениями международных договоров, на основании, которых правомочия правообладателей признаются.

Среди круга международных соглашений и первой по времени принятия и наиболее фундаментальной является принятая в Париже в 1883 г. Конвенция по охране промышленной собственности. Основное значение указанной конвенции нами видится в создании Союза по охране промышленной собственности.

Предписаниями указанной конвенции среди перечня охраняемых объектов присутствует и товарный знак, а также знак обслуживания. Специальные нормы о товарном знаке сконцентрированы в шестой и седьмой

статьях конвенции. Отмечаем, что структура положений Конвенции систематизирована таким образом, что очевидно в последующие редакции добавлялись новые предписания, обозначаемые одним и тем же номером статьи. В итоге в общей сложности под номерами шесть и семь фактически присутствует восемь статей.

Положения Конвенции устанавливают такие ключевые в плане установления правового режима охраны товарных знаков предписания как, во-первых, приоритет национального законодательства в плане условий подачи заявок, и регистрации соответствующего средства индивидуализации.

Во-вторых, п. 3 устанавливается независимость надлежащим образом зарегистрированного в какой-либо стране участнице Союза товарного знака от факта регистрации в другой стране. Иными словами, существует приоритет территориальности в охране товарного знака, выражающийся в отсутствии запрета на получение разными правообладателями правовой охраны на аналогичные обозначения в разных государствах.

В-третьих, устанавливается отсутствие обязательного требования о необходимости первичной регистрации знака в стране domicile правообладателя для его последующей регистрации в другой стране Союза.

Несмотря на закрепленный принцип территориальности ст. 6.5 Конвенции предусматривает возможность надлежащим образом зарегистрированного в одной стране Союза знака может получить правовую охрану в других странах «таким как он есть». При этом, мы солидарны с мнением авторов обзора судебной практики Суда по интеллектуальным правам [1] считающими, что предписания Конвенции о возможности охраны товарного знака зарегистрированного в стране происхождения в другой стране Союза не означают, что правовая охрана должна быть предоставлена каждому товарному знаку, надлежащим образом зарегистрированному в стране происхождения, а предусматривает необходимость соотнесения норм национального законодательства с теми основаниями для отказа в предоставлении правовой охраны международному товарному знаку, зарегистрированному в стране происхождения, которые предусмотрены специальными нормами международного законодательства.

Фактически в развитие положений о возможности международной регистрации товарных знаков было принято Мадридское соглашение О международной охране товарных знаков. Значимость рассматриваемого

соглашения заключается не только в логическом развитии положений ранее рассмотренной Конвенции, но и в создании еще одного Союза по международной регистрации знаков.

Представительным органом созданного Союза является Ассамблея, в которую входят по одному представителю от правительства стран ратифицировавших соглашение. В упомянутом Соглашении в качестве приложения действует соответствующая Инструкция, детализирующая все действия заявителей, Международного Бюро и компетентных органов стран участниц Соглашения, осуществляющих регистрацию обозначений.

Считаем необходимым подчеркнуть, что упомянутое Международное бюро логически должно отличаться от еще одного Международного бюро созданного в соответствии с Конвенцией О создании Всемирной Организации Интеллектуальной Собственности. Положениями двух сравниваемых конвенций эти два субъекта существенно отличаются между собой.

Международное бюро в соответствии с Мадридским соглашением не только выполняет административные функции, подготавливает заседания и действует в качестве секретариата Специального союза, но и осуществляет международную регистрацию товарных знаков и знаков обслуживания.

Однако, несмотря на присутствующие в содержании двух сравниваемых конвенций разночтения официальный Интернет портал ВОИС включает в себя и данные так называемого, Мадридского реестра, отвечающего за управление Мадридской системой.

Процедура международной регистрации осуществляется в соответствии с уже упомянутой инструкцией и предполагает получение от компетентного государственного регистрирующего органа страны происхождения знака подтверждения соответствия содержащихся в международной заявке данных, сведениям, отраженным в национальном реестре.

В заявке указывается перечень классов товаров или услуг для индивидуализации которых испрашивается правообладание товарным знаком в соответствии с еще одним международным актом – Ниццким соглашением о международной классификации товаров и услуг.

Указанные заявителем сведения о классификации подлежат проверке осуществляемой совместно национальным ведомством и Международным Бюро.

Соглашение предусматривает возможность договаривающегося государства сделать заявление о территориальном ограничении или расширении.

Установление ограничений осуществляется на основании уведомления владельца международно зарегистрированного знака о распространении его охраны на определенной территории лишь по факту специального заявления. Территориальное расширение представляет собой обратный процесс и по сути является отменой территориального ограничения

Важной представляется наличие юридической связи между международной и национальной правовой охраной проявляющейся, во-первых, в возможности замены регистрации, произведенной в одной или нескольких договаривающихся странах на имя одного и того же владельца или его правопреемника осуществленной впоследствии международной регистрацией. В результате национальные ведомства обязуются произвести в своих реестрах отметку о международной регистрации.

Во-вторых, как справедливо отмечает Б.А Шахназаров право государства базовой заявки или базовой регистрации, по сути, может влиять на действие всей международной регистрации товарного знака и его охрану за рубежом [2, с.111].

Процедура отмены международной охраны непосредственно связана с исключением охраняемого обозначения из национального реестра и последующего уведомления об этом Международного бюро национальным.

При этом, в качестве общего правила, очевидно не применяемого в изложенных нами выше случаях, закрепляется независимость международной регистрации от национальной по истечении пятилетнего срока с факта такой регистрации.

Срок, на который предоставляется правовая охрана, составляет двадцать лет с возможностью его продления на новый срок путем уплаты соответствующих пошлин. Продление исключает внесение каких-то изменений в отношении предшествующей регистрации. При этом, на Международное бюро возлагается функция по уведомлению правообладателя или его поверенного за шесть месяцев с указанием точной даты истечения срока. При условии внесения дополнительного сбора для продления регистрации может предоставляться льготный шестимесячный срок.

Правообладатель прошедшего международную регистрацию обозначения правомочен, первое, уведомить бюро об отказе от его охраны в определенных странах содружества.

Второе, владелец знака может в стране происхождения внести изменения в запись о регистрации, о чем по извещению национальных ведомств

Международное бюро делает соответствующую запись. Примером таких изменений может служить сокращение перечня товаров или услуг, на которые распространяется охрана.

Третье, владелец права на товарный знак может совершить его уступку полностью, частично или в отношении нескольких из договаривающихся стран.

При полной уступке права существенное значение будет иметь страна места жительства, нахождения или осуществления деятельности приобретателя и ее участие в Мадридском соглашении.

Если приобретатель относится к стране участнице соглашения, то ведомство страны отчуждателя уведомляет Международное бюро, которое в свою очередь регистрирует передачу, уведомляет о ней ведомства других стран и осуществляет публикацию сведений.

В случае, когда передача осуществляется в пользу лица не имеющего права подать заявку на международную регистрацию она не может быть зарегистрирована. Иными словами, если приобретатель действует в не участвующей в Соглашении стране международная регистрация по сути прекращается.

По своему юридическому значению с учетом содержащихся в ней нормативных предписаний Инструкция к Протоколу о международной регистрации знаков может рассматриваться как самостоятельный источник международного регулирования. Препятствием к этому может служить лишь принятие ее органом, лишенным полномочий принимать акты имеющие нормативный характер.

Учитывая, что правовая охрана предоставляется не просто товарному или сервисному знаку как средству индивидуализации, а она предоставляется в целях обособления однородных товаров различных производителей основополагающее значение приобретает именно четкое закрепление для разграничения каких объектов регистрируется товарный знак.

На международном уровне решению этой задачи посвящено уже упоминавшееся нами Соглашение о Международной классификации товаров и услуг.

Считаем необходимым заострить внимание на положениях ст. 2 упомянутого соглашения закрепляющей в себе в качестве общего правила диспозитивность применения, утверждаемого Соглашением классификатора в каждой из договаривающихся сторон. На факт диспозитивности указы-

вает и указание на право стран участниц использовать классификацию в качестве основной или вспомогательной системы, и правило об отсутствии связанности стран ни в отношении объема предоставляемой охраны, ни в отношении признания знаков обслуживания. Иными словами, классификация в каждой из стран Специального союза имеет то значение, которое придается ей в этой стране. В итоге страны участницы могут в целях внутреннего регулирования охраны товарных знаков использовать собственные классификаторы, что представляется нам крайне нерациональным и способным породить массу проблем в случае стремления правообладателя запросить международную охрану принадлежащего ему средства индивидуализации.

Рассматривая международное регулирование, считаем необходимым упомянуть и региональное международное соглашение Договор о товарных знаках Евразийского экономического союза заключенный в Москве в феврале 2020 г.

Положениями указанного соглашения предусматривается создание единого реестра товарных знаков Евразийского Союза, состоящего из национальных разделов.

При этом мы согласны с А.О Крылеповой считающей, что правило о необходимости признания зарегистрированного товарного знака в каждой из стран участниц ЕАЭС не позволяет утверждать о достигнутой цели экстерриториальности предоставления охраны [3, с. 11].

Хотим обратить особое внимание на закрепление в ст. 4 Договора, регламентирующей процедуру подачи заявки на регистрацию единого товарного знака требования об указании в ней перечня товаров, работ, услуг в отношении которых испрашивается охрана в соответствии с уже рассмотренным нами Международным классификатором, что позволит правообладателям без дополнительных сложностей связанных с переоформлением заявки оформить международную охрану в соответствии с Соглашением о международной регистрации знаков.

Исследовав специфику международной охраны товарных знаков прежде всего отмечаем, что ее нормативное регулирование насчитывает не одно десятилетие и направлено на решение общей задачи по унификации нормативного регулирования с целью достижения максимальной экстерриториальности охраняемых средств индивидуализации.

Эту же задачу решают и региональные соглашения участницей которых является наша страна. Основным региональным соглашением, в кото-

ром участвует Россия является договор ЕАЭС о товарных знаках, знаках обслуживания и наименованиях мест происхождения товара.

Список использованных источников

1. Кольздорф, М. А., Обзоры судебной практики за период с 1 января 2018 г. по 30 июня 2022 г., представленные в «Классификаторе постановлений президиума Суда по интеллектуальным правам» / М. А. Кольздорф, О. А. Осадчая, Е. В. Ульянова [и др.] // КонсультантПлюс. Россия : справ. правовая система (дата обращения: 20.04.2024).
2. Шахназаров, Б. А. Система правового регулирования трансграничных отношений в сфере промышленной собственности: терминологические аспекты / Б. А. Шахназаров // Актуальные проблемы российского права. - 2021. - № 7. - С. 110-124.
3. Крылепова, А. О. Преодоление территориальности в правовой охране товарных знаков посредством коллизионных норм / А. О. Крылепова // Международное публичное и частное право. - 2021. - № 5. - С. 10-13.